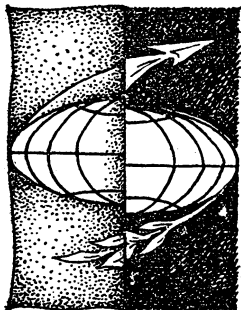

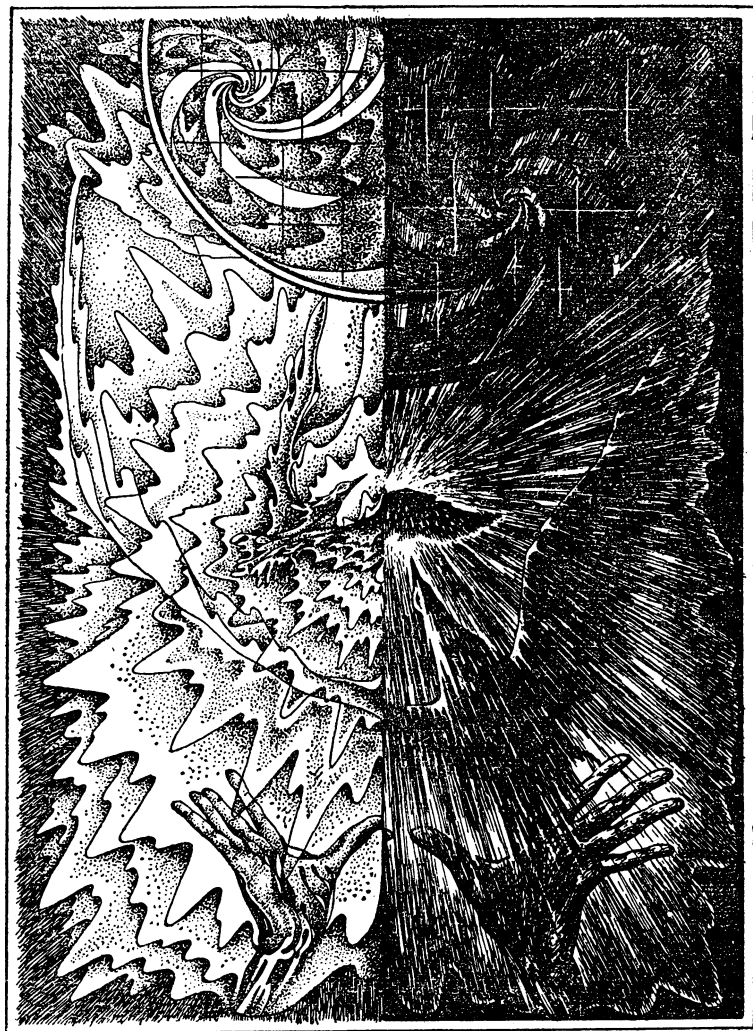
БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ОСТРОВ ПУРПУРНОЙ ЯЩЕРИЦЫ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ОСТРОВ ПУРПУРНОЙ ЯЩЕРИЦЫ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1984

84Р7
О-77

Составитель
Сергей Плеханов

Художник
Виктор Роганов

Остров пурпурной ящерицы: Сборник науч.-фантаст. повестей, рассказов и очерков / Сост. С. Н. Плеханов. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 304 с., ил. — (Б-ка сов. фантаст.).

1 р. 100 000 экз.

«Старые деревья в Михайловском помнят А. С. Пушкина», — прочитал однажды молодой биолог Зорич. А почему бы им не помнить поэта? Нельзя ли это проверить на практике? Расспросить деревья... Повесть Тихона Непомнящего «Бумеранг Зорича» вошла в сборник научно-фантастических повестей и рассказов, в котором наряду с произведениями уже опытных советских писателей-фантастов помещены и вещи молодых авторов, а также статьи об археологических находках в Сибири и на Куликовом поле.

О 4702010200—212
078(02)—84 Без объявл.

ББК 84Р7
Р2

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ

ШОРОХ ПРИБОЯ

Фантастическая повесть

Говорят, что дождь способен влиять на поступки людей. Возможно, это так и есть. Очевидно, монотонный шум, холодные, проникающие всюду брызги, влажный воздух, насыщенный электричеством, подавляют человеческую психику. Навязывают необычные поступки. Не знаю. Уверен только в одном: затормозив перед развилкой, я свернул вправо именно из-за дождя. Хотя это противоречило нормальной логике, поскольку влево тянулась ровная лента нового шоссе, вправо же уходила разбитая старая дорога, которая в дождь становилась попросту опасной. И все же я повернул вправо...

Дорога вплотную прижималась в этом месте к морю. Уютное урчание мотора в противовес дождю успокаивало, притупляло внимание, почти убаюкивало. Но тревога, рожденная во мне неведомыми силами, принесенными на землю дождем, не уходила.

Я внимательно смотрел вперед, стараясь не пропустить единственный здесь знак, оповещающий о крутом повороте, и все пытался понять, кой черт понес меня на эту дорогу. Поворот был достаточно коварен. В этом месте дорога, до сих пор идущая по самой кромке обрыва, спускалась вниз на дно глубокого оврага. В плохую погоду, когда ветер с моря нагонял волну, здесь вообще нельзя было проехать. Но сегодня ветер дул с берега. Я осторожно развернулся у знака и сразу же начал спуск.

Тревога усилилась, возможно, потому, что машина

плохо слушалась руля, колеса на крутом песке проскальзывали. Обиженный рев перегруженного мотора наполнил балку, но вопреки моим опасениям машина благополучно прошла спуск, и я с облегчением перевел дух.

Разворачиваясь на самом дне оврага, я впервые за весь день так близко увидел море. Оно лежало под дождем совершенно неподвижно, словно нарисованное на плохой картине, и казалось ненастоящим. Я переключил скорость, развернулся и приготовился штурмовать подъем на противоположном склоне балки. И тут меня что-то остановило. Может быть, чувство неуверенности? Страх перед скользким и чрезмерно крутым подъемом?

Как бы там ни было, я решил остановиться и протереть стекло. Мотор, воспользовавшись моим отсутствием, заглох, и сразу же ровный шум дождя заполнил собой все пространство, а я вместо того, чтобы выяснить, что случилось с мотором, неподвижно стоял под дождем и слушал его мощный однообразный гул.

Стоял я спиной к морю, лицом к возвышавшейся передо мной стене обрыва.

Никакие звуки не проникали на дно балки, отгороженной высокими обрывами с обеих сторон. И в этот момент сзади меня кто-то прошел по дороге. Я отчетливо услышал шаги и резко обернулся. Прямо от машины вверх по дороге шла девушка. Я увидел ее спину. Легкое, не защищенное от дождя платье, вообще слишком легкое и слишком яркое для этой погоды поздней осени, промокло насквозь и прилипало к ее ногам при каждом шаге. Она шла не спеша, не оборачиваясь. В ее походке чувствовалась неуверенность или, может быть, нерешительность. Я готов был поклясться, что несколько секунд назад, когда я выходил из машины, в балке никого не было. Здесь нет ни единого места, где можно было бы затаиться, спрятаться хотя бы от дождя. Совершенно голые склоны, дорога,

идушая сначала вниз, а потом круто вверх. Больше не было ничего. Поэтому меня так поразило ее появление. Я стоял неподвижно и смотрел, как она медленно, с трудом поднимается на крутой обрыв. Отойдя шагов на пять, она остановилась и обернулась. С такого расстояния было трудно рассмотреть ее лицо. Постояв неподвижно, наверно, с минуту, она вдруг пошла обратно к машине. Подойдя вплотную, обошла меня так, словно я был неодушевленным предметом, открыла дверцу и села в кабину. Поскольку я продолжал неподвижно стоять под дождем, она обернулась и почти сердито спросила:

— Вы что там, ночевать собрались?

Я молча опустил на водительское место. Она села в мою машину так, словно мы были знакомы много лет, словно она только минуту назад вышла из моей машины и вот теперь вернулась обратно. Ни обычных в таких случаях слов благодарности, просьбы подвезти или хотя бы вопроса, куда я еду. Она просто села, отряхнула свои длинные черные волосы, странно сухие и пушистые после такого проливного дождя. Точно таким жестом, войдя в помещение, отряхивается кошка или собака. В кабине сразу же возник тонкий, едва уловимый аромат, странный тем, что он был чужеродным, неуместным в тесной металлической коробке машины, в которой сидело теперь два человека, и в то же время этот запах показался мне знакомым.

— Почему мы стоим? — Она в первый раз посмотрела мне прямо в лицо. Впечатление было такое, словно меня окатила холодная серая волна, такими огромными, печальными были ее глаза. Я растерялся и от этого разозлился. Не хватало только, чтобы мною командовали в моей собственной машине.

— Что вы тут делали, одна, на этой пустынной дороге, откуда вообще вы взялись?! — Я не смог скрыть невольной резкости тона.

Девушка нахмурилась, прикусила губу, было заметно, что она о чем-то мучительно раздумывает.

— А разве... Простите, мне показалось, именно вы... Но если это не так, я сейчас уйду.

Она потянулась к ручке, и я не стал ее останавливать. Я не верил, что она выйдет из машины под проливной дождь, зачем вообще тогда было садиться? Но она вышла. Вышла, ни на секунду не задумавшись, резко повернулась и пошла обратно к морю. Ее почти сразу же скрыло облако водяных брызг. Мне ничего не оставалось, как выскочить вслед за ней из машины.

— Пойдите! Ну нельзя же так! Вы совсем промокли. Простудитесь. У вас даже зонта нет!

Я стоял под проливным дождем и уговаривал ее вернуться. Не знаю, что ее убедило. Скорее всего мое предложение спокойно во всем разобраться. Мы вернулись в машину, и я включил отопитель, чтобы хоть немного обсохнуть. Я старался не смотреть в ее сторону. Промокшее летнее платье стало почти прозрачным, но она, по-моему, этого даже не замечала.

— В такую погоду по этой дороге редко ходят машины, но часа два назад недалеко отсюда проходил рейсовый автобус на Камену. Вы, наверно, ехали на нем?

Она прижала руки к вискам, и тут я заметил, что ей страшно.

— Не спрашивайте меня сейчас ни о чем. Может быть, позже я смогу что-то объяснить.

Мне ничего не оставалось, как снова включить мотор.

Машина взяла подъем легко, без всякого усилия. Словно под колесами лежала не раскисшая глина, а сухой асфальт. Не успел я этому удивиться, как мы были уже наверху. Отсюда до города оставалось километров десять, не больше. Девушка молчала. Я заметил глубокую складку у нее между бровями. Казалось, она совсем забыла о моем присутствии. Что все это

значило? Кого она здесь ждала? Почему села в мою машину, что означала эта незаконченная фраза: «...Простите, мне показалось, что именно вы...»?

Иногда встречаются женские лица, невольно заставляющие нас посмотреть на свою жизнь со стороны. У нее было именно такое лицо. Я представил, как минут через десять-двадцать она встанет, поблагодарит за небольшую услугу безликого для нее водителя и, плотно закрыв за собой дверцу, навсегда уйдет из моей жизни. А я останусь, развернусь, подъеду к дому номер семнадцать. Стоянка во дворе, как всегда, окажется занятой, придется приткнуть машину у самого тротуара на улице и потом весь вечер беспокоиться, что ее борт обдерет проезжающий грузовик, так уже было однажды.

На ужин мне предложат все тот же опостылевший салат: от макарон полнеют, котлеты на ночь вредно... Разговоров особых не будет — все уже переговорено за пятнадцать лет супружеской жизни. Может быть, я закончу статью о биоценозе. Хотя вряд ли, настроение сегодня не то. Возможно, вместе с женой мы посмотрим телевизор или почитаем. Наш единственный ребенок так и не родился на свет, других не будет, и вообще ничего не будет. Ничего неожиданного, волнующего, вредного для здоровья. Нас считают очень удачной и вполне благополучной парой. У моей жены золотой характер. Мои друзья завидуют мне и говорят, что в семейной лотерее я вытянул счастливый билет. Наверно, все это так и есть.

Мы въехали в город. Уже включили освещение. Желтые пронзительные огни ртутных ламп словно бросали вызов дождю своим химическим светом.

— Теперь направо, пожалуйста. Мне нужно... — Она на секунду замаялась, словно не сразу решилась назвать адрес. — Улица Ганопы. Мой дом напротив газетного киоска сразу за углом.

Я удивленно посмотрел на нее. Эту улицу я хорошо

знал и киоск тоже. Я не раз останавливался около него, чтобы купить газеты. Но месяца три назад его снесли, и теперь на всей улице не было газетных киосков. Ни одного.

Однако я сразу нашел это место. Мы завернули во двор и остановились у подъезда. Кажется, мое приключение окончилось. Я чувствовал легкое сожаление и разочарование. «Чего она медлит? Все равно ведь сейчас уйдет...» Спросить у нее номер телефона почему-то казалось мне почти неприличным.

Моя спутница явно не спешила. Она внимательно осматривала двор, мокрый подъезд соседнего дома, и вдруг вновь я заметил на ее лице то самое выражение совершенно непонятного страха, которое мелькнуло в ее глазах впервые еще там, в балке...

— Может быть, вы проводите меня?..

Через минуту мы уже стояли у двери ее квартиры. Она не стала звонить. Провела рукой по притолоке, достала маленький плоский ключ, с видимым усилием повернула его и молча посторонилась, пропуская меня вперед. Из прихожей хлынула волна затхлого воздуха. Пахло какой-то плесенью, гнилью, черт знает чем. Так не пахнут жилые помещения. Я невольно попятился, за моей спиной клацнул замок. На секунду мне показалось, что я попал в западню. В прихожей было совершенно темно, я весь сжался, ожидая неведомой опасности. В квартире было абсолютно тихо, не доносилось ни единого звука, только с улицы приглушенно ворчали проходившие мимо машины. Секунды исчезали в темноте, и ничего не происходило. Потом вдруг щелкнул выключатель, и в прихожей вспыхнул свет. Она стояла, прижавшись спиной к двери, и в глазах ее стоял ледяной ужас, только поэтому она, наверно, не заметила моего страха. Я услышал, как она прошептала:

— Что же это... Боже мой...

Я проследил за ее взглядом. Прихожая выглядела странно, не спорю. И все же я не понимал, чего она

так испугалась. На всем лежал толстый слой пыли. Из приоткрытого стенного шкафа выпала какая-то одежда и теперь валялась на полу. На шкафу, под самым бра, висел большой перекидной календарь со своей картинкой на каждый месяц. На той, что сейчас тускло поблескивала из-под слоя пыли, летали бабочки, цвели цветы...

Она уже взяла себя в руки, подошла к календарю и провела пальцем по названию месяца, слово «май» вспыхнуло на глянцевой странице ярким бликом.

— Похоже, вы давно здесь не были...

— Да... Целую вечность. — Она как-то странно посмотрела на меня. — Вы промокли из-за меня. Если хотите, я сварю кофе.

Кажется, она полностью пришла в себя. Мне не хотелось кофе, но, конечно, я не стал отказываться, хотя обилие загадок начинало меня немного раздражать.

— Тогда пройдите на кухню и подождите минуту. Мне надо переодеться.

Она вернулась минуты через три. Одежда всегда очень сильно меняет женщину. Под строгим серым костюмом у нее был теперь тонкий черный свитер. Больше она не походила на заблудившуюся школьницу. Достав из шкафа чашки и с сомнением оглядев их, она отвернула кран, который не сразу поддался ее усилиям, но наконец фыркнул и выплюнул в чашку порцию ржавой коричневой жижи. Несколько секунд она молча рассматривала чашку, потом выплеснула ее содержимое в раковину, повернулась и внимательно посмотрела мне в глаза.

— Из моей жизни кто-то украл несколько месяцев. Мне бы очень хотелось знать, какое вы имеете к этому отношение?

Я так растерялся, что в ответ на ее вопрос лишь пролепетал:

— Я? Почему я?

— Вчера был май, понимаете, вчера! А сегодня вы

подбираете меня на пустынной дороге. И сегодня уже не май, ведь правда?

— Октябрь.

— Октябрь... Находите меня именно вы — а вчера был май...

Как ни странно, в ее вопросах была некая недоступная моему пониманию логика. Ведь почему-то же случилось так, что именно я встретил ее и теперь уже не был так уверен в своей непричастности к тому, что сегодня был именно октябрь.

— Действительно... Здесь что-то не так...

Она открыла хлебницу и с отвращением, словно это была огромная живая гусеница, вынула из нее батон, покрытый длинной бахромой плесени. Мне невольно захотелось на свежий воздух.

— Я схожу в магазин. Здесь недалеко.

Она выронила батон и загородила мне дорогу:

— Нет! Вы никуда не уйдете! Не уйдете, пока не объясните мне, что произошло!

— Но я понимаю в этом меньше вас! Я встретил вас совершенно случайно, подвез, и вот теперь вы еще предъявляете какие-то претензии!

— А вчера... Где вы были вчера?

— В институте, на лекции! Потом у меня был коллоквиум, потом семинар! — Я сам не понимал, почему оправдывался с таким раздражением, почему вообще оправдывался.

— И вчера... — она собралась с духом, прежде чем задать следующий вопрос, — вчера тоже был октябрь?

— И вчера, и позавчера! Вот уже двенадцать дней.

— Да... Это странно... Вы можете уйти, если хотите. — Она отошла в сторону, села на стул и уставилась в противоположную стену.

Я не помнил, как оказался в лифте. И только когда начал открывать дверцу машины, заметил, что у меня дрожали руки.

— Итак, ты попросту решил сбежать? — спросил я себя в упор.

И тут же понял, что никуда не сбегу и, в какую запутанную, нелепую историю я бы ни попал, голос здравого смысла уже был надо мной не властен.

Когда я вернулся с покупками, она сидела за тем же столиком в кухне. Кажется, она не сразу заметила мое возвращение, и только когда я молча стал возиться у плиты, вдруг тяжело вздохнула, словно просыпаясь, и с отвращением посмотрела на пакеты с едой.

— Вы не могли бы обойтись без кофе?

— Конечно... Собственно, я для вас стараюсь.

— Меня мутит от одного вида пищи: какой-то странный привкус во рту.

— Так бывает, если человек наглотался морской воды. — Я внимательно посмотрел на нее. — Ваше платье было совершенно мокрым... Может быть...

— Не старайтесь понять то, что непонятно мне самой. Я очень устала. Извините, но сегодня я неважный собеседник.

Я медленно складывал в холодильник пакеты с едой, раздумывая, как мне поступить и можно ли оставить ее одну. В ее настроении, пока я ходил в магазин, произошла какая-то перемена. Теперь она выглядела раздраженной, нетерпеливой, казалось, она жалеет о том, что пригласила меня, и хотела только одного: как можно скорее остаться одной.

— У вас, наверно, есть какие-то свои планы на сегодняшний вечер?

— В общем, ничего особенного. Я хотел заехать в лабораторию, но это не спешно. Если я могу быть вам чем-то полезным...

— Нет, нет. Не хочу вам мешать. Вы и так проводились со мной целый вечер.

Она встала, всем своим видом выражая нетерпеливое ожидание, и мне ничего не осталось, как шагнуть в прихожую. Уже натягивая плащ, я все еще искал ка-

кие-то слова ободрения, но нужных слов не находилось, и я нес чушь о том, что провалы в памяти не такое уж редкое явление, и каждый человек хоть раз в жизни теряет несколько месяцев, а иногда и лет. И вдруг она улыбнулась. Улыбка, словно вспышка света, на секунду озарила ее угрюмое, замкнутое лицо.

— Вы можете прийти завтра, если захотите. Возможно, к тому времени я разберусь в этом сама. И вот еще что... — Конец фразы она сказала мимоходом, уже отпирая дверь. Я не то чтобы не расслышал ее последних слов, просто они скользнули мимо сознания.

Я чувствовал себя почти оглушенным событиями этого вечера. И то, что она пригласила меня завтра, казалось сейчас самым важным. Я не стал уточнять время. Ничего не хотелось уточнять. Я торопливо простился, и машина понесла меня сквозь вечерний, залитый дождем город. Пустые мокрые улицы казались странно чужими, словно я видел их в первый раз.

Старинные часы у нас на кухне пробили шесть раз. Удары гонга следовали с большими перерывами. Интервалы отрегулировали специально из-за красивого звука. Но сейчас каждая пауза казалась неоправданно долгой, и я напряженно ждал следующего удара. Шесть часов... Час назад я поставил во дворе машину, открыл дверь своей квартиры, перебросился с женой обычными, ничего не значащими фразами и сел ужинать. Впечатление было такое, словно я вернулся из какого-то иного времени, и сейчас часы напомнили мне об этом... Жена заметила мое состояние. Она уже несколько раз искоса и тревожно поглядывала на меня и теперь наконец спросила:

— Что с тобой?

— Да вот промок... Немного лихорадит. Ты не обращай внимания. Я сейчас приму аспирин, лягу, и все пройдет.

В этом была доля правды, но главное, мне хотелось поскорее остаться одному, наедине со своими мыслями. Сославшись на возможный грипп, я лег на кухне. Здесь у нас стоял топчан для приезжих гостей. Прямо над ним, под потолком, раскинул свои длинные зеленые лапы «ореандум сфангиника». Отросток этого редкого растения мне подарили на каком-то симпозиуме, и вот теперь он постепенно захватывал всю кухню, каждый месяц отвоевывая себе новое жизненное пространство.

Холод пробрался под одеяло, казалось, ледяные брызги проникают сквозь стекло, наполняют комнату своим мокрым пронизывающим дыханием. Заснуть все равно не удастся. Я встал и, чтобы хоть немного согреться, поставил на плиту чайник.

Кофе она пить не стала... И уже на пороге, когда я уходил, она сказала мимоходом что-то важное...

Что же это было? Не вспомнить, хоть убей. Мысли назойливо возвращались к батону, покрытому бахромой плесени, к запыленному календарю. Вспоминались отдельные слова и целые, ничего не значащие фразы из нашего не такого уж длинного разговора. Она сказала... «Вы можете приехать завтра, если захотите...» И тут я вспомнил... «Лаборатория! Она просила меня не ходить сегодня в лабораторию...» Сейчас, отделенные от всего остального, эти слова показались мне самым странным из всей нашей встречи. Какое ей дело до моей лаборатории? С чего вообще она взяла, что лаборатория имеет ко мне какое-то отношение? Кажется, я что-то такое упомянул про свою лабораторию... Или нет? Но я готов был поклясться, что никакого серьезного разговора о моей работе не было, и вдруг эта просьба... Для человека, не помнящего, где он был в течение нескольких месяцев, это, пожалуй, слишком... Почему я не должен быть в лаборатории именно сегодня? Я не занимался никакими секретными работами. Совершенно открытая тема по микробиологии. Кому все это нужно? Наша «Альфа», например? Провинциальный

институт маленькой средиземноморской страны, с точки зрения географии большой науки глухая провинция... Что-то здесь было не так, потому что бесспорным оставался факт: сегодня случайная попутчица ни с того ни с сего попросила меня не приходить в лабораторию... Но, может быть, я неправильно вспомнил ее слова? Может, она сказала что-то совсем другое?

Я подошел к окну, еще не решив, как поступить. Все дело в том, что если я не ошибся, если кого-нибудь до такой степени могли заинтересовать наши исследования, значит, в них был смысл, неясный пока еще мне самому. Какой? На этот вопрос не было ответа.

Восемь лет назад, просматривая информационный бюллетень Академии наук, я наткнулся на статью, посвященную вопросу накопления генетической информации в клетках. Из нее следовало, что никакими мутациями, никакими известными нам процессами нельзя объяснить тот скачкообразный качественно новый переход, в результате которого одноклеточные простейшие организмы объединились в многоклеточные системы с раздельными функциями органов. Информация только об этой специализации на несколько порядков сложности превышала все, что раньше было закодировано в генах простейших одноклеточных существ. Таких скачков в процессе развития жизни на Земле было несколько, и каждый раз они представляли собой необъяснимую загадку. Но самым невероятным, самым необъяснимым был тот, первый, скачок... Вот тогда и возникла у меня, в сущности, не такая уж сложная мысль, определившая круг моих интересов на несколько долгих лет: что, если вывести совсем простенький штамм одноклеточных микроорганизмов, похожих на те первые древнейшие существа Земли, давшие начало жизни на ней, а потом, изменяя условия среды, заставить их объединиться в колонию?

Не мне первому пришла эта мысль. Не я первый проводил подобные безуспешные опыты... Но у меня

была одна догадка, одна-единственная мысль, ради которой стоило попробовать все еще раз. Я не верил в то, что стадо обезьян, бесконечно долго ударяя по клавишам машинки, в конце концов напечатает Британскую энциклопедию. Не верил — и все. Генетическая информация такой сложности должна была существовать как таковая в готовом виде. В космических спорах, в самом первозданном океане — я не знал, где именно, но не сомневался, что где-то она была и попала в клетки уже готовой извне. Именно это заставило простейшие организмы миллионы лет назад объединиться в колонии. Стоило поискать, каким образом можно вводить в клетки такую вот готовую закодированную информацию. Стоило доказать возможность такого ввода информации извне хотя бы в принципе. Именно этим я и занимался в своей лаборатории вот уже четвертый год. Совсем недавно наметились первые успехи в исследованиях, которые до сих пор казались мне нашим внутренним, частным делом, и вдруг выяснилось, что они интересуют кого-то еще. «По-моему, вам не стоит ходить сегодня в лабораторию...» — именно это она и сказала! Сейчас я совершенно отчетливо вспомнил ее слова. Можно было не сомневаться, что, как только до меня дойдет смысл этой фразы, я сразу же помчусь туда. Но я почему-то не мчался. Вместо этого я стоял на кухне, прислонившись к холодному стеклу, и смотрел, как потоки воды за стеклом заливают весь мир.

Слишком много настоящего недоумения, самого обыкновенного страха было в ее поведении. Ни одна самая лучшая актриса не смогла бы, наверное, так сыграть. Что-то здесь было другое. Что-то такое, чего я не мог пока объяснить, но, во всяком случае, гораздо более сложное, чем хорошо организованный розыгрыш. Я не хотел делать то, что от меня ожидали, не хотел ехать в лабораторию и стоял у окна, не зная, на что решиться. В конце концов, что там могло произойти без меня? Пожар, похищение ценных научных материалов?

Институт охраняется, к тому же там сейчас работает Артам, он всегда работает за полночь и я, осел несчастный, вполне мог бы ему позвонить...

Я бросился к телефону. Три долгих гудка, потом кто-то снял трубку. Я слышал только тяжелое дыхание. Ни привычного «алло», ничего, кроме этого дыхания. Я тоже молчал, наверно, с минуту. Мне казалось, что, если я задам вопрос, разобью это стеклянное молчание, то случится что-то ужасное, необратимое. Наконец я не выдержал: «Артам, это ты?» Никакого ответа, на том конце повесили трубку, и короткие резкие гудки ударили мне в ухо. Больше я не стал раздумывать. В лаборатории был кто-то посторонний.

Наверно, я выглядел не совсем нормально, когда весь мокрый, с плащом в руках ворвался в вестибюль института.

— Доктор Лонгар! Что случилось?

У меня не было времени на объяснения с дежурным, мне нужен был ключ от лаборатории, но оказалось, что Артам еще не ушел. Я бежал по лестнице через ступеньку, с трудом справляясь с одышкой. Следом, немного поотстав, бежал дежурный. Представляю, как это выглядело со стороны, когда мы ворвались в лабораторию. Артам поднялся из-за стола и оторопело уставился на нас.

— У вас все в порядке?

— Насколько я понимаю... Как будто ничего... А что, собственно, случилось?

Жестом руки я попытался дать понять дежурному, что он свободен. Предстоящий разговор не был предназначен для посторонних ушей. Но избавиться от старика было теперь не так-то просто, он с интересом ждал продолжения. Мне пришлось проводить его до лестницы. Наконец мы остались одни.

— Почему ты не ответил на звонок?

— Какой звонок?

— Я дважды набирал номер! Один раз никто не снял трубку, а потом ты не соизволил ответить!

— Не было никаких звонков! Я не выходил ни на минуту! Может, телефон испортился?

— Телефон? С чего бы это?

Я направился к желтому аппарату, который стоял на моем столе и служил нам безотказно который уж год, и в это время он зазвонил. Бросив уничтожающий взгляд на Артама, я снял трубку. Что-то меня заставило не спешить с ответом. Мне хотелось, чтобы тот, кто позвонил в лабораторию в столь неурочный час, первым нарушил молчание. Дыхание на другом конце провода было явно мужским, тяжелым и вроде бы встревоженным, я уже собирался прервать чрезмерно затянувшееся молчание, как вдруг голос в трубке взволнованно спросил: «Артам, это ты?» Голос был совершенно незнакомым, но что-то в его тоне поразило меня до такой степени, что я молча положил трубку. Если я ошибался, если мои домыслы сплошная чепуха, то аппарат сейчас зазвонит снова. Я смотрел на телефон с надеждой, почти с отчаяньем. Медленно текли минуты. Звонка не было.

— Да что с вами, шеф, на вас лица нет!

Я провел рукой по лбу, отирая холодный пот. И присел на краешек табуретки.

— Похоже, я только что звонил сам себе... — Я указал на телефон. — Там, на том конце провода... те же интонации, те же слова... Я произнес их час назад, прежде чем выехал к тебе.

— Это могло быть простым совпадением.

— Нет... Как бы тебе объяснить... Понимаешь, интонации, паузы между словами, судорожный глоток воздуха... Словом, я узнал свой голос.

— Меньше всего вы мне кажетесь подходящим объектом для подобного мистического розыгрыша. Давайте начистоту, шеф. Что произошло? Что предшествовало

этому таинственному звонку и что заставило вас в полночь примчаться в лабораторию?

— Вряд ли я сумею рассказать тебе все... Да это и не нужно, поскольку значение имеют всего два-три конкретных факта. Во-первых, незнакомый человек попросил меня сегодня не ходить в лабораторию, попросил скорее всего для того, чтобы добиться обратного, заставить меня здесь очутиться... Когда же я все-таки не поехал и решил вместо этого позвонить... Ну, что из этого получилось, ты уже знаешь. И вот я здесь.

— Да, все это достаточно странно, но больше всего меня удивляют не методы, а цель, которую преследовали. Для чего-то было нужно, чтобы вы пришли в лабораторию именно сегодня? Ведь завтра вы бы здесь оказались без всяких усилий с их стороны.

Я мрачно усмехнулся.

— Думаю, события не заставят себя ждать слишком долго. У меня такое ощущение, что все происшедшее лишь интермедия к главному действию. Подождем. А раз уж я все равно оказался здесь, не стоит терять времени зря.

Я потянулся к лабораторному журналу. Открыл последнюю страницу. Вот вчерашние записи: целых две страницы, заполненные ровным почерком Гвельтова. Он работал намного больше меня, и мне казалось это вполне справедливым, потому что и сам я, будучи ассистентом на кафедре Малевы, в поте лица трудился над диссертацией шефа. Правда, тогда насчет справедливости я думал несколько иначе. Но зато наша работа не имела к моей диссертации никакого отношения, и если вдруг нам удастся добиться успеха, то диссертаций тут хватит на всех. Механически перелистывая записи последних анализов, я искоса поглядывал на Артама и думал о том, что, в сущности, мало знаю своего ближайшего помощника. Худошав, зарос всклоченной, неопрятной бородой, халат в нескольких местах прожжен кислотой и не заштопан. Зато в работе предельно акку-

ратен. Появятся заботливые женские руки, изменится и внешность, за этим дело не станет. Успеха — вот чего нам действительно не хватает. Успех — это новое обору-дование, большая свобода в выборе тематики, увели-ченный штат... Но до успеха пока еще далеко...

Наша задача состояла в том, чтобы соединить гене-тический аппарат чужих клеток с нашей «Альфой». «Альфа» охотно пожирала приготовленные для нее па-кеты с чужими генами, усваивала сотни различных ком-бинаций ДНК, РНК ядер и хромосом чужих клеток, и ничего не происходило... То есть какие-то изменения были, увеличился, например, объем клетки, темп раз-множения. Несомненно, какая-то часть предлагаемого генетического аппарата посторонних клеток ею усваи-валась, но все это было далеко от того, что мы искали. Наследственность «Альфы» продолжала доминировать надо всем. Нам же надо было использовать ее как строи-тельный материал для качественно нового организма... Приходилось признать, что за последний год мы не про-двинулись ни на шаг.

Я отложил журнал и раздраженно заходил по лабо-ратории. Как обычно, мысли, связанные с работой, пол-ностью овладели мной, вытеснив все постороннее, не имеющее отношения к делу. Я искал выход из тупика, в который мы попали. Лучше всего думается, когда руки заняты какой-то механической работой. Я подошел к сто-лу и стал разбирать образовавшиеся там завалы. Я не позволяю никому прикасаться к своему столу, и за по-следние две недели груды колб, пробирок и печатных проспектов, в беспорядке разбросанных по его поверхно-сти, покрылись изрядным слоем пыли. Сейчас я подби-рал весь этот хлам, механически сортировал его по груп-пам и ненужное выбрасывал в мусорную корзину. Ког-да подошла очередь колб со старыми, отслужившими свой век реактивами и пробами, я все так же механиче-ски стал снимать их одну за другой, рассматривая на свет, взбалтывал и негодное выливал в водопроводную

раковину. Вдруг содержимое одной из колб привлекло мое внимание... Я взял эту колбу с четкой этикеткой, на которой был написан номер сто тридцать, взболтал и понес к столику, на котором стоял микроскоп. Я читал, конечно, о том, что многие великие открытия были сделаны совершенно случайно, но до сегодняшнего дня относился к этому с известной долей скептицизма. Все так же механически, не задумываясь над тем, для чего я это делаю, я нанес каплю содержимого колбы на предметное стекло микроскопа. Картина, увиденная в окуляре микроскопа, заставила меня отпрянуть и позвать Гвельтова.

— Посмотри ты! Может быть, мне показалось... — Я не суверен, но все же, боясь отпугнуть удачу, отвернулся, пока Артам крутил ручку настройки.

Его сдвоенное «не может быть» заставило меня вновь броситься к микроскопу. Да, это были несомненно они: четыре крупных розоватых шарика-бластопор в окуляре микроскопа не оставляли никаких сомнений. Наша «Альфа», наша одноклеточная «Альфа» наконец-то дала потомство в виде многоклеточного организма, усвоив для этого чужую генетическую информацию... Вот только какую? Я схватил лабораторный журнал и стал лихорадочно искать запись под номером сто тридцать. Общие графы, это все не то... Ага, вот, пакеты с генами червя бalezуса... двадцатая серия... Мы повторяли этот опыт с генами червя бalezуса сотни раз в двадцати различных сериях, все они были неудачны. Что же нового в пробе сто тридцать? В графе примечаний короткая запись, сделанная две недели назад: «Проверка воздействия среды». Я сразу же вспомнил, что сюда добавлялась морская вода. Это проделывалось неоднократно. В шести сериях из разных мест залива отбиралась вода различного солевого состава.

Но только в сто тридцатой пробе через две недели неожиданно получился положительный результат. Что же это была за вода? Откуда? У нас нет, конечно, ее

анализа. Если делать анализ для каждого опыта, не хватит и сотни лет, чтобы закончить исследование, но в журнале отбора проб должно быть зафиксировано место, откуда взята вода для этого сто тридцатого опыта. Что-то в ней было необычное, что-то такое, что позволило «Альфе» развиваться по чужой генетической программе. Только в том случае, если нам удастся выяснить, что именно там было, можно считать, что мы действительно добились успеха. Пока это всего лишь счастливый случай, не более, призрачный свет большой удачи... Ее еще нужно поймать... Я схватил серую клеенчатую тетрадку. «Журнал отбора проб» было выведено на ее обложке ровным почерком Гвельтова. Его мысли следовали вслед за моими.

— Я всегда очень аккуратно вел записи, здесь должна быть запись! — сказал Артам, тяжело дыша мне в затылок.

И мы нашли ее на шестой странице. Там шло четкое описание места отбора пробы с точной привязкой к портовому бую, но, прежде чем я успел прочитать колонки нужных мне цифр, тихо скрипнула входная дверь. Я поднял голову от журнала и с удивлением уставился на вошедшего. На пороге стоял руководитель нашего отделения профессор Мишуран.

— Поздновато работаете, доктор Лонгар. Мешаете техникам, вахтерам, уборщицам, нарушаете весь распорядок института и еще подаете дурной пример аспирантам!

Несколько секунд я оторопело смотрел на Мишурана, стараясь понять, что ему понадобилось в нашей лаборатории. Мишуран воплощал для меня тип людей, которым в науке делать совершенно нечего. Мне казалось, что даже администраторы обязаны хоть что-то понимать в деле, которым они пытались руководить! О Мишуране этого не скажешь. Внешне профессор Мишуран напоминал мне чем-то стальной шар. Может быть, своей непробиваемой круглостью.

— Я просил вас подготовить отчет о завершении темы по «Альфе». Где он? И чем вы, вообще, занимаетесь?

Он шагнул к столу, бесцеремонно взял у меня из рук журнал проб и сунул его под мышку. Стремительно пронесся мимо термостата, на ходу пожурил Артама, заглянул в его записи и исчез, извергая потоки слов, словно паровоз клубы дыма. И только когда дверь за ним захлопнулась, я сообразил, как странно все это выглядит. Какого дьявола Мишуран делал в институте в час ночи? Почему вдруг нагрянул в нашу лабораторию? Обычно он вызывал сотрудников в свой кабинет и заставлял дожидаться аудиенции по полчаса... Все эти вопросы промелькнули у меня в голове, и только после этого до меня наконец дошло главное — Мишуран унес с собой бесценный теперь журнал... Я бросился к двери. Гвельтов не отставал от меня. На лестнице было пусто. При своей грузности Мишуран вряд ли успел уйти слишком далеко. Мы остановились на секунду, прислушиваясь. Внизу, в вестибюле, хлопнула дверь... Дежурный подтвердил, что профессор только что вышел...

— А что, собственно, случилось? Он же в отпуске?

— Кто в отпуске? — на ходу спросил я. — Мишуран?

— Ну да, неделю назад уехал в Бурму.

И тут я вспомнил, что это так и есть. Вчера я безуспешно пытался оставить на подпись докладную у его секретарши... Быстрее, Артам! Здесь что-то неладно!

Мы бросились во двор. Квадратная спина в клетчатом плаще мелькнула перед нами метрах в пяти.

— Мишуран! — крикнул я.

Он обернулся и вдруг припустился по дорожке бегом. Нелепо видеть, как от тебя убегает твой собственный начальник, воплощение административного высокомерия и важности. На секунду я остановился в растерянности. Артам дернул меня за рукав.

— Скорее, у него внизу машина!

Мы пронеслись по дорожке вниз до самых ворот со всей скоростью, на какую были способны, и увидели, как за Мишураном захлопнулась дверца его черной «вольво». Водителя не было, он сам сел за руль... Взял мотор, и вдруг, ломая кусты, машина прыгнула нам навстречу. Я успел отшвырнуть Гвельтова в сторону, и от этого толчка сам каким-то чудом избежал удара сверкающего бампера. Расшвыривая вырванные с корнями кусты, «вольво» развернулась, как танк, и снова понеслась к нам по пешеходной дорожке. Но теперь нас защищал высокий каменный бордюр. Машина промчалась мимо, к воротам. До них было метров сто, и к счастью, они оказались закрыты.

«Вольво» встала, и вновь у меня перед глазами мелькнул клетчатый плащ. Он открывал замок... Гвельтов рванулся к воротам, я едва успел задержать его.

— Подожди. Так мы все равно не успеем, за углом у меня машина...

Пока я заводил мотор и объезжал здание института, «вольво» у ворот уже не было. Я хорошо знал эту часть города: от заднего двора института шла глухая тупиковая улочка, и я успел заметить, что «вольво» свернула именно в нее. Это давало нам шанс... Я оставил машину так, чтобы ее полностью скрыло угловое здание. Потом выключил фары и отпустил газ. Мотор теперь работал едва слышно.

— Он обязательно вернется. Там нет ни одного поворота, в конце тупик.

— Тогда давай перекроем дорогу!

— Бесполезно. Его машина тяжелее. Она собьет нас и уйдет, зато в скорости мы ему не уступим.

— Что же это такое, как он мог. Ведь это же...

Я чувствовал, что Артама колотит нервная дрожь. Но сам почему-то не испытывал ни малейшего волнения, только холодную ярость. Минуту назад нас пытались убить. В этом не было никакого сомнения. И еще, сегодня меня предупреждали, чтобы я не приходил в ла-

бораторию... Дважды за один день я оказался втянутым в события, плохо объяснимые с точки зрения нормальной логики. И у меня сейчас не было ни малейшего желания в них разбираться. Одно я знал совершенно точно: больше я не позволю превращать себя в пешку в чужой, непонятной игре.

Я услышал шум мотора «вольво» за несколько секунд до того, как она выскочила из-за угла, и успел приготовиться. Это дало мне возможность сразу же повиснуть у нее на хвосте. Я вел машину очень осторожно и выдерживал дистанцию, все время ожидая со стороны своего противника какой-нибудь каверзы. Первые километры Мишуран ехал спокойно, пока не понял, что мы его преследуем. Тогда он резко до предела увеличил скорость. Шел третий час ночи, город словно вымер. На его пустынных, залитых дождем улицах не было ни души. Стрелка спидометра подрагивала уже возле отметки «сто двадцать». Мне пришлось еще больше увеличить дистанцию, при такой скорости на мокром асфальте ничего не стоило потерять контроль над машиной. «Вольво» Мишурана сливалась с асфальтом. Фары он выключил, и, чтобы не прозевать неожиданный маневр, я включил дальний свет. Видимо, отражение наших фар в зеркале ослепило Мишурана, потому что он занервничал. «Вольво» шла теперь неровно, ее бросало из стороны в сторону, фонтаны из-под колес летели в стены домов, водяные брызги и грязь забивали мне смотровое стекло, щетки с трудом справлялись, обзор ограничился, пришлось еще дальше отпустить Мишурана — и он, воспользовавшись этим, резко свернул в боковую улочку. Водитель я не ахти какой, хотя в данных обстоятельствах вряд ли кто-нибудь сумел бы сделать больше. Я несколько погасил скорость машины перед поворотом, но все же недостаточно: на мокром асфальте нас занесло и буквально швырнуло в переулок. Я слышал, что опытные гонщики срезают угол и проходят поворот вот так, на заносе; я не был гонщиком, а

фонарный столб оказался слишком близко к проезжей части. Удар, характерный скрежет металла, свидетельствующий о том, что нас здорово зацепило, звон разбитого стекла... Правая фара погасла, но машина, виляя, уже неслась по переулку, мы все-таки прошли поворот, удар оказался скользким. При других обстоятельствах я бы остановился, но теперь мысль не упустить Мишурана погнала нас дальше. Только бы выдержала правая передняя крышка, принявшая на себя основной удар и отбросившая машину от столба. Если она не выдержит на такой скорости... Не хотелось думать о том, что тогда станет с машиной и с нами.

На повороте Мишуран оторвался от нас метров на двести, но теперь мы его снова нагнали. Мотор «вольво» ревел свирепой, с натугой. Такие нагрузки его старой машине были явно не по плечу. Увлечшись погоней, я приблизился к «вольво» чуть больше, чем следовало, и Мишуран сразу же резко затормозил, надеясь, что мы врежемся ему в багажник. Если бы это случилось, более твердый вольвовский кузов разбил бы нам двигатель. Но наши тормоза сделали свое дело, и мы остановились в двух метрах позади него.

Прошла минута-другая. Ничего не происходило. Машина Мишурана стояла неподвижно. Слышно было, как кашляет на холостых оборотах ее двигатель.

— А что, если попробовать перескочить в его машину? Дверь наверняка не заперта, он слишком спешил...

— Не успеешь. Он просто двинет дальше, и мне придется гнаться одному. Подождем. Посмотрим, у кого раньше сдадут нервы.

— Зачем мы вообще за ним гонимся? — почему-то шепотом спросил Артам, словно Мишуран мог нас услышать. — Где он живет, мы и так знаем, машину мы разбили, да и вообще... Ну, приедет он, войдет в квартиру, что дальше-то делать, дверь, что ли, ломать будем?

— В квартиру мы ему войти не дадим. Главное,

вернуть журнал. Не зря все это затеяно, и не так просто, как кажется. Мы еще разберемся во всем, не беспокойся. Сейчас главное — журнал. Слишком многое зависит от этих проб, вот в чем дело...

— Думаешь, он этого не знает?

Я только зло усмехнулся.

— Ну а если знает, не такой уж он дурак, чтобы дать нам перехватить себя по дороге к дому, он найдет способ от нас отделаться.

— Ладно, посмотрим. — Артам замолчал и сидел теперь съехившись, потирая ушибленное при ударе о столб плечо.

Ожидание становилось тягостным. Казалось, мы стоим в вымершем пустом городе целую вечность... Обычно в этом районе города даже ночью не бывает так пустынно... Мы стояли на Дерковской. Она вела прямо на Приморский бульвар. Неудивительно, что он остановился. Это опять тупик. За бульваром набережная, дальше дороги нет. Над причалом обрыв. Ему придется развернуться на набережной, там очень узко, а я должен буду успеть уклониться в сторону, потому что он наверняка опять пойдет на таран. Его единственное преимущество перед нами в весе и в прочности кузова, и похоже, он это прекрасно понимает... Значит, опять соревнование на быстроту реакции...

Наконец «вольво» осторожно, как большая черная кошка, двинулась вперед. Вслед за «вольво» мы вылетели на набережную. Теперь от обрыва нас отделяла совсем узкая асфальтированная полоска. Как в замедленной киносъемке, я видел, что передние колеса «вольво» уже вращаются в пустоте. Потом корпус машины накренился, и она исчезла в черном провале обрыва. Только теперь до моего сознания дошел весь смысл происшедшего. Нас еще несло вперед. Визжали тормоза. Перед самым обрывом машина остановилась. И лишь после этого мы услышали снизу тяжелый всплеск. Я развернул машину, подведя ее к обрыву.

Единственная наша фара выхватывала из темноты порядочный кусок поверхности тяжелой черной воды. По ней бежала только мелкая рябь да клочки белой пены. Больше ничего не было видно.

Мы одновременно выскочили из машины и теперь молча смотрели вниз...

— Может быть, успеем? — спросил Гвельтов. — Если вытащить его из машины и откачать, может быть, успеем?

Я отрицательно покачал головой.

— Здесь глубина метров двадцать. Не донырнуть. Пойди позвони в полицию. Я останусь здесь.

Каждая вещь оставляет в человеке какой-то след. Память изменила Весте, но она надеялась, что вещи помогут ей.

Сверху ящика, на самом виду, валялись мелкие, отжившие свой век предметы, которые ей ничего не говорили. Катушка ниток, высохший флакон из-под духов, настолько старый, что даже запах не сохранился. Сумочка со сломанным замком. И вот наконец на самом дне, подо всем этим хламом, толстая картонная коробка, перевязанная ленточкой. Еще не зная, что там, она почувствовала, как сильно забилося сердце. Она не решилась сразу же открыть коробку. Может быть, ей мешало сознание того, что цена окажется непомерно высокой. Стиснув зубы, она дернула ленту. Узел затянулся намертво, и вдруг рука, словно обладавшая собственной, отдельной от нее памятью, протянулась к левому ящику, достала лежащие там ножницы и перерезала ленту. Но и после этого она не спешила открывать крышку. Возможно, самым разумным в ее положении было бы обратиться к врачу. Но что, в конце концов, сможет сделать для нее врач? Объяснить то, что она не понимает? Успокоить? Прописать какие-нибудь

пустяковые порошки? Разве можно порошком вернуть пропавшие месяцы? Ей придется бороться с этим один на один. Никто ей не поможет. «Меня зовут Веста. Веста. Пока только это. Но будет и все остальное». Она медленно открыла крышку. В коробке лежали открытки, написанные незнакомым почерком. Какой-то чужой человек обращался к ней по имени, поздравлял с праздником, просил о встрече. Его имя ничего не напомнило. Это было не то, совсем не то... Тогда она перевернула коробку. На самом дне притаились старые, пожелтевшие фотографии. Она взяла всю стопку и неторопливо, методично, словно раскладывала пасьянс, начала класть их перед собой. Первое же фото маленькой девочки с гимназическим ранцем за плечами вызвало в ней болезненный толчок и такое ощущение, словно невидимый киномеханик запустил наконец проектор. Она бежала в гимназию первый раз в жизни. Было радостно и немного страшно. Дома ждала мама. После уроков она вернется домой и обязательно все ей расскажет. Сознание этого придавало уверенность, делало ее сильнее. Сегодня все было иначе. Веста задумчиво потерла лоб. Образы прошлого, встававшие перед ее глазами, казались неестественно четкими, словно она смотрела на экране телевизора чью-то чужую жизнь. Похороны... Гроб отца, укрытый черной материей. Ей не хватает воздуха, хочется выбежать, крикнуть, но она стоит неподвижно, и ни одной слезинки в глазах.

«Ты почему не плачешь? Твой папа умер. Разве тебе его не жалко?»

Впервые в жизни на ней надето взрослое платье... Это после того, как она сдала вступительные экзамены на курсы переводчиков. Ей не хочется продолжать. Прошрое, спрятанное в картонной коробке, словно бы и не принадлежит ей. Кто и зачем проделал с ней эту страшную штуку... Ведь было же... кому-то это понадобилось... Что именно? Если бы знать... Как они это сделали — кололи наркотики? Зачем?

Стоп, остановила она себя, так нельзя, нужно идти медленно, шаг за шагом. Только так она сможет разбудить память и вернуть ощущение собственной личности. Юка ей оставили лишь имя... Только имя. «Меня зовут Веста». Рука вновь тянется к коробке с фотографиями. Группа девушек у здания общежития... Здесь она жила. Почему в общежитии, почему не дома? Вот еще одно фото. Мама рядом с чужим человеком, властно держащим ее под руку... Вот и ответ... Отчим. Как его звали? И почему она думает о нем в прошедшем времени? Нет, не вспомнить... Вместо его лица перед глазами пляшут какие-то светлячки, и очень хочется пить, во рту все пересохло.

Она встает, идет на кухню и открывает кран. Долго стоит перед ним неподвижно и смотрит, как струя коричневой жижи постепенно превращается в воду. стакан, второй, третий — ей все мало. Странная ненасытная жадность... Вода притягивает ее. Ей хочется не только пить. Хочется смочить пересохшую кожу, окутать в воду лицо, волосы. В квартире есть душ... Это было первое, что она вспомнила сама, без подсказки. И почувствовала радость от своего небольшого открытия, вот только не понимала, что ее больше радует — первый самостоятельный шаг или возможность охладить горячую, словно натертую раскаленным песком кожу.

Пройдя в ванную, она разделась нарочито неторопливо. Стараясь унять поразившую ее дрожь нетерпения. Кожа на ощупь показалась сухой и горячей. Ощущение было такое, словно она провела рукой по чему-то чужому, не имеющему к ней ни малейшего отношения. Снова к ней вернулась мысль о наркотиках, и тут же она подумала, что это можно проверить, на коже должны были остаться следы. Но даже это важное соображение не могло сдвинуть ее с места. Больше у нее не было сил сдерживаться, ее тянула к воде какая-то неведомая сила.

Слишком сильный напор водяных струй слегка оглушил ее. Хотя вода оказалась холодной, ей так и не пришлось в голову отвернуть другой кран. Она стояла под ледяными струями совершенно неподвижно, закрыв глаза, и только жадно хватала губами водяные брызги, словно все еще не могла напиться. Неестественное, никогда раньше не испытанное наслаждение пронзило каждую клеточку ее тела и буквально парализовало ее. Постепенно и очень медленно к ней возвращалось ощущение собственного тела. При этом она обнаружила новую, неизвестную ей раньше возможность мысленно путешествовать внутри себя. Сознание перемещалось от мышцы к мышце. Она ощутила упругость своих легких, горячий узел солнечного сплетения. Чувствовала толчки теплой крови, разносящей по телу заряд животворной энергии, и легкое покалывание под правой коленкой, где у нее был широкий уродливый шрам, оставшийся от гвоздя, на который она упала в детстве. Вот и еще одно собственное воспоминание. Память начинает просыпаться.

Веста опустила руку, привычным жестом погладила коленку. И, вздрогнув, замерла в неестественном, согнутом положении. Под пальцами она ощутила гладкую поверхность неповрежденной кожи. Она бросилась из ванной к окну. Шрама не было. Кожа отсвечивала матовой, ровной белизной. Чудовищная мысль о том, что ее втиснули в чье-то чужое тело, потрясла ее. Но уже секундой позже в голову пришло более правдоподобное объяснение.

Скорее всего ей подменили не тело, а память. И все эти фотографии, все эти картинки детства, умерший отец, гимназия и сам шрам — все это ей не принадлежит. Воспоминание насильственно втиснуто в ее сознание чьей-то чужой волей. Она прошла к столу и уверенным движением достала из ящика коробку с лупой. Она знала, где должен был лежать нужный ей предмет.

На коже не было следов уколов. Не было ни царапин, ни очагов воспаления. Вообще ничего. Такая кожа бывает, наверно, лишь у мраморных статуй.

— Итак, вы утверждаете, что ваши машины не сталкивались?

Капитан полиции Ивестер пододвинул к себе протокол допроса, посмотрел на просвет прозрачную шариковую ручку, словно проверял, много ли в ней еще осталось пасты, поудобней устроился на жестком ищарапанном стуле и всем своим видом изобразил готовность записать мой очередной ответ. Это продолжалось второй час. Я чувствовал в голове пульсирующую тяжесть. Обычную после бессонной ночи. Судя по жидкой полоске света, пробившейся сквозь занавешенное окно, утро уже наступило. Часа четыре мы прождали у обрыва, пока прибыла полиция. Потом они вызвали плавучий кран, водолазов...

Когда кран приподнял корпус машины над поверхностью моря, из всех щелей длинными белыми струями полилась вода.

Кран развернулся и осторожно опустил машину на набережную. Последние темные лужи растекались под колесами, ослепительно сверкал никель бампера и совершенно целые стекла салона.

Я не сразу понял, что так удивило стоявших вокруг людей. Преодолев внутреннее сопротивление, я наконец заглянул внутрь салона. Он был пуст. Совершенно пуст...

— Вы собираетесь отвечать? — спросил капитан, и я с минуту еще молчал, пытаюсь вспомнить, о чем он меня только что спрашивал. Ах да, столкновение...

— Нет, столкновения не было. Крыло и фара повреждены от удара о столб. Это можно проверить.

— Мы и проверим, не беспокойтесь. Но на «вольво» тоже есть следы удара. У нее смята левая часть багажника, сорван задний бампер.

— Возможно, зацепила во время падения.

— Возможно. Но куда все-таки девался водитель? Двери салона остались закрытыми. Если ему удалось выбраться после падения, вряд ли он стал бы закрывать за собой дверь.

— Логично, — одобрил я.

Капитан посмотрел на меня с раздражением.

— Но ведь именно вы остались на набережной, пока ваш сотрудник, как его... — Он заглянул в протокол. — Пока Гвельтов ходил звонить, никуда не отлучались, и вы продолжаете утверждать, что за это время никто, не замеченный вами, не мог подняться на набережную?

— Фара хорошо освещала эту часть берега. Нет, там никто не поднимался.

— Получается, что «вольво» сама собой, без водителя нырнула в море или, может быть, водитель растворился?

— Ерунда получается.

— Вот именно, ерунда. Может быть, в конце концов, для разнообразия, вы расскажете, как все произошло на самом деле? Нет? Ну, тогда я вам расскажу. Вы случайно в темноте задели стоящую на набережной машину. От удара она упала в море.

Я одобрительно посмотрел на капитана. В логике ему не откажешь. Я дьявольски устал от этой ночи. Если бы у меня так дико не болела голова, я бы, возможно, нашел выход из этой дурацкой истории. Хотя капитана тоже можно понять: все происшедшее выглядело чудовищно нелепо. Однако в нагромождении нелепостей и странностей была какая-то своя логика, ускользающая от меня мысль...

Инспектор нам попался въедливый и на редкость упрямый. Допрашивал он нас с Гвельтовым отдельно

по второму разу. Все искал несоответствия и логические провалы в наших показаниях.

Отпустили нас только в десять утра, после того, как Бурминское отделение ответило на срочный запрос и сообщило, что Мишуран жив и здоров, благополучно отдыхает в санатории и из Бурмы за последние два дня никуда не отлучался...

Получалось, что мы с Гвельтовым угнали у уважаемого человека, доктора наук, его машину и в хулиганском разгуле сбросили ее с обрыва в море... К сожалению, все это было не так смешно, как могло показаться со стороны. И то, что в лабораторию приходил не Мишуран, хоть и запутало все еще больше, лично для меня кое-что и проясняло, потому что хорошо укладывалось в то смутное подозрение, которое я упорно гнал от себя прочь.

Я давил на кнопку звонка долго, слишком долго и ни на что уже не надеялся, когда дверь вдруг бесшумно распахнулась. Веста стояла на пороге в спортивных джинсах и легкой голубой блузке. Казалось, одежда не имеет к ней ни малейшего отношения, так откровенно подчеркивала и передавала она линии ее тела.

— Входите. Я ждала вас.

Я переступил порог. Прихожая была тщательно убрана. Календарь исчез. Выцветшее пятно на обоях прикрывала пестрая дорожка. Я не стал задерживать на ней взгляда, стараясь ничем не выдать своего интереса к исчезнувшему календарю. Эта женщина обладала сверхъестественным чутьем. Я бы не удивился, если бы узнал, что она читает мои мысли.

— Больше я не стану упрекать вас за те пропавшие месяцы.

Разговор долго не клеился, я все никак не мог решиться выложить ей свои смутные подозрения и догадки, вообще, не знал, как начать разговор. Все выглядело

слишком нелепо. «Вы меня вчера предупреждали не ходить в лабораторию, так вот, это предупреждение имело смысл. Не могли бы вы сказать какой?» Звучало бы это страшно глупо. Поэтому я сидел и молчал. Нервно курил сигарету, стряхивал пепел в предложенную пепельницу, старался не разглядывать ее слишком откровенно и молчал... Похоже, ее нисколько не смущало ни мое молчание, ни мои тщательно замаскированные взгляды. Держалась она сегодня более уверенно. Ну что же, так или иначе придется приступить к деловому разговору, не в гости же я к ней пришел, или, может быть, все-таки в гости? Дурацкая мысль, дурацкое положение.

— Вчера вечером в лаборатории похитили журнал. Она никак не прореагировала на мое сообщение.

— Мне иногда кажется, что раньше я курила, но сейчас почему-то совершенно не хочется. — Она взяла из пачки сигарету, размяла ее, понюхала и положила обратно.

Потом провела по лицу каким-то усталым, безнадежным жестом.

— Я знала, что вы сделаете из этого неправильные выводы. А журнал, ну, подумайте сами, кому нужен ваш журнал, там же ничего не было, кроме записей о месте и времени отбора проб...

— Так значит, вы и это знаете?!

— Знаю. Ну и что? — Она посмотрела на меня вызывающе, почти сердито. — Зачем вы пришли?

— Чтобы узнать, чтобы спросить вас...

— Не лгите. — Она подошла и села рядом со мной. — Не нужна вам эта копеечная истина, а ту, настоящую, вы все равно не узнаете, во всяком случае, сегодня, а может быть, никогда... И поверьте, это к лучшему. Не дай вам бог когда-нибудь узнать... — Ее глаза сузились. Мне показалось, они излучают какой-то свет, а может быть, это были всего лишь слезы...

— Вы хотите знать мое имя? — Я молча кивнул. —

Когда я родилась, меня называли Вестой. — Она взяла меня за руку. Ее рука была холодна как лед. И это было последнее ощущение, которое я запомнил.

— Спи, милый, — сказала Веста. — Мы встретились слишком поздно. Спи!

Я хотел что-то сказать, как-то воспротивиться свету, исходявшему из ее глаз, но не мог уже пошевелинуть ни рукой, ни ногой, странный мертвый сон сковал все мое тело. Сквозь смеженные веки я увидел, как она встала, подошла к стене и протянула к ней руку. По стене во все стороны пробежали радужные волны, и почти сразу после этого стена исчезла. В первую секунду мне показалось, что за ней нет ничего, кроме темноты, но тут же я понял, что ошибся. В густом плотном мраке ворочалось нечто огромное и живое, с далекими точками голубых огней, вспыхивавших внутри его бесконечного тела, как искры. Может быть, это был космос, а может, ночное земное море...

«Ведьма! — с горечью и восхищением подумал я. — Все-таки она ведьма».

Проснулся я весь в поту в своей постели, в которую упал шесть часов назад, вернувшись из полиции. Я долго не мог понять, что же это было... Сон обладал слишком четкими реальными подробностями: эта дорожка на том месте, где висел календарь, ее имя... Во рту стояла какая-то отвратительная сухость, словно я наглотался раскаленного песка. Виски ломило, пошатываясь, я встал, прошел на кухню и залпом выпил стакан холодной воды. Полегчало. Я все никак не мог собраться с мыслями, перед глазами стояла ее комната, узенький, закрытый пледом диванчик, и какая-то скорбная беспомощность в ее опущенных плечах... Черт знает что... В семь должен прийти Артам, я едва не проспал из-за этого кошмара. Я сунул голову под кран, струя холодной воды привела меня в норму. Растеревшись жестким

полотенцем, я услышал звонок и пошел открывать дверь, полностью уверившись в том, что это был всего лишь болезненный кошмар, навеянный бессонной ночью.

Мы сидели с Гвельтовым в маленьком, пропахшем рыбой кафе на набережной. Ждали заказ вот уже минут сорок и хранили убийственное молчание. Единственная доступная нам тема работы была полностью исчерпана еще несколько дней назад.

После пропажи журнала наша деятельность зашла в тупик. Лихорадочные попытки повторить опыт ни к чему не привели. Мы даже не смогли поддержать жизнь в той первой, случайно найденной в колбе колонии. Тепличный режим термостатов и специальных питательных сред, которым мы старались поддержать ее развитие, оказался для нее губительным. Я не совсем понимал отношение Гвельтова ко всему происшедшему; он чересчур легко перенес обрушившиеся на нас несчастья, словно они его совершенно не касались. Словно вся эта история не имела ни малейшего значения. Объяснял он это тем, что, собственно, открытия никакого не было. Была шальная, преждевременная удача. Она, по его мнению, просто не имела права на существование.

Сейчас Артам сидел, уставившись в пустую тарелку, и скреб вилкой по ее краю. Раздражающий визгливый звук в конце концов вынудил меня попросить его прекратить это занятие. Тогда он отложил вилку, вздохнул и уставился мне в глаза тяжелым, немигающим взглядом.

— Я все жду, шеф, надолго ли вас хватит?

— Ты о чем?

— То, что вы от меня скрыли что-то важное, я понял еще в полиции, когда в своих показаниях вы согласились с официальной версией и не пожалели заплатить штраф за повреждение чужой машины. Но ведь там сидел человек, который погиб, как же вы можете молчать?

— Разве я молчу? Разве я не рассказал в полиции все как было?

— Конечно, рассказали... — Гвельтов поморщился. — Я не об этом. Вы слишком быстро успокоились, слишком легко согласились с ними. Я думаю, вы знаете нечто такое, чего я не знаю. Может, вы хотя бы мне объясните, кто он, тот несчастный, упавший в обрыв вместе с машиной? Ведь мы косвенные виновники его гибели, я места себе не нахожу с того дня...

— Ну, хорошо. Предположим, в машине сидел не человек. Допускаю, что он и не думал погибать. — Впервые я осмелился оформить в четкие окончательные слова те смутные образы и мысли, которые бродили у меня в голове все последние дни. И мне стало легче от этого. Дальнейшие слова уже не требовали такого внутреннего напряжения. Гвельтов держался отлично. Он не перебил меня, не задал ни одного вопроса, даже не выдал своего изумления после моих слов, он просто ждал продолжения, и мне уже не оставалось ничего другого, как рассказать ему все с того самого первого дня, когда я свернул на раскисшую от дождя дорогу.

Выслушав меня, Артам замолчал. Я не выдержал:

— Итак, что ты обо всем этом думаешь?

— Я попробую начать с конца и придерживаться только фактов, более-менее установленных вами. Прежде всего о пропавшем журнале. Я не уверен, что вас пытались предупредить о визите постороннего в лабораторию, «уберечь от опасности», как вы, очевидно, склонны предполагать. — Я поморщился, меня коробил его слишком официальный тон, но промолчал. — Я склонен предполагать, что вас просили не появляться в лаборатории, чтобы предотвратить находку колбы номер сто тридцать.

— То есть ты хочешь сказать, что она предвидела?..

— Вполне возможно, и когда это не сработало, им пришлось организовать похищение журнала. Сам по себе он не представлял ценности для посторонних. Тем не

менее его похитили. Остается лишь один возможный вывод: кому-то не нравились наши последние результаты, кому-то они могли помешать. Причем этот «кто-то» не был заинтересован в наших исследованиях. Сами по себе они его не интересовали. Иначе пропали бы записи с методикой опытов, сами пробы, наконец. Выходит, им было нужно во что бы то ни стало помешать нам довести работу до конца.

— И этот «некто» гримируется под нашего зав. отделом и потом, похитив журнал, кончает жизнь самоубийством...

— Вот! Эти факты настолько нелепы, что нормальной логикой их уже не объяснить. И заметьте, журнал все-таки исчезает из наглухо закрытой машины. Так что насчет самоубийства... Пожалуй, вы правы — в машине сидел не человек...

— Марсиане? Пришельцы на тарелочках? Не очень-то я в них верю, хотя, должен признать, такая версия могла бы объяснить сразу все сверхъестественные способности наших знакомых. — Я не спеша допил холодный кофе, осваиваясь с этой неожиданной мыслью, потом сказал:

— Может быть, они и не марсиане. Я уверен, что на Земле хватает своих загадок. Мы стали слишком уж самоуверенны с тех пор, как изобрели железо, электричество и пар.

— Мне очень хотелось бы увидаться с этой вашей знакомой...

— Ну что же... Давай попробуем. Хотя я не знаю, что из этого получится. Может быть, ее попросту не существует. Внушение, гипноз. Мне мерещится любая чертовщина. А может, все это гораздо серьезней, чем мы с тобой сейчас предполагаем, и тогда срочно придется принимать какие-то меры, но вдвоем нам с этим не справиться... Тем более что касается это не только нас.

— Кого же еще?

— Возможно, вообще всех. Всех людей.

Звонок звонил долго, слишком долго, я ни на что уже не надеялся, когда дверь бесшумно распахнулась. Она стояла на пороге; и мне показалось, что сон сейчас повторится. Холодный огонь блеснул в ее глазах... На ней было то самое легкомысленное летнее платье, в котором она села в машину... Я готов был поклясться, что она знала о нашем визите заранее и надела это платье специально, чтобы мне досадить, чтобы издевательски подчеркнуть «чистоту поставленного мною над ней эксперимента». А когда она улыбнулась Артаму обворожительной, почти призывной улыбкой, я в этом уже не сомневался.

— Познакомьтесь, это мой сотрудник... — я запнулся, — вернее, друг. Решили вот зайти... — Я стоял и мямлил нечто невразумительное, а она еще раз обдала меня всем тем же презрительным и холодным взглядом, потом подала Гвельтову руку.

— Меня зовут Веста.

Я вытер вспотевший лоб. Сон подтверждался во всех деталях. Ее имя... Дорожка, которую я видел во сне, висела на своем месте. Прошло, наверное, несколько минут, прежде чем я взял себя в руки. Меня оставили в гостиной, а Веста вдвоем с Артамом готовили на кухне кофе. До меня долетал ее веселый смех и кокетливая болтовня. Меня грызла глухая тоска и страх оттого, что подтвердились самые худшие предположения, оттого, что сон был правдой, а Артам размазней... Да и кто смог устоять перед этими глазами?

Веста включила магнитофон, и они с Артамом очень мило проводили время за танцами. Я же пил стакан за стаканом кислое вино, совершенно не пьянея, только мрачнел все больше. Придется как-то выпутываться из дурацкой ситуации, в которую я сам себя загнал, но я все не находил повода, а может быть, решимости, чтобы встать и уйти. Очередной танец кончился, они оба сели на кушетку рядом с моим креслом, продолжая начатый во время танца разговор. Казалось,

они так увлечены им, что вообще забыли о моем присутствии.

— А что вы делаете по вечерам? Бывают же у вас свободные вечера? Неужели сидите здесь одна?

Он что, с ума сошел? Что за пошлости он говорит? Осталось лишь предложить ей свои услуги в свободный вечер. Но Весту ничуть не покорибил его вопрос.

— Я много читаю. Часами могу смотреть телевизор. Почти любую передачу. Правда, иногда мне кажется, что раньше я не любила этого занятия.

— Охотно верю. Наше телевидение страдает меломанией и обилием пустой болтовни. А ваша мама? Вы, наверное, часто бываете у нее?

Мне показалось, что ее лицо напряглось лишь на секунду и тут же вновь смягчилось.

— Так получилось, что теперь нас мало что связывает. Раньше мы были большими друзьями, но с возрастом отношения меняются. — Вдруг она улыбнулась. — Хотите посмотреть ее фотографии?

Артам, видимо, не ожидал этого предложения и растерялся.

— Нет, что вы, я вовсе не хотел...

— Да? А я думала, вы вообще сомневаетесь в том, есть ли у меня родители.

Это был прямой вызов. Гвельтов смутился, попытался обратить все в шутку, но как-то неуклюже. Хозяйка вдруг потеряла к нашему визиту всякий интерес. Через несколько минут Артам поднялся и, сославшись на какое-то дело, стал прощаться. Я молча последовал за ним. Нас не стали ни провожать, ни задерживать. Уже на пороге я обернулся. Веста не смотрела в нашу сторону. В ее пустых и отрешенных глазах, упершихся в стену, не было ничего, кроме усталости и скуки.

Конечно же, она догадалась, зачем я привел Гвельтова... Надо было сначала откровенно поговорить с ней обо всем, но у меня не хватило на это смелости. Я боялся, что разговор разобьет начало того хрупкого чувства,

которое связывало нас, хотя о нем, если не считать сна, не было сказано ни слова. И конечно, ничего хуже нельзя было в этой ситуации сделать, как только пригласить постороннего человека разбираться в наших с нею делах...

Артам и от этого старательно избегал моего взгляда, я еще раз почувствовал, какой нелепой затеей оказался наш визит.

— Ну так что, какие выводы ты сделал? — спросил я, чтобы как-то разрядить гнетущее молчание.

Он словно очнулся от глубокой задумчивости.

— Выводы? Какие ж тут выводы... По-моему, она очень красивая женщина.

— Хорошо, хоть это заметил, — мрачно пробормотал я. — Я ж тебя не в гости водил...

— Все, что вы говорили в кафе, — нагромождение нелепостей, она самая обыкновенная женщина и, по-моему, очень несчастная. Она в беду попала, а вы вместо того, чтобы помочь ей, затеяли какое-то расследование. Ваш научный подход в некоторых случаях выглядит...

Он не договорил, но все было ясно и так. Гвельтов вскочил в подошедший троллейбус, а я не двинулся с места.

После истории со шрамом Веста долго не могла решиться продолжить свои исследования. Хотелось просто жить, ни о чем не думать, наслаждаться каждым начинающимся днем, воспринимать его как подарок. Это настроение пришло после того, как она поняла, что Глек Лонгар, случайно подобравший ее на дороге, занимает в ее мыслях все большее место... Вполне возможно, что первоначальный толчок всему процессу дало то беспредельное одиночество, в котором она очутилась, но эта первопричина сейчас уже не имела значения. У нее

появился друг. Жизнь приобрела новый значительный смысл. Так было до вчерашнего дня, до того, как он привел к ней своего сотрудника... Она вдруг почувствовала себя подопытной морской свинкой. Получалось, что ее стремление забыть ни к чему хорошему не приведет. Другие все равно не забудут. Человек без прошлого не имеет права жить сегодняшним днем, сначала он должен отыскать свой вчерашний... И она снова начала поиски. Ощупью, наугад... С самого простого. В том же ящике, где лежала пачка с фотографиями, она нашла документы на имя Весты Реналовой, договор на квартиру, квитанцию об оплате и адрес квартирной хозяйки. Срок оплаты истекал через месяц, но она решила сходить по этому адресу и посмотреть, как отреагирует хозяйка на ее появление. Что она помнит о прежней Весте Реналовой? Рано или поздно должны были встретиться люди, которые знали ее раньше, так пусть же это случится скорее! Дверь открыла толстая пожилая женщина и, не пригласив войти, молча уставилась на Весту. Веста хорошо понимала, что в ее положении следует соблюдать осторожность, чтобы не дать повод для ненужных слухов, которые могли еще больше затруднить ее жизнь в этом враждебном мире. В ней появилась несвойственная ее возрасту предусмотрительность и осторожность, и она пользовалась этими новыми качествами. Наконец толстуха не выдержала затянувшегося молчания.

— Ну и чего ты пожаловала, милочка? Как деньги платить, так вас не дожدهшься, а с жалобами так и шастают. Что там у тебя стряслось, кран течет?

— Кран в порядке.

— Так чего тебе надо?

Веста достала квитанцию.

— Срок кончается через месяц, и я хотела узнать, какую сумму должна буду вам заплатить.

— А у меня ничего не меняется. Как платила, так и будешь платить. Мне дела нет, что тебя дома никогда не бывает. Желающих на твою комнату знаешь сколько?

У меня цены невысокие, потому и беру вперед за год. Так что готовь четыреста монет.

Этот короткий осторожный разговор кое-что все же прояснил. Во-первых, для окружающих она была Вестой Реналовой и, следовательно, прошлое этой женщины скорее всего и было ее собственным прошлым... Но тогда становилось совершенно непонятным, куда девался шрам с ее коленки... Можно предположить, что память не во всем изменяет ей, а лишь в некоторых, но достаточно важных случаях... Теперь возникла необходимость как-то рассортировать свое прошлое. Отделить настоящие воспоминания от ложных и постепенно приблизиться к тем пропавшим из жизни месяцам. Сейчас она могла думать о них почти спокойно, без леденящего ужаса первых дней. Ей даже пришла мысль посоветоваться с Глеком, обратиться к нему за помощью, но она тут же отбросила ее. Возможно, она и расскажет ему, но потом. Слишком это все личное. Прежде она сама должна узнать все, что с ней случилось, только тогда можно будет решить, что из этого можно доверить кому-то еще, тем более Глеку...

Она шла от квартирной хозяйки к своему дому по узкой извилистой улочке. Стены домов, сложенные из огромных глыб серого камня, напоминали стены древних крепостей. Из каждой трещины, расселины тянулись какие-то кустики, карликовые деревца, островки травы. Им, наверно, было здесь так же тесно, как людям. Веста подумала, что во всей этой толпе для нее нет ни одного знакомого лица, и если кто-то узнает и окликнет ее, она не будет знать, что ответить. Возможно, поэтому она инстинктивно старалась избегать людных мест. Веста ускорила шаг, чтобы скорее выбраться на открытое пространство, но в конце, у перекрестка, улица стала еще уже. Тротуар, обнесенный металлической оградой, прятался в тесный коридорчик. Люди шли вплотную, не-

вольно касаясь друг друга, и Веста вздрагивала от каждого такого прикосновения. Они были ей физически неприятны.

Неожиданно из перекрестка навстречу Весте вынырнул большой желтый автобус. До него было метров сто, но он шел очень быстро и через несколько секунд должен был поравняться с узким участком тротуара. И вдруг автобус словно бы раздвоился... Однажды в кино Веста видела такую штуку. Тогда от предмета отделилось его движущееся изображение. Именно это произошло сейчас, и Веста, еще ничего не понимая, с интересом наблюдала, как некое подобие миража, изображавшее точную копию желтого автобуса, совершенно прозрачную, обогнало настоящий автобус и поравнялось с тротуаром. В тот же миг у «миражного» автобуса лопнула правая передняя шина, он резко вильнул в сторону и врезался в тротуар. Веста видела, как на нее неотвратимо надвигается широкая тупая морда машины. Несмотря на то что сквозь изображение просвечивались дома на противоположной стороне улицы, оно выглядело слишком угрожающе, слишком реально. Веста, вскрикнув, инстинктивно рванулась в сторону. Секундой позже за ее спиной раздался глухой удар и крики людей. Настоящий автобус врезался в тротуар...

Ночью город замирает до утра. Спят машины, спят люди... Не спит лишь она одна. Не спит восьмую ночь подряд... Пожалуй, нельзя назвать сном ту легкую прозрачную дремоту, которая иногда охватывает ее на час-другой... Теперь она знает, что у нее не потеря памяти и не было никаких наркотиков. С ней случилось нечто совсем другое... Но что же?! Что?.. Нельзя неподвижно лежать с открытыми глазами все ночи напролет и слушать шорохи уснувшего города... Шорохи? Да. Только в них какой-то чуждый городу ритм. Легкое шипение воды, скрежет невидимых камешков... Волна за волной.

Волна за волной наплывают на нее из темноты. С тех самых пор, как она очнулась на берегу моря, в ушах все время стоит этот легкий прозрачный гул морского прибоя. Дневные звуки заглушают его, но зато ночью, когда город спит, прибой неумолчно звучит у нее в голове и шепчет, и шепчет...

— Что мне делать, скажи? У меня больше нет сил в одиночку бороться. Нет сил, и нет мужества узнать правду...

И прибой словно отвечает ей:

— Ты знаешь правду... Знаешь...

— Знаю, да! Что мне делать с ней?

— Жить...

— Зачем?

— Зачем живут на земле люди?

— Так то люди... А я? Я одна в этом мире.

— Ты не одна. Ты сильнее любого человека. Ты еще не все знаешь, и у тебя есть Глек... Позвони ему...

— Нет. Только не это. Я ничего не могу ему объяснить. Все запутывается с каждым разом все больше. Мне приходится лгать, выкручиваться, притворяться. Я не могу так больше!

— Так скажи ему правду.

— Я сама ее не знаю.

— Знаешь! Знаешь! Знаешь!

Грохочет прибой, и волна за волной набегают на нее из темноты. Ей хочется закричать, вскочить, убежать куда-нибудь. Но бежать некуда. Эти звуки у нее в голове. И они всегда с ней. Везде.

Сведения и факты, относящиеся к заинтересовавшей меня проблеме, часто накапливаются в моем мозгу как бы сами собой, без участия моей воли. В голове все время идет непрерывная перетасовка различных данных. Причудливые картины рождаются и рушатся, как в детском калейдоскопе...

Поведение Гвельтова, а скорей всего самой Весты, ускорили процесс подсознательного анализа. И из пестрых картин постепенно стала выкристаллизовываться до нелепости простая идея... Я могу часами бродить по городу. Ритм ходьбы отвлекает внимание, рассеивает его и тем самым как бы раскрепощает причудливый механизм подсознательного калейдоскопа.

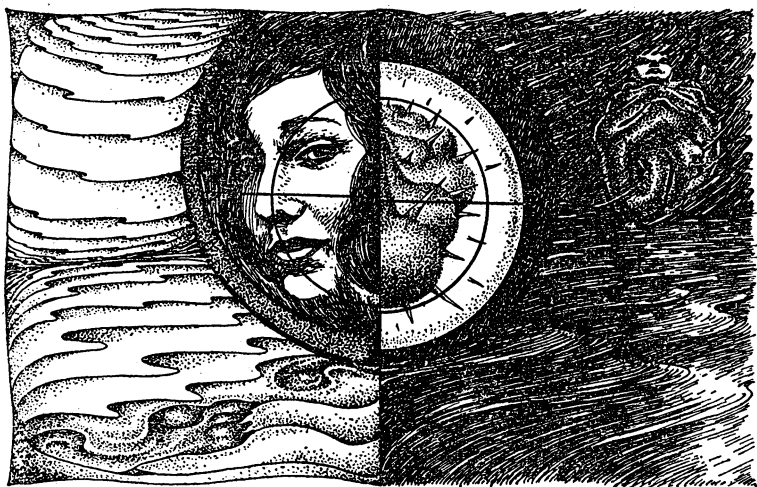
Я совсем не мучился угрызениями совести, несмотря на отповедь Гвельтова, и мне вовсе не хотелось бежать к ближайшей телефонной будке, чтобы звонить Весте.

Я брел по городу и думал о пропаже журнала, о машине, в которой не оказалось водителя. Обо всем сразу. Но главное, все же о Весте. И вот тогда это случилось. В мозгу словно шелкнул какой-то невидимый переключатель. Я подумал: «У нее пропало три месяца, а встретил я ее 12 октября». Впервые эти две цифры вдруг сложились вместе и получилось 12 июля... День, когда с Вестой случилось нечто из ряда вон выходящее... И вполне возможно, что событие это, хотя бы косвенно, могло попасть на страницы газет! Ведь колонки полицейской хроники всегда смакуют любые необычные происшествия.

В институтской библиотеке я взял три газеты, подробно освещавшие все городские события. Мне не пришлось долго искать. «Городские новости» за 14 июля поместили заметку под заголовком: «Самоубийство или несчастный случай?» Я запомнил ее почти наизусть. «Вчера вечером неизвестная девушка подошла к прокатной лодочной станции. Лодочник, удивившись позднему заказу, назначил двойную цену, однако незнакомка не стала торговаться. Лодка отошла от причала, чтобы не вернуться уже никогда.

Дежурный спасатель, очевидец происшествия, так описывает событие: «В шесть часов пополудни от причала лодочной станции отошла прогулочная лодка, она не нарушала никаких правил, но поскольку в этот час

в акватории не было других лодок, я следил за ней. (Учитывая внешность, возраст, а также пол гребца, к этим словам спасателя можно отнестись с полным доверием.) У нас на вышке мощная оптика, и я видел все до мельчайших подробностей, — утверждает спасатель. — Женщина отплыла от причала всего метров двести. Потом она резко наклонилась к левому борту, словно что-то разглядывала в глубине. Лодка качнулась и, хотя волны совершенно не было, неожиданно перевернулась. Я сейчас же поднял тревогу. Катер подошел к месту

происшествия буквально через несколько минут. Однако на поверхности плавала лишь перевернутая лодка. Мы обшарили все дно. Аквалангисты искали не меньше трех часов до полной темноты. В этом месте нет никаких течений, однако тело утонувшей девушки так и не удалось найти. Полиция просит всех знакомых или родственников погибшей помочь установить ее личность».

Далее следовали подробные описания примет утонувшей женщины. Там было все. Даже короткое цветное платье, похожее на сарафан.

Я осторожно отодвинул от себя газеты, словно в них была скрыта мина замедленного действия. Я не стал смотреть, отозвался ли кто-нибудь на призыв полиции, я не хотел больше ничего знать. Необходимо было время для того, чтобы разум мог освоиться с этой нечеловеческой информацией, переработать ее и как-то приспособить к обычной нашей логике...

Одна лишь фраза в стиле только что прочитанной бульварной газетенки назойливо вертелась у меня в голове: «Три месяца спустя утонувшую случайно встретили на проселочной дороге...»

Солнце еще не встало из моря, не успело разогнать туман, но уже наполнило его на востоке ровным призрачным светом. Вода казалась совершенно застывшей, неподвижной и тяжелой. Весла с трудом погружались в нее. И когда, откинувшись всем телом назад, Гвельтов вырывал их из воды, было слышно, как большие тяжелые капли, шлепаются обратно в море.

Я сидел на корме и до рези в глазах всматривался в расплывчатые очертания берега, едва проступавшие из тумана. Туман гасил звуки, сжимал пространство. Можно было подумать, что все окружающее на сотни километров вокруг представляет собой это расплывчатое белесое марево.

— Вроде здесь... — неуверенно сказал я.

Гвельтов опустил весла, достал со дна лодки большой черный цилиндр для отбора проб воды и мрачно спросил:

— Какая глубина?

— Если бы я знал... Может, позже, когда солнце разгонит туман, я сумею хотя бы сориентироваться. Мне кажется существенным в точности повторить все усло-

вия, если ты помнишь, в тот раз мы брали пробы в шесть утра.

— Какое это может иметь значение?

— Откуда я знаю? Может быть, в воде образуются специфические вещества, разрушающиеся с восходом солнца. Не так уж много у нас шансов повторить сто тридцатую пробу.

Гвельтов покрутил установочное кольцо, определявшее момент, когда под действием возросшего давления механизм срабатывает, крышка цилиндра откроется и пропустит внутрь порцию черной воды... На глубине ста метров вода всегда черная, с редкими точками огней... Я и сейчас видел рой этих огней, окруживших брошенный за борт цилиндр. За последнее время свечение моря значительно возросло, и никто толком не знает причины. Обилие планктона, наверно... Уменьшились запасы рыбы, равновесие нарушилось, и образовавшуюся пустоту заполнили собой планктон и медузы. Особенно медузы. Их белесые, похожие на студень тела плотной массой запрудили всю прибрежную зону, завалили пляжи. Даже здесь, вдали от берега, их липкие тела окружали лодку. Я видел, как трос, привязанный к цилиндру, перерезал одну из этих зыбких тарелок и обе ее половинки спокойно поплыли в разные стороны, словно ничего не случилось.

Разговаривать не хотелось. После визита к Весте отношения между нами разладились, словно Артам был виновен в моем открытии. Прошла неделя, а я все не находил в себе сил даже близко подойти к улице, на которой жила Веста, и старался о ней не вспоминать. Мой мозг словно погрузился в такой же белесый и плотный туман, как тот, что сдавливал сейчас море.

Одна за другой пробы воды оказывались в стеклянных флаконах с этикетками из лейкопластыря. Ряды стеклянных бутылок снились мне по ночам. Они заполнили всю лабораторию, всю мою жизнь...

Это была сто сорок вторая проба. Номер я хорошо

запомнил, потому что на сто сорок первой Гвельтов не выдержал. Сказал, что с него на сегодня довольно. Из чувства противоречия я отобрал у него цилиндр и сам бросил его за борт в сто сорок второй раз. И когда лебедка кончила наматывать трос, сказал, чтобы он греб к берегу.

Вода в отборнике показалась мне какой-то странной, слегка маслянистой... Солнце наконец разогнало последние клочки тумана, и стало видно, что жидкость в последней бутылке действительно отличается от остальных проб. Она слегка опалесцировала и казалась более плотной. Я едва дождался, пока лодка пристанет к берегу.

...Я увидел бактерии сразу, как только поднес предметное стекло с каплей воды под бинокляр. Они заполняли собой все пространство... Непривычно огромные, с выпуклыми ядрами и увеличенными зернами хромосом. Их желеобразная оболочка мало походила на оболочку амёб, хотя это были несомненно амёбы, древнейшие и простейшие существа нашей планеты. Но в отличие от тех амёб, которых я хорошо знал, эти не пользовались движением с помощью переливания своего тела из одной ложноножки в другую. Ничего подобного. Они стремительно пересекали поле зрения бинокюля. Больше всего их тела во время движения напоминали крошечных кальмаров, и я не был уверен, что они не используют тот же принцип реактивной отдачи струи воды, которым пользуются кальмары. Иначе трудно было объяснить скорость их движения. Для простейших организмов это было, пожалуй, слишком... Я бросился к определителю Левина. Исходя из одноклеточного строения, я отнес их к классу «Протозоа» и тут же убедился, что такого вида в определителе нет...

Смутная догадка, еще не оформившись в четкую мысль, шевельнулась в моем мозгу. Мне вдруг захотелось остановить эту амёбную круговерть, чтобы рассмотреть получше. Нет, не для этого... Я и так все пре-

красно видел. Мне захотелось убить их, увидеть, как они умирают... Я отлил часть пробы в чашку Петри, под руки попался пузырек с цианидами. Пожалуй, это то, что нужно. Я открыл пузырек и набрал яда. Доза была достаточна, чтобы свалить лошадь. Когда капля яда сорвалась с конца пипетки и упала в чашку, я держал ее в левой руке, мне показалось, что чашка слегка нагрелась. Этого быть не могло, и все же... Я вновь подошел к микроскопу. И не поверил своим глазам. Амебы в чашке были живы. Их движение ускорилось, стало, пожалуй, более упорядоченным. И они были живы!

Повторяя опыт, я действовал гораздо более осмоторительно. Во-первых, я взял из сейфа новую, нераспечатанную склянку с ядом. Кроме того, я вставил в чашку термометр и проделал весь опыт, не отрываясь от окуляров микроскопа. В момент, когда капля с ядом упала в чашку, по всем амебам словно прошла мгновенная конвульсия. Затем они стремительно двинулись навстречу друг другу и соединились в одну общую колонию, похожую на маленький рогатый шар подводной мины... Мне даже показалось, что на концах ее рожек сверкнули синие искорки крошечных разрядов, но в этом я не был уверен... Температура в чашке поднялась на четыре градуса. Вода действительно нагревалась! Но это было еще не все. Колония окуталась облачком мути, потом вода очистилась и амебы снова распались на отдельные организмы. Правда, теперь они двигались общей группой, параллельными курсами, словно каждую секунду были готовы встретить вместе новую опасность. У меня не хватило духу продолжать опыты, я лишь втянул в пипетку немного воды, стараясь не задеть ни одного из членов этой таинственной колонии. Анализ показал, что цианиды были разложены на более простые безвредные соединения. Скорость, с которой был проделан этот химический фокус, превосходила все известное современной науке. К тому же энергия, выделенная на это, была слишком велика, ее остаток нагрел воду.

Амебы все вместе обладали слишком малой массой для выделения такого количества энергии. Откуда же она взялась? Что еще могут эти таинственные существа? Что они собой представляют? Колонию неизвестных науке бактерий или нечто большее, гораздо большее? Нужны новые опыты, более серьезная постановка проблемы, специалисты, наконец. Больше я не имел права работать один.

Я торопливо убрал пробирки и колбы. Поставил пробу вместе с портативным термостатом в сейф, запер лабораторию и пошел домой. Нужно было все обдумать.

Мои мысли начали складываться в поразительно четкий узор фантастической догадки, связывавшей в одно неразрывное целое все события последних дней. История с Вестой, похищение журнала, заметка в газете и, наконец, мои сегодняшние амебы — все входило в эту догадку. Не хватало лишь последнего штриха, чтобы все стало ясно.

Было около шести часов вечера, когда я вышел из института. Самое «пиковое» время, улицы полны народа, к остановке троллейбуса не протолкнуться. Стиснутый плотной массой человеческих тел, я всматривался в незнакомые и разные лица, и может быть, впервые думал о том, что все мы одно племя на небольшой, в сущности, планете Земля. У всех у нас разные занятия, устремления, и все же в минуту опасности люди сплываются вместе. Сейчас они еще ничего не знают и чем скорее узнают, тем лучше... «Нигде, пожалуй, так полно не ощущает человек своей причастности к человечеству, как в переполненном троллейбусе», — с усмешкой подумал я и по вернувшемуся впервые за последнюю неделю чувству юмора понял, что снова обрел уверенность в себе. Троллейбус остановился, я вышел, как всегда, на углу, у дома привычным взглядом окинул свою машину — на месте ли колеса, подфарники и прочие мелочи. Все было в порядке, но в кабине кто-то сидел... Заходящее солнце, отражаясь в стеклах, мешало

рассмотреть сидящего в машине человека. Я осторожно подошел ближе, и по тому, как внезапно стремительно рванулось и замерло сердце, еще до того, как смог что-нибудь рассмотреть, уже знал, кто это.

Ничего не сказав, я опустился на место водителя и захлопнул дверцу. Веста тоже молчала. Наверно, минут пять мы так сидели. Мимо в нескольких шагах тек поток людей. Во мне шевелилась и зудела, как комар, одна мыслишка: «Ее появление как-то связано с моим сегодняшним открытием, с этими проклятыми амебами. Не может быть не связано». Вдруг она повернулась ко мне и сказала:

— Все, что ты прочитал в газете, написано обо мне.

Я почувствовал, как сердце рванулось и замерло где-то у горла, стало душно. Я опустил стекло. Струя холодного воздуха помогла мне взять себя в руки. Ее голос звучал спокойно, даже как-то отрешенно, словно она рассказывала о совершенно постороннем человеке, о вещах, не имеющих к ней ни малейшего отношения.

— Иногда мне кажется, я что-то помню, какие-то смутные образы... Скорее всего это был бред, последние искаженные проблески сознания. Когда лодка перевернулась, я почти сразу захлебнулась и пошла на дно, я совсем не умею плавать... Потом окончательный мрак, какие-то искры, голоса, сколько это продолжалось — не знаю. Время для меня остановилось. И вдруг дождь... Он лил и лил прямо на меня. Помню, как я удивилась, откуда может быть дождь на дне? Потом вдруг мимо проехала твоя машина...

— Как они выглядят? — Это был мой первый вопрос.

— Я не знаю. Я их никогда не видела. Никто их не видел. Мы только посредники. Они живут в море — вот и все, что я знаю. Я иногда думаю, какие они, пытаюсь их себе представить — и не могу... Вижу что-то бес-

форменное, огромное... Может, у них и тела нет... Не знаю, ничего не знаю...

Веста замолкла. Пожалуй, я знал об этом больше ее. Перед глазами у меня стоял четкий строй крошечных, не различимых невооруженным глазом существ.

— Я помню себя с той минуты, как ощутила дождь. Я лежала на берегу, в куче гниющих водорослей. Потом я услышала звук мотора. Дальше ты все знаешь... В тот первый момент я даже подумала, что ты имеешь к этому какое-то отношение. Чтобы не сойти с ума, я должна была найти правдоподобное объяснение... А потом были сны... Но даже во сне я их не видела ни разу, хотя они говорили со мной.

Она замолчала и сидела так тихо, что, если не смотреть в ее сторону, можно было подумать, в машине никого нет.

— Послушай, Веста, давай уедем отсюда. Хочешь, я увезу тебя прямо сейчас. Все забудется, в конце концов, все могло тебе привидеться, как в кошмаре, тебя выбросило на берег! Не было никаких пропавших месяцев! Не было! — Я почти кричал. Она отыскала в темноте мою руку и крепко сжала. Ее ладонь была горячей, а кожа показалась неправдоподобно гладкой, словно я держал в руках лайковую перчатку... Может быть, у меня чуть-чуть дрогнула рука — не знаю, но она почувствовала, что мне не по себе от ее прикосновения, и убрала руку. Потом тихо сказала:

— Вот видишь... А ты говоришь — забыть. Долги нужно выплачивать. А я получила от них в долг не так уж мало... Всего лишь жизнь... Пусть даже такую, не совсем настоящую...

Я не мог с этим смириться и в то же время не находил в себе сил рвануть рукоятку скоростей, послать машину вперед и увезти ее отсюда. Не мог, потому что не выдержал даже простого прикосновения ее ладони...

— Чего же они хотят, что им нужно? Для чего они пришли к нам, поднялись со своего дна, зачем?!

— В этом нет ничего непонятно. Люди превратили океан в огромную помойку, в свалку. Им нечем стало дышать. Наверно, они считали, что, родившись на этой планете вместе с нами, а может быть, даже раньше нас, они имеют право на жизнь, такое же право, как люди. Я могу ошибаться, это всего лишь мои догадки, но, по-моему, их разум пробуждается только в минуты смертельной опасности...

— Это же безнадежно... Человечество никогда не позволит навязать себе чужую волю. Их вмешательство может затормозить развитие, остановить прогресс.

— Напрасно ты думаешь, что это будет так просто. Они не так слабы, как кажется с первого взгляда, но меньше всего они хотят войны. И все же, если их вынудят, если они решат, что человеческий род не в состоянии дальше управлять планетой... И все же в них нет злобы, понимаешь? Это дает нам надежду... То есть я хотела сказать, вам, людям. Самое опасное — это посредники. Зачастую выбор случаен, а последствия... Перестав быть человеком, не каждый способен сохранить в себе добрую волю. Есть и такие, которым хочется, чтобы весь мир катился ко всем чертям вместе с ними. В первые дни мне тоже этого хотелось, но потом... Наверно, не всем удастся взять себя в руки, хотя бы частично вернуть контроль над своими поступками.

— О ком ты говоришь?

— О Цезаре. Ты его видел. Тогда, в роли твоего начальника в лаборатории — это был он... Наверно, все дело в том, что наш мозг функционирует иначе, собственно, мы уже не люди, лишь вместилище для чужого разума...

— Этого не может быть! Не может! Ты...

— Молчи. Не надо. Ты не знал меня раньше и не знаешь того, что знаю сейчас я. Часто я сама не могла определить, какие мысли принадлежат мне, какие им.

Наше сознание — это неразрывное целое. Иногда город кажется мне наполненным чужими враждебными существами, я, как рыба, смотрю на него сквозь стекло аквариума.

Веста замолчала.

В полумраке кабины виднелся только ее точеный профиль. Волосы рассыпались по плечам, она сидела совершенно неподвижно, словно заledenев. И вдруг в какую-то долю секунды я понял, что она ощущала в эту минуту... Она сказала уже все, положила последний камень в стену, разделявшую нас, и теперь ждала лишь последних слов, которые должны были разрушить все, что у нее еще оставалось в этом мире. Я не испытывал к ней жалости. Только огромное удивление и восхищение перед мужеством этой женщины.

— Послушай, Веста... — Она не шевельнулась. — Ты знаешь сказку о царевиче, который поймал русалку?.. Русалка не была похожа на обыкновенных девушек, а царевич полюбил ее и хотел на ней жениться. Людские пересуды помешали их счастью... Но на самом деле он поймал в свою сеть не русалку, а чудо. То самое необыкновенное, сказочное чудо, которое каждому из нас попадаетея всего лишь раз в жизни, только не все умеют его распознать: то рыба чешуя мешает, то еще что-нибудь... Так вот, я бы не хотел повторить ошибку царевича...

Короче. С этого дня и до самой последней минуты мы будем вместе. Я не знаю, сколько нам оставлено времени, никто этого не знает.

Я знал, что в эту минуту она видит меня насквозь, читает мои самые сокровенные мысли. Я знал, на что иду, и легкий мороз пробежал у меня по коже. Я ждал ответа, но она лишь спросила:

— Ты отдаешь себе отчет? Ты уверен, что справишься?

Вместо ответа я наконец сделал то, о чем мечтал все эти дни, с того момента, как встретил на ночной доро-

ге эту странную девушку. Я притянул ее к себе и крепко поцеловал в горячие, потрескавшиеся губы, и в эту секунду стеклянная стена, разделявшая нас, перестала наконец существовать.

Гвельтов никогда не напивался до такой степени, как в тот вечер, когда Лонгар холодно с ним простился и, захватив пробы, оставил одного на пристани. В те дни, когда удачей не пахло, он был ему нужен, как каторжный сутками сидел в лаборатории, а сегодня он вспомнил маслянисто блестящую жидкость в последней бутылке и смачно выругался.

Еще больше его обиду разжигала мысль о том, что Лонгар мстит ему за вечер с Вестой. Гвельтов завернул в первый попавшийся портовый кабачок и выбрался оттуда далеко за полночь. Он брел по самой кромке тротуара, то и дело останавливаясь и бессмысленно озираясь. Иногда подолгу стоял неподвижно, обняв фонарный столб, и рассказывал ему о своих обидах. Прохожих в этот поздний час было немного, а те, что попадались навстречу, сразу же, завидев Гвельтова, переходили на противоположную сторону. Вечерами в городе было беспокойно, а от пьяного неизвестно чего ожидать... Так что Гвельтов не испытывал неудобств в своем зигаобразном движении. Вся левая половина улицы оставалась в его распоряжении. Только пройдя три квартала и выбравшись на набережную, что заняло у него не меньше двух часов, он наконец понял, что идет в противоположную от дома сторону. Это открытие несколько отрезвило его. И все же впоследствии, восстанавливая в памяти все события этой ночи, Гвельтов никак не мог вспомнить, в какой именно момент у него появился товарищ... Вроде бы на набережной он был один, а когда шел обратно, у него уже не было необходимости делиться своими печальми с фонарными столбами, поскольку рядом оказался внимательный, чуткий, все понимающий

собеседник. Они успели обсудить все достоинства хорошо очищенной можжевельной водки. Затем Гвельтов долго объяснял, каким законченным мерзавцем оказался его шеф, и, кажется, сумел доказать, почему именно.

Гвельтову давно не попадался такой толковый, настроенный в унисон его самым сокровенным мыслям собеседник. Вполне довольные друг другом, они забыли о времени. Гвельтов помнил, что на углу какой-то улицы, отнюдь не той, что вела к его дому, в руках у его товарища оказалась заветная плоская бутылочка, какие носят в верхнем боковом кармане пиджака истинные ценители и знатоки. Гвельтова, правда, несколько удивил тот факт, что бутылочка оказалась нераспечатанной, в фабричной упаковке...

Когда на дне почти ничего не осталось, Гвельтов перешел к анализу личных связей, на которых держится современное общество. И здесь они оба проявили редкостное единодушие и общность взглядов. Дальше в памяти Гвельтова образовался какой-то странный провал, очевидно, содержимое заветной бутылочки подействовало на него сильнее всех предыдущих. Как бы то ни было, полностью очнулся он уже в лаборатории... Причем совершенно не помнил, как сюда попал и почему вообще оказался на работе ночью... Рядом с ним за столом сидел совершенно незнакомый человек. И с этого мгновения мозг Гвельтова заработал уже вполне отчетливо, сохранив в памяти все подробности того, что произошло дальше.

— Итак, вы обещали мне показать ту самую штуку, из-за которой ваш шеф...

Глаза незнакомца блестели холодно и совершенно трезво. Очевидно, он еще не догадался, что в этот момент алкоголь без всякого постепенного перехода полностью потерял свою власть над Гвельтовым. Вполне добросовестно изображая пьяного человека, он радостно и глупо рассмеялся, шатаясь, подошел к полке и снял старый прошлогодний журнал.

— Вот тут! — заплетаясь, произнес он и хлопнул по папке рукой. — Вот тут, дорогой друг, все написано! История всех моих бед. Я дарю вам это!

Гость брезгливым жестом отодвинул от себя пропыленную папку и внимательно посмотрел на Гвельтова.

— Вы как будто собирались показать мне совсем не бумаги.

Голос гостя стал строгим, в нем появились металлические нотки.

— Перестаньте паясничать, Гвельтов! Вы уже совершенно трезвы. Садитесь и слушайте меня внимательно.

Последнюю просьбу Артам выполнил беспрекословно, все еще надеясь выиграть время и разобраться в непонятной для него ситуации.

— Сейчас вы выключите сигнализацию и откроете сейф.

— Кто вы такой?

— Не задавайте глупых вопросов. Делайте, что вам говорят.

— Вы уверены, что я...

Он не успел закончить... Перед глазами вспыхнули огненные круги. Страшная боль согнула его почти пополам. Ни глотка воздуха не проникало в его сжатые спазмой легкие. Мучительный удушающий кашель раздирал внутренности. Ударил его профессионал. Ударил со знанием дела. И постепенно, с трудом обретая контроль над непослушным телом, Гвельтов уже знал, что из этой истории ему, пожалуй, не выпутаться...

В те редкие дни, когда человек бывает по-настоящему счастлив, он может жить как птица, бездумно, и очень часто не замечает этих прекрасных дней. Только потом, когда они уже позади, нам становится ясной их настоящая цена. Иногда меня даже пугало слишком уж определенное и потому немного нарочитое ощущение счастья. Когда же это началось? Когда впервые она ре-

шила нарушать неписанные правила, оберегавшие наш хрупкий стеклянный покой? Я хорошо помню этот день... Это было воскресенье. Мне не надо было рано вставать. Я нежился в постели и слышал, как на кухне Веста, что-то напевая, готовит кофе.

За всю долгую семейную жизнь я так и не сумел объяснить жене, как именно следует готовить кофе, чтобы сохранить полностью его аромат и вкус. Весте не понадобилось ничего объяснять. Она знала наперед все мои вкусы. Она умела так поджарить омлет на завтрак, чтобы на нем не было корочки. Жене это не удавалось ни разу. Сама Веста была удивительно равнодушна к еде. Подозреваю, что в мое отсутствие, она вообще не ела. Но даже в этом ей ни разу не изменил такт, и когда мы вместе садились за стол, она всегда ела хотя и немного, но с видимым удовольствием, стараясь своим равнодушием к пище не испортить мне аппетит. Квартира за те две недели, что мы жили в ней вместе, разительно изменилась. Иногда меня даже раздражала чрезмерная аккуратность Весты. Она словно старалась стереть самую память о том запустении и хаосе, который царил здесь в день нашего первого приезда. Мебель, пол, стекла на окнах — все теперь сверкало и лоснилось, она ухитрялась наводить этот порядок совершенно незаметно, я ни разу не застал ее с тряпкой в руках. Весте нравилось играть роль хорошей хозяйки. Но в это утро она была излишне рассеянной. День выдался для глубокой осени на редкость погожий, и я предложил поехать за город. Сначала она обрадовалась, побежала укладывать корзинку для уик-энда, но вдруг вернулась через несколько минут с посерьезневшим и каким-то отстраненным лицом.

— Ты знаешь, Глек, у меня такое предчувствие, что нам не следует сегодня уезжать из дому. Что-то должно произойти, что-то очень важное.

Ох уж эти мне предчувствия ее! Я почувствовал раздражение и настоял на своем. Веста не стала спорить.

В город мы вернулись довольно поздно, часов в шесть. Всю обратную дорогу Веста молчала, но перед самым поворотом на нашу улицу вдруг спросила:

— Скажи, Глек, как ты теперь относишься к Артаму?

Вопрос прозвучал для меня неожиданно. С самого нашего совместного визита понимая, наверно, что всякое напоминание о Гвельтове с ее стороны будет для меня неприятно, Веста словно забыла о нем.

— Нормально отношусь. Он мой сотрудник. Хороший сотрудник. Почему ты спросила?

— Потому что сегодня... — Она замолчала. — Мне очень не хочется об этом говорить. Но сегодня у него должны произойти неприятности, и я не знаю, как ты отнесешься к этому. Если я тебе не скажу сейчас... — Она окончательно запуталась.

— А ты скажи.

Я остановил машину, и последняя фраза прозвучала у меня нервно, почти зло. Это подтолкнуло ее, и она вдруг спросила:

— Ты запер пробы в сейфе? Артам знает шифр?

Я вообще ни разу не говорил ей о пробах. С памятного для меня разговора в машине мы старательно избегали подобной темы.

— Мне кажется, ты должен отпустить их обратно в море. Иначе произойдет несчастье...

Она наверняка знала, какое впечатление произведут на меня ее слова. Она сидела, вся сжавшись, стиснув руку сиденья. Я видел, как побелели пальцы у нее на руке.

— Я не должна была этого говорить, они просто уверены, что я не скажу. Но если с Артамом, а потом с тобой произойдет что-нибудь...

— Довольно меня запугивать, я сам знаю, что мне делать!

Мы молчали всю оставшуюся дорогу. Молча поднялись на пятый этаж, молча открыли дверь... Сверкающая чистота квартиры бросилась мне в лицо. Я помнил все. Помнил, где именно висел календарь в тот день.

Помнил грязную дорожку на полу... Не так это просто жить с русалкой, совсем непросто. Я думал о том, что в металлической коробке сейфа лежат сейчас живые частицы огромного монстра, расположившегося где-то на дне залива. Гвельтов?.. Он знает шифр. И сделает все от него зависящее, чтобы не отдать им пробы. Больше я не раздумывал ни минуты. Уже в прихожей услышал, как Веста сказала:

— Я поеду с тобой!

Времени на споры не было. Но только ли поэтому я согласился? Скорее всего мне захотелось раз и навсегда выяснить, на чьей она стороне, как будто я имел право в этом сомневаться...

В институте света не было, даже перед подъездом, где всегда горел фонарь, чтобы дежурный швейцар мог видеть неурочных посетителей. Я схватил фонарик, который, к счастью, возил в машине, и толкнул дверь.

— Подожди минуту. Еще не время...

Не обратив внимания на слова Весты, почти не слыша ее, я дергал заклинившую ручку.

— Проклятый замок! Сколько раз собирался смазать... Выйду через твою дверь! Подвинься.

— Я просила тебя подождать... Но как хочешь...

Ручка вдруг поддалась, и от неожиданности я едва не вывалился наружу.

В тот момент мне некогда было раздумывать над странным поведением ручки, я бросился к институту. Парадная дверь оказалась незапертой, и едва я захлопнул ее за собой, как оказался в полной темноте. Не зажигая фонарика, медленно, на ощупь я двинулся к лестнице, стараясь уловить малейший шорох и держа наготове фонарик — единственное свое оружие. Только теперь я почувствовал всю сложность своего предприятия. Огромное, погруженное в темноту здание жило своей собственной жизнью. С верхнего этажа доносился глухой ритмичный шум, какой-то скрип, потом там словно бы загудел пылесос.

В темноте этот звук казался особенно странным. Я уже дошел до лестницы и, все еще не зажигая фонарика, медленно стал подниматься. И тут, ударившись плечом о невидимый выступ перил, я выронил фонарик. Звук его падения показался мне грохотом. Почти сразу мне удалось нащупать выпавший фонарь. Я не знал, разбилась ли лампочка, и не хотел проверять. Меня могли поджидать на лестничной площадке. В этой крошечной тьме я был совершенно беспомощен. Но, покрываясь холодным потом, я упрямо лез по лестнице вверх на четвертый этаж. Наконец я добрался до двери своей лаборатории. Я осторожно провел рукой по филенке и вздрогнул: из дверей торчал ключ. Ни у меня, ни у Гвельтова своего ключа не было. Ключ всегда хранился внизу у привратника, и в воскресенье без моего разрешения его никому не могли выдать, следовательно, что-то случилось. Я решительно рванул дверь и сразу же включил фонарик, но лампочка не зажглась, и в первую секунду я ничего не увидел. Однако из окна с улицы проникал рассеянный свет от уличных фонарей, и из темноты довольно отчетливо проступали очертания предметов. Первое, что бросилось мне в глаза, был развороченный сейф. В углу лежала скорченная человеческая фигура, рядом с ней на полу расползлось какое-то темное пятно, более темное, чем окружающий мрак. Первым моим побуждением было броситься к лежащему на полу человеку, но меня остановил шорох у двери за моей спиной! Я резко обернулся. Глаза уже привыкли к полумраку, и теперь я видел все совершенно отчетливо. Высокий человек в плаще с чемоданчиком в одной руке медленно поднимал другую. Я уже знал, для чего. Нас разделяло метра два, но мне казалось, что даже в темноте отчетливо вижу черный зрачок пистолета. Звонко щелкнул курок. Выстрела не последовало. Стоявший у двери грязно выругался. Пистолет щелкнул еще раз. В следующий момент, широко замахнувшись, он прыгнул на меня и словно споткнулся о невидимую преграду.

ду. Чемодан и оружие вылетели из его рук, и со всего размаха он рухнул на пол.

Грохот от падения тяжелого тела отдался долгим, постепенно замирающим эхом. Я стоял, словно пригвожденный к месту, не смея шевельнуться. У моих ног валялся выпавший у налетчика пистолет. Я нагнулся, поднял его и медленно попятился. Человек на полу не шевелился. Рука моя совершенно инстинктивно потянулась к выключателю настольной лампы. Я не ожидал, что она загорится, но лампочка совершенно неожиданно вспыхнула и залила лабораторию ослепительным мертвенным светом. Как только глаза привыкли к этому новому резкому свету, я понял, что лежащий у сейфа человек не Гвельтов. То, что он мертв, я понял еще раньше. Вокруг его головы расплзлось широкое пятно крови. Напавший на меня по-прежнему не шевелился. На всякий случай я навел на него пистолет, и только теперь увидел, что это вовсе не пистолет... Предмет напоминал скорее детский пенал с ручкой и кнопкой на нем. Часть, служившая стволом, оказалась наглухо закрытой. Вообще этот странный предмет не имел ни одного отверстия. Разглядывая его, боковым зрением я напряженно следил за распростертой передо мной фигурой. Налетчик по-прежнему не шевелился. Что с ним произошло, какая сила остановила его смертельный бросок? Видимо, меня ожидала участь того, кто лежал у сейфа с разможенной головой. Было похоже, что сейф взорвали или выжгли автогенном. Я не слишком разбираюсь в этих вещах. Дверцу с чудовищной силой выдернули из петель, и теперь она висела сбоку, приоткрыв пустое нутро сейфа... Только теперь мой взгляд упал на выпавший у налетчика чемоданчик. От удара крышка отскочила, и по полу рассыпались какие-то непонятные предметы. И сразу же среди них я увидел наглухо закрытый контейнер, в котором у нас хранились последние пробы. Так вот что ему здесь было нужно! Но они не успели, не все еще потеряно!

Если мне удастся вывезти пробы из города, то там, в столице, я привлеку к происходящему внимание ученых и властей. Вот в чем ценность наших проб. Конечно, противники это понимают и сделают все от них зависящее, чтобы вернуть бактерии обратно в море. Чтобы не дать мне поднять тревогу сейчас, пока они еще не готовы там, у себя в глубине. Люди ничего не должны знать до того рокового часа, который они нам готовят. Но что бы со мной ни случилось, я все же попробую. Возможно, это наш последний шанс. Надо действовать, пока вся колония собрана в одном месте, если они рассредоточатся... В каждой капле воды, в дожде, в реках, в озерах... Я содрогнулся. Вода их стихия. Только сейчас я по-настоящему оценил опасность, нависшую над нами. Стоит им захотеть, и в каждой капельке воды, вот в этом водопроводном кране — везде будет таиться смерть...

Осторожно, словно боясь разбудить лежащего на полу человека, я медленно двинулся к чемоданчику. Едва я сунул в него выкатившийся контейнер с пробами и защелкнул крышку, как на столе требовательно зазвонил телефон. Неизвестно почему вместо того, чтобы бежать от всего этого ужаса, я покорно прошел к столу и снял трубку.

— Здравствуйте, — произнес незнакомый спокойный голос. — Это есть очень важно. Вы неправильно понимаете ситуацию.

Странность голоса, звучащего в трубке, была не в исковерканном построении фраз. Даже не в интонации. В чем-то еще, я не понимал, в чем именно, и возможно, поэтому не вешал трубку.

— Все, что произошло, не есть наша вина... Другой человек... Мы не понимаем, зачем он хотел взять себе то, что вы называете «Альфой». Человек, который работает с вами, не давал. Тогда они открыли сейф, хотели взять силой. — Долгое, долгое молчание. Потом вопрос: — Вы нас понимаете?

— С кем я говорю?

— Это не есть важно. Важно вернуть «Альфу», иначе люди, которые были здесь, убьют вас и захватят «Альфу».

— Зачем она им?

— «Альфа» останавливает энергию. Если есть «Альфа», можно не бояться бомбы. Можно начать войну... То, что вы нашли на полу, имеет быть таким оружием, можете пробовать. Выберите предмет, большой энергией обладающий внутри себя. Аккумулятор, бомба, нагретая печка, человек, пробуйте...

Я не стал пробовать, я покрывался холодным потом и не знал, что именно придает мне мужества продолжать этот разговор. Странность голоса, звучащего в трубке, была не в построении фраз, не в смысле слов. В чем-то другом, и теперь я понял, в чем именно. Со мной разговаривал не человек.

Когда голос в трубке наконец смолк, я осторожно положил ее на рычаг, словно она была стеклянной, и не спеша прошел к выходу. Все вдруг стало незначительным, мелким: засады, выстрелы из-за угла, даже смерть отдельных людей. Какое-то время они не будут знать, что именно я задумал. Они сказали: можно воспользоваться канализацией, но лучше всего вылить пробы обратно в море... К морю придется проехать. Не сразу, конечно, не сразу... Они сказали, оружие? Возможно, оно пригодится. Вполне возможно... Коробка легко скользнула в карман плаща и легла там удобно и незаметно. В последний раз я окинул взглядом лабораторию, выключил свет и неторопливо пошел к лестнице. Веста сидела в машине, свернувшись калачиком и прислонившись головой к спинке сиденья. Похоже, она спала... Когда я открыл дверцу, она шевельнулась, что-то пробормотала и вновь откинулась на спинку. Пусть спит, это сейчас самое лучшее, не надо ничего объяснять. Я кинул чемодан на заднее сиденье, завел мотор и медленно поехал вдоль пустой улицы.

Миллионы лет летала в космосе пыль. В тонких, но прочных оболочках вместе с бесчисленными пылинками спали их споры... Миллионы лет назад на землю упал метеор, падающая звезда, одна из бесчисленного множества... Она упала в земной океан, где все условия подходило для развития жизни. В благоприятной среде споры раскрылись, и на земле появились ее первые, самые древние жители, основоположники потока эволюции, родоначальники бесчисленных живых форм и, в сущности, наши предки... Вот кто они такие, эти далекие от нас амебы... Они сохранили свой собственный вид. Их древнейший род приспособился к самым жестким условиям существования. Им нипочем было даже леденящее дыхание космоса. Бесконечную череду лет, пока их братья на земной поверхности изменялись и приспосабливались к внешним условиям, они дремали в глубинах океана, словно дожидаясь своего часа... Разум... Был ли он свойствен их колониям всегда или возник лишь здесь, на земле, в минуту грозной опасности?

Этого я не узнал, да теперь это было не так уж и важно. Веста была права. Они поднялись из глубин потому, что даже туда, на тысячи метров вглубь, подводные течения принесли наконец грязь, которой люди обильно посыпали свою планету. В конце концов, это должно было случиться. Слишком долго человек «боролся» с природой, забыв, что это его колыбель. Мы перешли грань, за которой пассивное сопротивление окружающей среды становится активным. Мы говорили, что природа — это сложный живой организм, но на самом деле не понимали толком, что это значит. Во всяком случае, не знали, что иногда это следует понимать буквально...

Они пытались объяснить мне, что дальнейшее загрязнение Мирового океана грозит гибелью всему живому на нашей планете, словно от меня что-то зависело, словно я мог остановить безумцев, утопивших в океане две атомные подводные лодки, тысячи контейнеров с ядови-

тыми газами, сотни тысяч тонн пестицидов, миллионы тонн нефти...

Сейчас они еще слишком мало знали про нас и хотели узнать больше... В чем-то они были потрясюще наивны, в чем-то их мудрость превосходила мой уровень понимания. Так, например, я не смог уяснить, на какой энергии основано их существование. Это был какой-то новый, неизвестный человечеству, принцип. Они умели тормозить движение электронов в окружающей материи и использовать выделенную при этом энергию для своих нужд. Вся их колония существовала внутри силового кокона неизвестной нам энергии. При желании они могли расширить его границы. Я не смог выяснить, как далеко... Речь, видимо, шла о десятках километров. Именно эту энергию, по их словам, и собирались использовать люди, пытавшиеся похитить «Альфу». Так ли это? Не они ли сами через своих «посредников» устроили нападение на лабораторию?

Я остановился в переулке напротив дома, в котором мы жили с Вестой. Кто знает, может быть, в последний раз я здесь стоял? Если хотя бы часть моих опасений справедлива — мне не дадут выскочить из города... Несколько секунд я не хотел ее будить. Только разглядывал бледное, без кровинки, лицо, словно старался запомнить его навсегда. Веста застонала и открыла глаза... Пора прощаться. Я не знаю, вернусь ли, во всяком случае, я сдержал слово, мы были вместе до самого последнего дня. Сегодня он наступил, этот последний день.

— Ты решил уехать?

Как всегда, она попала в самую точку. Я не стал ничего отрицать, лишь молча кивнул головой.

— Я знала, что так будет. Я их предупреждала. Но они мне больше не верят. Они думали, я не вмешаюсь, что им удастся меня заставить...

О чем она говорит? Я не в силах был этого понять. Или не хотел? Слишком много загадок. Слишком много

вопросов остается без ответов. Но я уже все решил и не нуждался в ответах.

— Я хочу, чтобы ты вышла. Я сейчас уеду, постараюсь вернуться.

— Я знаю. Постараешься вывезти из города эти проклятые пробы, и тебя убьют по дороге. Я знаю...

— Не такая уж ты провидица...

— Почему ты не хочешь, чтобы нас оставили в покое? Почему ты не отдал им эти пробы? Они же не принадлежат тебе! Тебе позволили взять их на время, верни то, что принадлежит им!

— Сейчас это единственный шанс у меня и, может быть, у всех нас. Никто не станет меня слушать. Я ничего не сумею объяснить без этого чемоданчика! Ты же все понимаешь, Веста!

— А если тебя выслушают, поверят, что тогда? Что это изменит?

— Я не знаю. Не хочу знать. У каждого из нас свой долг. Я обязан дать людям шанс. Они имеют на это право.

— Шанс для войны... Ну почему, почему вы всегда мыслите этими категориями, почему они преобладают надо всем прочим: война, враг, обман... Ты даже мне не веришь...

— Иногда я не верю даже себе. Одно я знаю. Мы наконец достукались. Достучались... Все имеет конец. Терпение природы не безгранично.

— Значит, ты все решил.

— Да.

— Ну так поезжай, чего ты медлишь?

— Я жду, когда ты выйдешь.

— Нет, мой милый. Когда-то ты сказал, что мы будем вместе до конца. До самого конца. Вспомни об этом.

— Я помню. Но ты все равно не сможешь мне помешать.

— Я и не собираюсь. Я знаю, что ничего не смогу изменить.

Я не имел права рисковать ее жизнью и знал, что, если понадобится, силой вытолкну ее из машины. Я повернулся, собираясь осуществить свое намерение.

— Прости, но у меня нет времени спорить.

Я протянул руку и не смог прикоснуться к ней, словно кто-то натянул в кабине между нами упругую непробиваемую пленку. Холодная странная усмешка тронула ее губы.

— Ты все еще думаешь, что тот человек в лаборатории попросту споткнулся? — Она помолчала. — Никто не виноват, что ты выбрал русалку. Мы поедем вместе и вместе до конца разделим все, что нас ждет в дороге. Я пыталась не вмешиваться, старалась забыть обо всем, чему меня научили там, в глубине, берегла наши дни. Их ведь было так мало, — сказала она с горечью. — Теперь мне уже нечего беречь... Ты не сможешь забыть сегодняшнего дня. Ты и раньше меня боялся, я знаю... А теперь поезжай...

Я молча повиновался. Мотор завелся легко, и машина понеслась по пустынной дороге прочь от центра города, от моря, к началу большой трассы, ведущей в столицу, к людям.

Машина вела себя слишком странно. Стоило прикоснуться к педали акселератора, как стрелка спидометра проскакивала цифру восемьдесят. Впечатление было такое, словно кто-то вставил под капот дополнительный мотор. Мне все осточертело, и, не задумываясь, я гнал машину вперед, стараясь поскорей вырваться из города, как будто это он был виноват во всем, как будто в нем сидела невидимая и неосязаемая зараза, постепенно отнимавшая у меня Весту... Иногда, запрятанные где-то в глубине сознания, всплывали непрощенные мысли... Зна-

чит, напавший на меня человек не споткнулся... Как она это сделала?

Скорее всего он не был человеком. Странное оружие подобрал я на полу... Это был «посредник» — так, кажется, называли они искусственных полулюдей? Но ведь и Веста тоже...

Я спохватился слишком поздно. Ее лицо исказила гримаса боли: «Она знает все, о чем я думаю. Это трудно выдержать. Но раньше я этого не замечал — не замечал потому, что мне нечего было скрывать от нее. Наверно, люди еще не готовы к такому уровню общения, может быть, когда-нибудь, через тысячу лет...»

Далеко позади над морем занимался хмурый расцвет. Мы уже миновали центр города и приближались к окраине. Где-то здесь, перед выездом на загородное шоссе, должен был быть полицейский дорожный пост. Я толком не знал, кого мне следует опасаться. Кто были те люди, которые пытались похитить «Альфу»? Куда девался Гвельтов? Жив ли он?

— Это были люди из военной разведки, — как всегда неожиданно сказала Веста. — Они давно интересовались тем, что происходит в порту. С того дня, как американская атомная лодка приходила сюда с визитом «дружбы».

Я хорошо помню эту историю. В газетах тогда поднялась шумиха, сразу же прекращенная невидимой, но могучей рукой. Однако суть происшествия газеты успели сообщить... Кажется, все атомные заряды, бывшие на борту лодки, и топливо для реактора превратились в обычный свинец. До сих пор я считал эти сообщения газетной «уткой».

— В тот момент, когда вы с Гвельтовым отбирали пробы в заинтересовавшем их районе, вы попали под наблюдение. Какое-то время они не вмешивались, но недолго, как видишь.

— Что произошло в лаборатории? Где Гвельтов?

— Они хотели захватить ваши пробы с «Альфой». Гвельтов поднял тревогу, потом там появился посредник, которого ты видел. Гвельтов жив. Пока жив. А теперь у светофора поверни направо. Ты выезжаешь на шоссе за шлагбаум. Тебя уже ищут. Дорожной полицией объявлен розыск по радио.

Сам пост мы проехали спокойно. Однако через несколько километров я увидел стоящий на боковой развилке «джип» военного образца. Возможно, он ждал здесь вовсе не нас. Я решил не рисковать и до отказа вдавил в пол педаль акселератора. Мотор басовито загудел, и машину буквально швырнуло вперед. Как только я прибавил скорость, «джип» ринулся нам наперерез. Однако водитель не учел мощности нашего мотора. Мы оказались у перекрестка на несколько секунд раньше. Не сумев перекрыть дорогу, «джип» оказался у нас в хвосте. Расстояние между машинами быстро увеличивалось. В заднем зеркале я увидел, что «джип» остановился. Почти сразу прозвучал выстрел, и я услышал характерный визжащий звук, который бывает, если пуля ударит в препятствие и рикошетом уйдет в сторону. Однако самого удара не слышал. Не было и второго выстрела. При нашей скорости у них был один-единственный шанс, и они его использовали. Через полминуты «джип» превратился в едва различимое пятнышко. Мы неслись по пустому шоссе в полном одиночестве.

— Придется остановиться и осмотреть машину. Пуля могла ударить в покрышку.

— Не нужно. Пуля вообще не коснулась машины.

— Но я же слышал, как она отрикошетила!

— Это я ее остановила.

Я уже даже не удивлялся. Только посмотрел на Весту. Она дышала тяжело, и я мельком увидел у нее на лице гримасу боли, исчезнувшую сразу же, как только я на нее посмотрел.

— Может быть, ты объяснишь, как тебе это удастся?

— Нужно представить себе оболочку вокруг машины.

Очень плотную, гладкую. Ее не видно, но пуля не может пройти... Извини, мне трудно говорить, слишком большое усилие. Это сейчас пройдет. Ты не обращай внимания. Самое трудное впереди. Они вызвали вертолет, энергии остается все меньше, и я не знаю, сумею ли тебе помочь.

О какой энергии она говорила? Я почувствовал, что за этим скрывается что-то очень важное, но в ту минуту все мои мысли приковал к себе вертолет. Если Веста права, если те, кто за нами охотился действительно вызвали вертолет, значит, встреча с «джипом» не случайна. Нас ждали и сделают все, чтобы остановить.

Еще минут десять мы мчались по шоссе беспрепятственно. Я взглянул на километровый столб, мелькнувший за окном. Двадцать пять километров отделяло машину от окраины города. Еще километров пятнадцать-двадцать, и прямая лента шоссе, на которой мы видны как на ладони, упрется в уездный центр, там появится шанс затеряться в потоке транспорта. Еще минут восемь на такой скорости, и они не успеют нас перехватить.

Но уже через пару минут я услышал над головой характерный клекот авиационного мотора. Веста в ответ на мой взгляд молча кивнула, значит, они... «Шоссе широкое, пока будут садиться, выставить заслон, может, успеем проскочить». Вдруг я вспомнил про выстрел с «джипа», и холодок пробежал по моей спине. «Вряд ли они будут с нами церемониться...» Подтверждая мои мысли, над нашими головами застрочил пулемет. Звук был такой, словно кто-то ударил по куску железа огромным молотом. Пули с визгом шлепнули в асфальт впереди машины. Крупнокалиберные разрывные пули взметнули над дорогой облачка разрывов. Одного попадания было достаточно, чтобы с нами покончить... И тут я увидел, как нас накрыла целая очередь. Машина вздрогнула, словно на нее обрушился град камней. Вокруг нас на дороге выросло ровное, почти геометрически правиль-

ное кольцо разрывов. Одновременно глухо вскрикнула Веста. Я увидел, что ее тело бессильно сползает с сиденья. Я резко нажал на тормоз. Вертолет проскочил над нами, и вихрь пулевых разрывов унесся по шоссе вперед. Я нагнулся к Весте. Она прошептала:

— Я больше не могу их держать... Нет сил... Излучатель... У тебя должен быть излучатель...

Ее голова бессильно откинулась. Глаза закрылись. И тут я вновь услышал клекот вертолетного мотора. Вертолет возвращался. Эти люди хотели нас убить. Может быть, они уже убили Весту... Эта мысль обожгла меня, наполнила холодной яростью. Я помнил про излучатель. Помнил про него все время. Будь это автомат или пулемет, я бы воспользовался им не задумываясь, но применять против людей чужое нечеловеческое оружие казалось мне немислимым. И тут на какую-то долю секунды мне почудилось, что я смотрю на дорогу глазами летчика, ведущего к нам эту стрекочущую смерть. На шоссе, беспомощно прислонившись к бровке, неподвижно стояла безоружная машина. Ее длинное тело отчетливо виднелось в перекрестии прицела. Совершенно точно я знал: через пять секунд этот человек нас убьет... И тогда что-то сломалось во мне, я распахнул дверцу, вытянул навстречу приближавшемуся вертолету руку с излучателем и нажал кнопку. Ничего не произошло. Только стало удивительно тихо. Лишь через несколько секунд я понял, что пулемет захлебнулся и мотор вертолета уже не работает, хотя винт продолжал вращаться. Машина, потеряв управление, скользнула в сторону и круто пошла к земле. Она пронеслась над невысокими холмами справа от шоссе и скрылась за ними. Через минуту над холмами показался столб жирного коптящего дыма.

Я стоял неподвижно, прислонившись к машине, и боялся посмотреть на Весту. Предчувствие неминуемой беды не покидало меня с момента отъезда. Наконец я взял себя в руки и подошел к Весте. Ее тело обмякло,

голова бессильно прислонилась к подушке сиденья. Я взял ее за плечи и усадил ровнее, словно это могло помочь. Моя рука торопливо и бесцельно бегала по ее запястью, пытаясь нащупать пульс. Его не было. Вдруг я остановился. Я не знал, был ли у нее пульс раньше, вообще, должен ли он у нее быть. Может быть, от этой мысли беспорядочные факты вдруг выстроились в моей голове в стройную цепочку. Я вспомнил, что в моих лабораторных опытах бактерии использовали избыточную энергию, энергию, которую они должны были получать извне. Вспомнил теперь и телефонный разговор, во время которого узнал, что их колония в море существовала внутри силового, искусственно созданного кокона, что в случае необходимости они могли расширять его границы, но не очень далеко... Нетрудно догадаться, что Веста, вернее ее тело, а может быть, и клетки мозга, ставшие частью колонии, не могли существовать без этой дополнительной, получаемой извне энергии. Очевидно, амёбы начинали вырабатывать ее только в определенных условиях и тогда, когда их колония была достаточно велика. Отдельные части этой колонии не могли существовать изолированно от всей группы, во всяком случае, разрыв не должен был превышать определенного расстояния, на котором действовало их таинственное поле. Но если все это так, то Веста наверняка об этом знала... Знала и все же настояла, чтобы я взял ее с собой. Наверно, какой-то запас этой своей жизненной энергии они могли накапливать внутри себя, но не слишком много... Весте пришлось дважды израсходовать огромную порцию на создание защитного поля вокруг машины, вот откуда ее слова о том, что энергия кончается... Я все же продолжал встряхивать Весту, хотя появившимся у меня шестым чувством понимал, что все мои усилия напрасны, что Весте уже ничто не поможет. И вдруг она открыла глаза, и я услышал ее болезненный стон. Теперь я знал, что надо делать. Я развернул машину и понесся обратно к городу. Покрышки

визжали, мотор обиженно и монотонно ревел. Чтобы ей легче было дышать, я слегка приоткрыл стекло, и холодный воздух со свистом врывается в машину. Из-за шума я не сразу понял, что Веста что-то пытается сказать, и только по движению ее губ разобрал, что она просит остановить машину. По моим расчетам, мы уже вернулись в район, где их жизненное поле снова должно было действовать, и я нажал на тормоз. Веста сидела совершенно прямо и смотрела на меня широко открытыми глазами. Я никогда не видел у нее такого ясного, отрешенного ото всего взгляда.

— Ты себя не вини. Это я так решила. Решила, что так будет лучше. Они тоже не виноваты. Они не знали, что человеку, кроме пищи и воздуха, нужно что-то еще. Они и сейчас не совсем понимают нас. Я думала, что буду с тобой еще несколько дней, что сумею тебя защитить, помочь. Но все получилось иначе. Я верю: ты сумеешь справиться с пришедшей бедой, найдешь выход, они тоже тебе верят... Не вини их за мой уход. Вообще не вини за все, что случилось со мной. Они лишь подарили мне несколько месяцев дополнительной жизни. За это время я успела узнать и полюбить тебя... Не их вина, что продолжения быть не могло. Они не могли предвидеть такого конца. Потому что это все наше, человеческое, вряд ли они понимают, что такое любовь... Поцелуй меня... — вдруг попросила Веста. Я крепко стиснул ее в объятиях и прижался к ее холодным твердым губам. В это мгновение потеряло значение все, что разделило нас в наш последний день. Только ее самой уже не было со мной больше.

К намеченному месту я добрался глубокой ночью. Целый день, укрывшись в придорожном лесу, я ждал, пока стемнеет. С воздуха машина была видна как на ладони. Уничтожив вертолет, я фактически объявил войну вооруженным силам страны и вряд ли мог рас-

считывать на снисхождение. Я и не надеялся на него, твердо решив добраться до намеченного места. Добраться во что бы то ни стало. Меня искали на пути к столице, а я повернул обратно, к городу, возможно, это мне помогло.

С момента гибели Весты все мои поступки противоречили обычной человеческой логике, и тем не менее они не казались мне странными. Почему-то я был уверен, что именно этого хотела бы и сама Веста. Словно у нее еще могли быть какие-то желания... Наконец, в сумерках, крадучись, с потушенными фарами, мне удалось выбраться на заброшенную дорогу, ведущую к морю.

Через некоторое время я остановил машину. Мне не понадобилось ничего искать. Я не смог бы объяснить почему, просто знал, что это здесь, что ехать дальше не надо. Я приткнул машину к самому обрыву, отыскал фонарик и осторожно, словно боялся причинить ей боль, взял на руки тело Весты. Оно было легким и странно податливым. Прошло уже много часов, но трупного окоченения так и не наступило. Ни на что не надеясь, я проверил еще раз пульс и дыхание. Их не было. Их не было уже давно, с того момента, когда она говорила со мной в последний раз.

Я зажег фонарик и медленно начал спускаться с обрыва. И вдруг подумал: «Что-то я забыл. Что-то очень важное... Ах, да, пробы, пробы, из-за которых все началось. Веста просила меня вернуть их, а я решил проерить, на чьей она стороне...»

Весте, что я могу теперь сделать, — выполнить ее последнюю просьбу. Я вернулся к машине, вынул из чехла контейнер. Потом снова взял ее на руки. Тело Весты не казалось мне тяжелым. Я вообще не замечал его веса. Хотя тропинка шла круто вниз, я лишь крепче ржимал ее к себе и не чувствовал почти ничего — ни граха, ни отвращения, ни боли. Ничего не осталось,

только деловитая сосредоточенность. Наверно, именно она помогает людям справиться с большим горем. Интенсивная деятельность, связанная со сложными обрядами похорон, призвана отвлекать людей от причины, ее вызвавшей. Я спустился с обрыва. Тропинка кончилась, упершись в узкую полосу песчаного пляжа. Здесь, сразу же, буквально в нескольких метрах от берега, начиналась большая глубина. Я вошел в море по пояс, не замечая холодных прикосновений черной морской воды. Волн не было. Море казалось чистым и гладким. Сюда, к берегу, из города не долетало ни звука. Только где-то очень далеко и печально два раза прогудела сирена буксира. Я осторожно опустил Весту в воду и разжал руки. Я даже не посмел поцеловать ее еще раз на прощание. Вода сразу же сомкнулась над ее лицом, и течение легко понесло ее прочь от берега, туда, где начиналась глубина. В луче своего фонарика еще минут-другую я мог различить сквозь темный слой воды бледное пятно ее лица, потом оно исчезло. Больше ничего не было видно ни на поверхности моря, ни в его глубине. Я подумал: «Море подарило мне Весту и теперь забрало ее обратно». И еще я подумал, что Весты нет, а все ее слова и мысли живы в памяти и будут со мной всегда, до самого конца. Веста сказала: «Ты теперь останешься один со всем этим...» В темноте, не зажигая фонаря, я нащупал крышку, отвернул ее и опрокинул контейнер. Тихо, почти без всплеска, море приняло свою частичку. Не этого ли они добивались там, в своей темной глубине? Если так, то они достигли успеха. Посмотрев последний раз в черную непроницаемую воду, я повернулся и медленно пошел обратно, наверх, туда, где слышались трели полицейских свистков и вспыхивали мигающие фонари патрульных машин. Погоня в конце концов настигла меня, но сейчас это уже не имело значения. Больше я не собирался от них скрываться. Начав подъем, я задержался в последний раз. Нащупал в кармане пиджака коробку излучателя, достал

его и, широко размахнувшись, бросил в море. «Забните все, — подумал я спокойно. — Наши человеческие дела мы будем решать по-своему».

Поднимался я медленно. Обрыв в этом месте был очень крутым, да и торопиться мне не хотелось. Наверху поднялась суматоха. Там скопилось штук десять машин. Установили даже мегафон и что-то вроде прожекторной установки. Очевидно, они придали слишком большое значение истории с вертолетом и теперь явно переоценивали мою персону.

Вполне возможно, они начнут стрелять прежде, чем я поднимусь наверх. Обстановка накалена до предела. После того как я простился с Вестой, мной овладело полное безразличие ко всему происходящему вокруг. Все же я испытывал некоторую горечь от мысли, что люди устраивают на меня облаву, как на какого-то чужака... «А ты и есть чужак. Кажется, все-таки случилось то, чего они добивались. Ты очутился по другую сторону барьера, во вражеском лагере, хотя и не хотел этого...» Эта мысль отрезвила меня. Во всяком случае, прогнала сонное безразличие, с которым я поднимался навстречу наведенным на меня автоматам.

— Сдавайтесь! — надрывался мегафон наверху. — Ваше положение совершенно безнадежно, вы окружены! Поднимите руки!

«Дурацкое требование, — с раздражением подумал я. — Могли бы понять, что идти по такому крутому склону с поднятыми руками невозможно». Я продолжал подниматься. С каждым моим шагом обстановка накалялась все больше. Каждую секунду мог прозвучать выстрел. У стоявших за чертой света людей нервы могли не выдержать растущего напряжения. Оно уже ощущалось почти физически. Голос говорившего в мегафон человека сорвался, а стоявшие у обрыва автоматчики при моем приближении попятились, стараясь сохранить дис-

танцию. Я вышел на ровное место и стоял теперь прямо перед ними, в двадцати шагах. Нас разделяла только граница света и темноты. Прожектор бил мне в лицо, слепил и словно бы отделял от людей некой реальной, физически ощутимой стеной.

— Сдавайтесь! — в который раз повторил мегафон. — Если вы не поднимете руки, мы будем стрелять!

Мегафон не приспособлен для беседы. Мегафон существует для того, чтобы отдавать однозначные команды. Я подумал, что, если чей-то палец сейчас дрогнет и надавит курок, я буду падать вниз довольно долго. Весь тот путь, который только что проделал. Мое тело не попадет в море, оно разобьется об острые камни, окаймлявшие узкую полосу пляжа. Эта мысль была мне почему-то особенно неприятна. И все же я не поднимал рук. Если бы речь шла только обо мне, я бы это немедленно сделал. Но интуитивно я чувствовал: в эту секунду решается нечто гораздо более значительное, чем моя жизнь, и, кажется, я начинал понимать, что именно. Решался вопрос о том, каким будет предстоящий диалог людей с иным разумом. Я не поднимал рук, с ужасом понимая, что я все же взял на себя предложенную мне миссию и вольно или невольно выступал в эту минуту от их имени, в том самом качестве посредника, которого так боялся совсем недавно, но Веста сказала: «Ты теперь останешься один со всем этим...» — и вот я медленно шел на автоматы, не поднимая рук...

Тяжелый реактивный бомбардировщик вывалился из-за туч всего в восьмистах метрах от поверхности моря. И сразу же свечой пошел вверх. Это был рискованный маневр, но пилот блестяще справился с задачей. Внизу, под крыльями, повернулась и застыла на секунду поверхность бухты, и сразу же застрекотали все четыре съемочные камеры, ведущие послойную съемку воды на разных горизонтах от поверхности до самого дна. Одно-

временно вспыхнул экран локатора и глубинного инфралота.

Вся эта сложная аппаратура предназначалась для поиска неприятельских подводных лодок. Но сейчас пилота интересовали совсем не они. То, что он искал, было видно даже невооруженным глазом. На глубине примерно восьмидесяти метров в воде отчетливо просматривалось какое-то уплотнение, похожее и на опухоль, и на медузу одновременно. Оно слегка опалесцировало на экране локатора, словно само излучало радиоволны, но никаких помех в работе локатора не наблюдалось. Замигал глазок рации, и голос дежурного по полетам произнес: «Тридцатый! Тридцатый, доложите, что видите?»

— Эта штука подо мной. Глубина около ста метров. Могу ли я воспользоваться во время бомбометания подводными осветителями?

Рация не отвечала несколько секунд. Вопрос был не так уж прост.

Получив его запрос, дежурный счел необходимым связаться с командованием. Пилот, ожидая ответа, продолжал съемку. Самолет набирал высоту почти мгновенно. Очень сильно мешала работать низкая облачность. Самолет то рвался вверх, то стремительно падал вниз, к застывшей, будто бы нарисованной на холсте, поверхности моря. С такой высоты вода казалась неподвижной. Нельзя было различить отдельных волн, хотя пилот знал, что через несколько секунд на изломе очередного пике их брызги могут достать фюзеляж. Если в турбину попадет летящая с поверхности водяная пыль, турбина может захлебнуться, поэтому пилот старался в точности выдерживать рекомендованную высоту.

— Тридцатый, тридцатый. Осветители применять запрещено. Вы закончили съемку?

— Да. Без подсветки закончил.

— В таком случае переходите к выполнению основного задания.

Пилот решил покончить с этим в следующем заходе. Глубинные бомбы нужно было сбросить с достаточной высоты, чтобы к моменту, когда машина будет завершать пики и включатся камеры, они успели погрузиться на нужную глубину. Он любил щегольнуть четкими фотодокументами.

Пилот знал, что не ошибется, но все же для верности включил бортовой вычислитель. В таком тонком и небезопасном деле он чувствовал себя уверенней, если автоматика могла разделить с ним ответственность. Кассета с бомбами отделилась от самолета метрах в двухстах от поверхности и раскрылась, выбросив из своего нутра пять тяжелых круглых бочек, устремившихся вниз. Почти сразу перед самолетом возникло пять огненных точек — это включились пороховые реактивные двигатели, придающие глубинным бомбам дополнительное ускорение. Без них сопротивление воздуха очень скоро затормозит их полет настолько, что бомбы отстанут от реактивной машины, летевшей вниз значительно быстрее звука. В случае ошибки благодаря двигателям можно было скорректировать полет бомб к цели.

Пять дымных полос потянулись вниз до самой воды, расходясь в разные стороны, образуя кольцо, в центре которого лежала огромная медуза. На всякий случай пилот задал вычислителю координаты выхода из пики, отстоящие от неизвестного морского образования на предельном для съемки расстоянии. На этот раз он решил пожертвовать качеством снимков. Слишком реальной была только что вызванная его воображением картина врезающегося в воду самолета. Ему не хотелось быть слишком близко от этого затаившегося в глубине «нечто» в тот момент, когда сработают взрыватели его бомб.

Бомбы должны были взорваться на нужной глубине с интервалом в одну секунду. Но взорвалась почему-то только одна. Передав управление машиной автопилоту

и заранее задав программу, пилот, по сути, превратился теперь в пассивного наблюдателя. Через пластиковый колпак кабины он видел, как далеко в глубине моря расцвел ослепительно белый шар разрыва, услышал, как тотчас же застрекотали все его съемочные камеры и продолжали стрекотать все пять секунд, вхолостую расходуя сотни метров высокочувствительной пленки, проходившей через их фильмовые каналы с огромной, уму непостижимой скоростью. В этом стрекоте кинокамер прошли все четыре последовавших за взрывом секунды, отведенные невзорвавшимся бомбам. Потом его вдавила в сиденье многотонная тяжесть, и он перестал видеть что-либо. Перегрузка оказалась гораздо больше той, что должна была возникнуть при выходе из пике. И в этот ответственный момент, в эти последние доли секунды, когда он мог еще что-то сделать, двигатель захлебнулся.

Далеко над ним, словно отрезанный гигантским ножом, смолк протяжный вой реактивной турбины, исчез за хвостом самолета дымный факел сгоревшего керосина. Самолет, начавший было задира́ть нос для выхода из пике, неуверенно покачну́лся и в следующее мгновение рухнул в море как раз над тем местом, где совсем недавно исчезла его первая бомба. Поверхность моря вспучилась, выбрасывая наружу обломки и радужные потоки горючего, хлынувшего из разорванных баков.

Это случилось в девятнадцать часов пятнадцать минут. Над побережьем опускался тихий безоблачный вечер. Дождь, не прекращавшийся все последние дни, стих, и ветер унес в сторону материка остатки туч. Многочисленные курортные поселки, санатории, кемпинги расцвелись гирляндами вечерних огней. В свете вечерней зари они казались неяркими желтыми точками, усыпавшими берег. Через две минуты после того, как с поверхности моря исчез последний обломок самолета, а пятно керосина расплзлось по всей бухте,

эти огни на побережье начали гаснуть один за другим.

Закрытый полицейский грузовик, завывая сиреной и разбрызгивая огни красных и голубых мигалок, пробирався к загородному шоссе. В этот пиковый вечерний час шоссе было забито транспортом, и водителю грузовика приходилось то и дело проскакивать перекрестки на красный свет. Молоденький лейтенант полиции, сидевший рядом с водителем, выполнял задание особой важности. Четверо автоматчиков в фургоне наглухо закрытой машины охраняли государственного преступника, отгороженного от них зарешеченными дверьми. У лейтенанта был приказ доставить этого человека на военную базу, расположенную милях в десяти от города. Время для этого выбрали неудачно. Арестантские фуруны обычно отправляли ночью, чтобы не очень бросались в глаза, но в этот раз начальство, видимо, спешило. Водителю хотелось поскорее выбраться из потока городского транспорта и свернуть на военное шоссе. Там, за шлагбаумом, им уже никто не мешает. Время, указанное у лейтенанта на сопроводительном пакете, не позволяло ему терять ни минуты. Документы он должен был вручить командующему базой не позже шести часов вечера. Самое неудачное время. Лейтенант понимал, что водитель делает все возможное, и все же вновь и вновь торопил его.

Наконец грузовик выбрался в район городских окраин, до развилки с военным шоссе оставалось не больше пяти километров. И тут это случилось. Предметы в поле зрения водителя и лейтенанта потеряли четкие очертания, и хотя так продолжалось не больше секунды, этого оказалось достаточно, чтобы водитель потерял ориентировку.

Какой-то непонятный гул прокатился от города вдоль шоссе. Вслед за этим наступила странная, разламывающая виски тишина. Вдоль всей магистрали моторы машин перестали работать.

Гвельтов очнулся под вечер. Он лежал в своей постели в квартире на Грисмайской. Большие часы у шкафа показывали шесть часов вечера. Стояла странная для этого часа, ни на что не похожая тишина. Мысли текли ровно, безболезненно, почти равнодушно. Гвельтов отчетливо помнил все, что с ним случилось в лаборатории. Нет, пожалуй, не все. Только до того момента, когда он стоял у сейфа... Потом выстрелы на лестнице, крики, кто-то распахнул дверь, человек, напавший на него, покачнувшись и медленно осел на пол. Дальше полный провал, абсолютная немота памяти. И вот он лежит в своей постели. На этот раз налет на лабораторию совершали люди. Кому-то еще понадобилась «Альфа». Надо предупредить Глека, надо его найти и предупредить как можно скорее. Гвельтов рывком привстал и потянулся к телефону, стоявшему на тумбочке. В трубке ни малейшего шороха. Телефон не работал. Его могли отключить, обрезать провод. Но откуда такая страшная тишина за окном? Куда девались машины? Гвельтов встал, придерживаясь за стены, подобрался к окну и откинул штору.

Тучи наконец рассеялись. Красноватое закатное солнце заливало город неестественным розовым светом. Машины, собственно, были, только они стояли на проезжей части плотной неподвижной массой, словно невидимый светофор вдруг оборвал их безостановочное движение. С восьмого этажа Гвельтов не видел тротуара, но на противоположной стороне улицы группами стояли люди. Почему-то они не шли, как обычно, вечно спешащей и замкнутой толпой. Разбившись на отдельные группки, прохожие что-то оживленно обсуждали. Неестественная, странная тишина стояла в доме как вода. Не было слышно ни хлопков дверей, ни характерного шума лифта. Один за другим Гвельтов повернул все выключатели, словно надеясь, что хоть один из них работает. Зловещая тишина ползла с улицы изо всех щелей. Гвельтов прошел на кухню и отвернул кран. Воды

провод работал, хотя он уже не надеялся и на это: Гвельтов пил долго и жадно, потом подставил голову под струю холодной воды. Он готов был предположить все, что угодно: цепочку нелепых совпадений, несчастий, обрушившихся на него, на этот дом, на всю улицу, наконец, но ему и в голову не могли прийти истинные размеры бедствия. На огромной территории в сотни квадратных километров, занятых городом и прилегающими районами, электричество перестало существовать как таковое. Обесточились все провода. Исчез ток во всех аккумуляторах, батареях и других портативных источниках энергии. Все системы, где прямо или косвенно использовалась электроэнергия, перестали работать. Вхолостую вращались некоторое время роторы тепловых электростанций и генераторов. Остановились все двигатели внутреннего сгорания, так как системы зажигания в них вышли из строя. Беспомощный и потрясенный город лежал под лучами вечернего кровавого солнца, еще не осознав до конца всю глубину постигшей его катастрофы.

Несколько минут назад, распахнув дверцы, замерли трамваи и троллейбусы. Остановились автобусы. Перестали работать станки на фабриках и заводах. Остановились сами заводы. Все системы контроля и управления оказались без тока. Катастрофа подкралась тихо, без шума взрывов, пожаров, без массовой гибели людей. Постепенно и незаметно сгущались тени, солнце уходило за горизонт, исчез кровавый отсвет заката, на смену ему из всех подворотен поползли серые сумерки. Привычный свет городских фонарей уже не мог остановить их. Глаза города, казалось, потухли навсегда. Время будто остановилось и стремительно понеслось вспять, в ту огромную мрачную пропасть, из которой с таким трудом выбрались люди сотни лет назад, шаг за шагом создавая бесчисленные умные машины, взявшие на себя львиную долю тяжелого, изнурительного труда...

Осторожный стук в дверь заставил Гвельтова вздрогнуть и отпрянуть от окна. «Те, кто могут взломать дверь, вряд ли станут в нее так стучать», — подумал он и прошел в прихожую. В дверях стоял человек в изодранном, залитом кровью костюме. Из рассеченной брови все еще капала кровь. Наверно, поэтому Гвельтов не сразу узнал его.

— Вам бы не мешало умыться... — Гвельтов посторонился, пропуская Лонгара в коридор. — За вами никто не шел?

— Полицейский грузовик, в котором меня везли, разбился. В городе порядочная паника. Им сейчас не до нас. Видел бы ты, что творится на улицах. Не думал, что застаю тебя здесь... Мне просто некуда было идти, дома... Они убили Весту. — Лонгар видел, как побледнел Гвельтов, и был ему благодарен за то, что он молчал. — Что-то мы должны сделать, старина... У меня такое ощущение, что именно сейчас мы можем кое-что сделать. Колонию бомбили. Город под энергетическим колпаком. Я тут кое-что прикинул... В камере неплохо думается, знаешь... У тебя найдется листок бумаги?

Гвельтов поспешно протянул Лонгару стопку бумаги.

— Интенсивность энергии, выделяемой колонией, целиком зависит от внешнего воздействия. Это мы установили на тех последних пробах, которые мы с тобой добыли со дна залива. А дальше получается вот что...

Корявые неровные строчки расчетов ложились на измятый лист. Лонгару казалось, впервые за то время, что он вернул морю Весту, и делал нечто приближающее его к ней... В глубинах сознания отчетливо тлела мысль, что ничего еще не кончилось, что они только теперь выходят на едва заметную тропинку, ведущую сквозь колючие заросли...

Наконец Гвельтов прочитал и осмыслил последнюю формулу, которая неизбежно следовала из расчетов.

— Вы хотите сказать, что разрастание поля — это естественная защитная реакция на бомбардировку, которой их подвергли? И не было с их стороны никаких целенаправленных действий?

— В том-то и дело... Но это еще не все. Отсюда следует, что, как только продукты, вызвавшие защитную реакцию, будут переработаны, поле исчезнет, исчезнет само собой, без всяких усилий с нашей стороны. У меня не было точных исходных данных. Я не знаю вес ядовитых веществ, попавших в колонию после гибели бомбардировщика, но даже приблизительные грубые подсчеты говорят, что поле скоро исчезнет!

Но это еще не все... Отсюда неизбежно следует, что полем можно искусственно управлять! Если на колонию в определенном месте и с определенной интенсивностью воздействовать, поле может изменить конфигурацию, расширить свои границы...

Несколько минут Гвельтов молчал, осмысливая то, что я только что сказал. Не нужно было ничего добавлять, разжевывать, объяснять. Он понимал все с полуслова.

— Это дает нам шанс... Реальный шанс. Но одному мне не справиться.

— Мы вместе начинали эту работу, шеф, вместе и доведем ее до конца.

Впервые за все эти долгие страшные дни появилась надежда. Впечатление было такое, словно кто-то приостановил уже начавшую движение лавину. Глек отчетливо слышал, как тикают часы, отсчитывая вырванные драгоценные секунды... Друга — вот чего ему не хватало все эти долгие трудные дни. Настоящего друга.

Стена возле дивана исчезла, как в том, самом первом, сне. За ней по-прежнему ворочалось что-то огромное и живое с темными точками огней в глубине. Не было только Весты. Лишь голос, ее голос, шел из этой

открывшейся передо мной непроницаемой черной бездны.

— Ты спишь, милый? Можно, я немного побуду с тобой?

— Я не вижу тебя! Где ты?

— Меня нельзя увидеть, но я здесь, с тобой. Ты все время думаешь обо мне, и вот я пришла...

— Я хочу тебя видеть.

Ответом мне было молчание, только огни мерцали в темной глубине, как яркие южные звезды.

Заседание чрезвычайного правительственного комитета открыл сам премьер-министр.

— Сегодня, господа, нам предстоит обсудить один необычный документ. Я должен сообщить, что нашей стране предъявлено нечто вроде ультиматума.

— Ультиматум? — Министр вооруженных сил сделал вид, будто он не расслышал.

— Именно. От нас требуют совершенно определенных действий, изложенных вот в этом документе. Нам предлагают принять закон, предусматривающий уменьшение сборов и выделение всех наших промышленных отходов примерно на шестьдесят процентов. Это требует больших капиталовложений и некоторого замедления в развитии нашей экономики. Как следствие этого неизбежна инфляция, возможна даже биржевая паника. Нам следует разработать меры, способные ослабить эти нежелательные явления...

— Вы говорите так, словно ультиматум уже принят. — Министр обороны второй раз прервал выступление премьера, но в своем кругу они не соблюдали субординацию. В комитет входили пять человек, в руках которых была сосредоточена вся фактическая власть в стране.

— И нельзя ли уточнить, от кого, собственно, исходит требование: не хотите же вы сказать, что эта пор-

товая медуза научилась писать ультиматумы? — спросил высокий элегантный человек, одетый в модный костюм с фиолетовой искрой, и с глубокими залысинами на покато лбу. В правительстве он не занимал официального поста. Тем не менее именно от него премьер-министр ожидал самых больших неприятностей. Лей-Дин представлял здесь совет директоров крупнейшего концерна, негласно контролировавшего всю промышленность страны.

— Нет. Ультиматум еще не принят. Но я полагаю, что, ознакомившись со всеми обстоятельствами дела, наш комитет рекомендует правительству принять новый закон. Что же касается требований, то они вполне конкретны и исходят от определенного лица, которому поручено вести переговоры с нами.

За столом возникло движение. Члены комитета недоуменно переглядывались, пожимали плечами. Только Лей-Дин сохранил ледяное спокойствие.

— По сути дела, нам предлагают заключить договор, который предусматривает в ответ на принятие закона об охране среды вполне определенные действия с противоположной стороны. В договор будет включен пункт о полном и немедленном снятии энергетической блокады с порта и города.

— Нельзя ли поподробнее узнать о человеке, представляющем интересы противоположной стороны? Кто он? — Этот вопрос задал министр национальной безопасности. Вряд ли он теперь простит, что узнал новость не первым и что нашлись люди, осмелившиеся действовать через его голову. Положение было сложным, премьер-министр решил обойтись без обычной дипломатической подготовки, и теперь пожалел об этом.

— Этот человек находится сейчас здесь, и вы можете познакомиться с ним. Вот его досье. Это провинциальный ученый, до сих пор ничем особенным не выделявшийся. Почему представителем избрали именно его, для меня осталось загадкой.

— А где гарантии, что этот человек действительно кого-то там представляет? Что, если он попросту сумасшедший или, хуже того, что, если он защищает интересы третьих, неизвестных нам лиц?

— Основания, изложенные в этом документе, показали мне достаточно серьезными сами по себе, независимо от того, кто кого представляет. Кроме того, у меня есть поручение за этого человека от одного из сотрудников министерства национальной безопасности. Сейчас я не буду говорить, кто именно этот сотрудник. — Эта часть реплики предназначалась министру безопасности, который, услышав о собственном сотруднике, осмелившемся действовать через его голову, весь превратился в слух:

— Самое простое — познакомиться с посредником сейчас и составить обо всем собственное мнение, — закончил премьер.

За столом заговорили все разом, но Лей-Дин легким движением ладони добился тишины, и все взгляды устремились к нему.

— Я бы не согласился на эту встречу без предварительной подготовки. Никакое личное впечатление не заменит нам сведений, полученных многолетними наблюдениями. К счастью, моя организация такими сведениями располагает. Лонгар действительно провинциальный ученый, за которым до сих пор ничего, буквально ничего не замечено интересного или выдающегося. И он, безусловно, не сумасшедший. Тем не менее с самого начала событий он почему-то все время оказывался в их центре. Уже только поэтому было бы любопытно его выслушать. Лонгар должен понимать, какую крупную игру он затеял и чем она может кончиться для него лично. У него должны быть очень серьезные причины либо он должен располагать реальной силой, чтобы выдвигать нам условия в такой форме. В любом случае, я думаю, мы не потеряем времени даром, если пригласим его. Воспринимайте это как инте-

ресный спектакль, господа. К тому же актеру можно дать понять, что в случае плохой игры спектакль станет для него последним.

В комнате, где заседал правительственный комитет, пахло старой мебелью и пылью. Пять человек одновременно повернули головы в мою сторону, как только я переступил порог. Они рассматривали меня с любопытством, холодно и отстраненно. Так рассматривают какого-нибудь редкостного жука, прежде чем насадить его на иголку.

— Ваша фамилия и род занятий?

Начало беседы слишком походило на допрос. Я понял, что положение надо исправить немедленно.

— Не сомневаюсь, моя фамилия имеется в папке у вас на столе, и распорядитесь принести стул.

Человек, задавший вопрос, надавил кнопку вызова дежурного. Попросил принести стул и повторил вопрос, не меняя интонации, словно ничего не случилось. Остальные четверо молча переглянулись, словно я подтвердил их наихудшие опасения. Совершенно произвольно от взгляда человека, вторично задавшего мне вопрос о фамилии, я почувствовал себя учеником, стоявшим у классной доски. Урок не был выучен, и одобрения мне не дожидаться. Молчание затягивалось. Тот, кто вел беседу, спросил меня мягко, почти ласково:

— Вы отдаете себе отчет, где находитесь?

— Вполне. А вы? Вы отдаете себе отчет в том, почему решили со мной встретиться?

Этот человек умел признавать тактические поражения. Он был дипломатом не только по внешнему виду.

— Какие у вас есть доказательства, что именно вам поручено вести переговоры?

Я подождал, пока принесут стул, уселся поудобней и украдкой взглянул на часы. Меня вызвали слишком быстро, и теперь я вынужден был тянуть время. Для то-

го чтобы мои доказательства показались им достаточно убедительными, мне еще нужно спровоцировать их на какой-нибудь резкий выпад. Только тогда все будет выглядеть достаточно естественно. Если они догадаются, что все подготовлено заранее, мне несдобровать.

— Конечно, у меня нет верительных грамот. Лучше всего, если вы поверите мне на слово.

— Для кого лучше, для вас?

— Для меня это безразлично. Доказательства я представлю, но они могут оказаться не совсем безвредны.

— Что вы имеете в виду?

— Чего вы, собственно, хотите? Чтобы я продемонстрировал свою прямую связь с этим подводным монстром, которого вызвала к жизни ваша же неумная жадность? Давайте говорить откровенно. Позволим себе это небольшое удовольствие. Вам понятен лишь единственный язык, язык силы, — значит, я должен продемонстрировать свои возможности, не так ли? Или, может быть, вы имеете в виду какие-то иные доказательства?

— А что, если нам попросту вас расстрелять, господин Лонгар?

— Не стоит. Дорого обойдется. А впрочем, попробуйте.

Не скажу, чтобы я испытывал симпатию к этим людям. Я не любил тех, кто загребал жар чужими руками. Эти господа не привыкли сталкиваться с трудностями и с проблемами, которые касались их лично. Между ними и любыми проблемами всегда стояли другие люди. Теперь кое-что изменилось. Впервые в жизни я мог себе позволить бросить вызов отвратительной, безликой морде, олицетворявшей собой власть капитала.

— Мы здесь собрались вовсе не для взаимных угроз, — взял слово человек с залысинами на покато лбу. По тому, как почтительно слушали его остальные, я понял, что он играет первую скрипку в правитель-

ственном оркестре, и удивился, что ни разу не видел его фотографии в газетах и не представлял, какую официальную должность он занимал.

— Я хотел бы знать совершенно конкретно, — обратился ко мне этот человек, — чем вы подкрепляете свои требования? — Он приподнял и опустил лежащий на столе листок с проектом закона об ограничении промышленных отходов. — Предположим, сегодня мы откажемся их принять, что за этим последует?

Огромные старинные часы в углу комнаты мелодично пробили четверть пятого. Теперь я мог действовать, и если Гвельтов не подведет... Наверно, так себя чувствует человек, решившийся прыгнуть в ледяную воду.

— Через пятнадцать минут границы поля будут раздвинуты и захватят район Гидроплейка. Это простое предупреждение, те самые верительные грамоты... В том случае, если этого окажется недостаточно и предложенный закон не будет принят в течение трех дней, энергии лишится вся страна.

Ни один мускул не дрогнул на лицах сидящих напротив меня людей. Что-то было не так. Что-то не работало, чего-то мы не учли или случилось нечто такое, чего я не знаю. Ледяной холод медленно сжал мне горло. Пятнадцать минут прошли в убийственном молчании. Часы монотонно, громко и печально отбили две четверти. Срок наступил... Наверно, так звонит погребальный колокол. Я понял, что проиграл. Все поставил на карту и проиграл... Я еще не знал, что случилось, но уже не сомневался в своем окончательном поражении. Они ждали еще пять минут, потом в комнату вошел секретарь и положил на стол какую-то бумагу. Все остальное я воспринимал сквозь ледяной туман.

— Ваш сообщник Гвельтов арестован морским патрулем. Провокация, которую вы затеяли, провалилась.

Подвал был сухой и чистый. Только на кирпичной стене выделялись подозрительные пятна. Еще до того, как мне завязали глаза, я успел заметить выбоины на кирпиче и понял, что пули били сюда неоднократно. Некоторые из них, прежде чем ударить в кирпич, навывлет пробивали человеческое тело, потом здесь все старательно убрали. Как-никак это правительственное учреждение, так что со мной покончат по высшему разряду, наверно, здесь от болезни сердца скончался не один правительственный чиновник...

Мысли текли лениво, словно все происходило не со мной. Словно это кому-то другому завязали глаза и за чужой спиной офицер произнес роковую команду... Сейчас все будет кончено, еще две-три секунды... Даже сквозь повязку меня слепил свет прожекторов, установленных под самым потолком в углах подвала. Мишень хорошо освещалась. Если они не промахнутся, все кончится быстро...

За моей спиной сухо щелкнули затворы винтовок. И только тогда я позволил себе вспомнить ее имя. До этого мгновения я приказал себе не думать о ней, потому что боялся потерять контроль над собой и не хотел, чтобы они видели мой страх. Но теперь я тихо, вслух произнес дорогое для меня имя:

— Веста...

И в ту же секунду в подвале погас свет.

Темнота обрушилась с потолка, как обвал. Сразу же я услышал по лестнице топот ног, какие-то крики. Значит, они ждали за дверью... Значит, их тоже ни на секунду не отпускал предательский ледяной страх. Значит, мы все-таки сыграли на равных...

Машина остановилась у развилки шоссе. Именно здесь начиналась памятная для меня заброшенная дорога к морю. Недавно тут стоял знак, запрещающий проезд. Посреди дороги еще торчал ржавый металличе-

ский треножник. Как только мотор затих, стал слышен равномерный шум прибора.

— Штормит, — сказал Гвельтов. — Балла два, не меньше.

Я не ответил. И он, помолчав немного, продолжал:

— А знаешь, по моим расчетам, это случится сегодня, где-то около восьми.

Я молча кивнул, соглашаясь. Я знал, что он имеет в виду. Сегодня около восьми вечера концентрация вредных примесей в морской воде достигнет установленного минимума, и колонии уже не нужно существовать как единому целому. Колония распадется на отдельные бактерии, у нее отпадет необходимость контролировать свое движение. Морские течения унесут микроскопические тельца амёб в глубины океана, туда, откуда они пришли к нам.

— Одного не могу понять, что произошло с Гидроплейком? Патруль перехватил меня до того, как я сел в лодку... Газеты писали, что поле накрыло гидростанцию в шесть пятнадцать. Это случилось на полчаса позже, без постороннего вмешательства. Изменилась конфигурация поля. Как им это удалось? Почему вообще это произошло? Кто нам помог, ты что-нибудь знаешь об этом?

Я молча отрицательно покачал головой. Не имело смысла с ним спорить. Гвельтов свято верил в расчеты, в соответствие энергетических потенциалов границам поля. В безусловную зависимость этих границ от количества вредных примесей, попавших в воду. Все это так, конечно. До известного предела, за которым начинают действовать иные силы... Чтобы в них поверить, нужно было самому постоять у той кирпичной стенки в подвале.

— Все-таки я чего-то не понимаю, — заявил Гвельтов, вылезая из машины.

Наши пути здесь разошлись. Он торопился на

рейсовый автобус, идущий в порт, но задержался около меня еще минуту.

— Почему меня отпустили, почему вообще нас оставили в покое, хоть это ты мне можешь объяснить?

— Договор, который они вынуждены были подписать, содержит пункт о нашей неприкосновенности. Пока существует угроза — они будут его соблюдать, во всяком случае, до восьми вечера.

Гвельтов мрачно усмехнулся, пожал мне руку и пошел к автобусной остановке. Некоторое время, оставшись один, я смотрел вслед ушедшему автобусу. Потом вышел из машины и свернул на заброшенную дорогу.

Стояли редкие в октябре дни, наполненные звенящей прохладой и ласковым, почти летним солнцем. Оно словно вознаграждало нас за долгие дни непогоды. Я шел по дороге не торопясь, вдыхая запах увядшей полыни и морских водорослей, что-то он мне напоминал, этот запах. Сейчас я не мог вспомнить, что именно, может быть, мне не хватало дождя.

В тот день шел дождь, и я подумал, что он влияет на поступки людей. Заставляет принимать неожиданные решения. Именно дождь привел меня на эту дорогу. Сегодня дождя не было, и вот я здесь снова. Хотел ли я проститься? Не знаю... Не знаю даже, с кем именно. С Вестой я уже простился той ночью, когда морское течение навсегда унесло ее от меня, а с ними... Они были чем-то слишком сложным, может быть, гораздо более сложным, чем это казалось, и слишком далеким от нас. Поняли ли они хоть что-нибудь? Зачем они приходили к нам и почему теперь уходят?

Больше я не верил в расчеты, в соответствие энергетических потенциалов. За всем этим, за фактами, доступными анализу и нашим исследованиям, скрывалась какая-то иная истина. Мне казалось, вот-вот я пойму,

что она собой представляет. Это было похоже на звук прибора: иногда кажется, в нем возникают странные звуки, почти слова, верится, что нужно лишь небольшое усилие, напряжение, внимание — и этот шепот, звенящий всхлип, далекое эхо — все это сольется в какую-то фразу. Но настроение уходит, и снова в звуках моря не слышно ничего, кроме прибора.

Это был тот самый обрыв. Совершенно прозрачный воздух открывал с высоты безбрежную синюю даль. Ветер гнал небольшие барашки волн, срывал с них солоноватый острый запах морской воды и пены и нес его по степи.

Я спустился вниз, к самому морю. Горизонт сузился и словно прижался к поверхности моря. Волны с шипением ложились у моих ног.

Должен был быть какой-то знак. Не могли они уйти вот так, молча, ничего не сказав, оставив нас в неизвестности и непрерывном ожидании. Сейчас изнутри бухты морские течения каждую секунду уносили в глубины моря последние миллионы их крошечных уснувших тел. Надолго ли? И что случится, если они придут к нам снова? Поверили ли они нам? Смогут ли спокойно спать в своей глубине, оставив в руках человечества нашу прекрасную голубую планету? Или это всего лишь временное отступление, перегруппировка сил перед окончательным штурмом...

Ответ должен был быть где-то здесь. Я это чувствовал, знал, что это так, и ничего не видел, кроме привычного морского пейзажа... Я пошел вдоль берега, все дальше и дальше удаляясь от оврага, по стенке которого не так давно поднимался навстречу наведенным на меня автоматам. За поворотом был грот, причудливая пещера с озером морской воды. Я дошел до самого озера, заглянул в его прозрачную изумрудную глубину. Все было пусто и тихо. Я повернулся и побрел обратно, наверх. Ответа не было. Возможно, мы не получим его никогда, потому что он зависел от нас самих.

ТИХОН НЕПОМНЯЩИЙ

БУМЕРАНГ ЗОРИЧА

Фантастическая повесть

*Наука выигрывает, когда ее крылья
раскованы фантазией.*

М. Фарадей

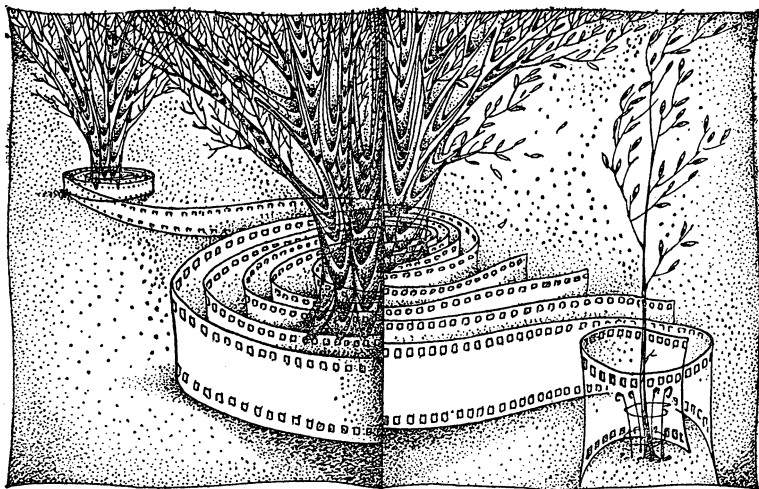
I

Идея родилась у Зорича после того, как он прочел в одной из работ академика Д. С. Лихачева о том, что старые деревья в Михайловском еще помнят Пушкина... Помнят... Случайно прочтенная строка, как семя, упала на хорошо вздобренную почву поисков Зорича и тех дел, которыми он повседневно занимался, — он разговаривал с растениями: посылал им сигналы, ожидая их реагирования. И вот эта идея, что деревья помнят Пушкина, что у деревьев может быть какой-то механизм памяти, какая-то фиксация происходившего вокруг них, молнией пронзила существо Зорича, и он подумал, что, возможно, это главное дело его жизни. Озарение, открытие, видимо, чаще всего приходят неожиданно, внезапно. Об этом Зорич прочел немало. Открытие теперь нередко делается не на путях прямого поиска, не тогда, когда непрерывно думаешь и ищешь: что? где? как? почему?.. И Зорич решил искать.

Он потерял границу между днем и ночью, между реальным миром работы в лаборатории и жизни дома. Ежедневной обязанностью его было изучение жизни цветов, трав и деревьев, исследование закона наследственности растений. Каждый день он приходил в лабораторию, занимался конструированием приборов, которые предусматривались планом института. И вдруг вспомнил о приборе, известном науке как каллиграфон,

способном переводить речь в импульсы и при этом передавать все индивидуальные оттенки голосов, а голоса, как известно, неповторимы, как отпечатки пальцев.

Потом у Зорича возникала необходимость разобраться заново, выяснить, а не является ли клетка растения своеобразным фото- или кинокадром, который фиксирует, как на киноплёнке, все, что находится в секторе ее обзора. Возможно, у клетки есть что-то подобное глазу рыб или птиц, которые видят совсем не так, как видят млекопитающие и люди.

Однажды, найдя спил ствола, с жадностью принялся он изучать его годовичные кольца, состоящие из миллиардов ячеек. В этих ячейках годовичных колец, может быть, как на барабан, намотана своеобразная, из клеток, «плёнка» видеозаписи окружающего мира, и, вероятно, есть пути, что позволят вычитывать содержащиеся

ся в этих годичных кольцах изображения. И таким образом, увидеть, разгадать, что запечатлели растения, деревья в окружающем их мире. Клетки дерева, храня наследственную программу, передавая ее семенам, быть может, фиксируют и окружающий мир — соседние растения, пробегающих мимо зверей, пролетающих птиц и насекомых, проходящих мимо них людей и даже их движения, характеры... А вдруг эта способность окажется не у всех клеток...

В институте появилась комиссия, которая проверяла работу лаборатории.

Зоричу пришлось очень много потрудиться, чтобы к определенному времени завершить ряд своих и чужих опытов, как того требовали обязательства, взятые шефом. Но после комиссии наступило затишье. И оно помогло Зоричу вновь целиком окунуться в свои размышления и поиски. Он обнаружил, что даже в период, когда он не столь интенсивно работал, сама по себе в его воображении вроде бы сложилась система приборов, позволяющая решить задуманное. Во-первых, это должен быть луч, точнее, луч лазера, проникающий поочередно в клетку растения, скользящий луч, что-то вроде локатора, дающий обратный импульс, посылающий обратный сигнал, который несет информацию о состоянии клетки, о том, что она содержит, — ее внутренний рисунок... Луч может быть записан на пленку видеоманитофона, а затем уже преобразован в изображение. Для такого изображения едва ли сойдется обычный телеэкран, но что-то похожее может получиться...

Зорич не сомневался, что какие-то аппараты уже имеются и их не придется изобретать заново. Но если их нет, значит, надо будет просить помощи электриков, людей, занимающихся лазерами. Подобно тому как ведется видеозапись телепередачи, можно будет записывать и информацию, посылаемую возвратным лучом, идущим из клетки растения... И все-таки Зо-

ричу казалось, что на обычном телеэкране информация, идущая из глубины клетки, не сможет предстать преобразенной в кинематографическую картину, которую на своем шифре зафиксировала клетка. Задача для телемеханики...

И Зорич стал искать людей, которые помогли бы ему, заинтересовавшись этой идеей. Но когда он себе представил реакцию ученых на его «невероятную» идею, то понял, что вряд ли сможет рассчитывать на чье-то участие.

У немецкого ученого-естествоиспытателя Юстуса Либиха он вычитал о том, что «разум и фантазия одинаково необходимы для наших знаний и равноправны в науке», но это было слабым утешением. И Зорич не спешил открываться в своем замысле товарищам по институту.

Он углубился в изучение жизни растений, функций клетки, ибо озаренность требовала знаний. Каждую свободную минуту он сидел за книгами, научными трудами, способными подтвердить его догадку или разрушить, отвергнуть ее. Несмотря на то что картина жизни растений казалась предельно знакомой, тем не менее он снова и снова искал свидетельства, что деревья-долгожители хранят информацию о том, что они видели в давние времена, когда были молодыми.

Сведения, самые элементарные, которые школьник знает, вызвали восторг Зорича: ель и сосна живут примерно четыреста лет, а липа, оказывается, вдвое больше них — восемьсот! Дубы вообще долгожители по сравнению со всеми другими деревьями — некоторые из них достигают и полуторатычетного возраста!.. А Пушкин жил в Михайловском первый раз, кажется, в 1824 году, а сейчас 1984 год. Значит, сто шестьдесят лет назад деревья, рядом с которыми он ходил, под которыми он отдыхал, сегодня еще сравнительно молоды, средних лет, до старости им еще ого-го-го...

II

Как много дел считалось невозможным, пока они не были осуществлены.

Плиний Старший

Знанию всегда предшествует предположение.

А. Гумбольдт

Первые сведения, которые заново, как школьник, как студент-первокурсник, начал осваивать Зорич, для него оказались даже любопытными. Ведь пока не возникло определенной идеи, предположения, все эти знания, механически пройденные в школе и в вузе, казались обычными, элементарными, хрестоматийными. Но так получалось, что теперь в этой обыденности Зоричу следует докопаться до сути, которую ни он, никто другой, видимо, прежде не искал. И Зорич читал о том, как у растений каждый год откладывается камбий, зоны прироста деревьев, связанные с сезонной периодичностью и, естественно, сменой теплого и холодного времени года; ярче, чем в других местах, это выражено у деревьев наших широт — умеренных и северных, где резче, чем в других краях, бывают смены времен года. Годичные кольца... Зорич даже вскрикнул, когда однажды прочел о том, что было бы для биолога естественным знать и что несомненно узнавал на уроках биологии каждый школьник. «...Древесина, отложенная камбием весной или в начале лета, отличается по структуре, цвету, блеску, твердости и другим механическим свойствам от древесины, образовавшейся во время второй половины вегетационного периода. Если первая, внутренняя, часть годовых колец более рыхлая и светлая, то вторая, наружная, — более плотная и темная, потому что клетки, из которых состоит ранняя древесина, имеют тон-

кие стенки и широкие полости, а клетки поздней древесины имеют более толстые стенки и узкие полости...» «Вероятно, эти стенки и стали «губкой», «камерой», впитавшей биотоки минувших событий, запечатлевшей картины давних времен?.. Облик Пушкина, например?» — в волнении думал Зорич...

Нередко одни сведения, догадка, предположение переплетались с другими — с фотосинтезом, например. И Зорич углублялся в те свидетельства, которые могли как-то подкрепить его предположения, соединившись вместе, дать новый путь поиска. И он, утомленный, прерывал знакомство с образованием годичных колец и в который раз читал о фотосинтезе. Он фиксировал для себя основные положения, на первый взгляд для ученого казавшиеся примитивными; в понятии «фотосинтез» он делал упор на слово «фото»: ведь какой-то же относительно прямой смысл наука вкладывала в слово «фото» как фиксацию, запечатление, фотографирование. Это, конечно, помимо основных, главных явлений фотосинтеза. Никто еще не искал, быть может, побочных явлений в основном законе биологической жизнедеятельности. «В широком смысле под фоторецепторами понимают все светочувствительные образования от стигмы одноклеточных организмов и одиночных, рассеянных по всему телу светочувствительных клеток до специализированных клеток глаза — сложного органа фоторецепции животных и человека», — как сказано в одном из справочников. И далее Зорич читал о фотобиологических процессах — фототропизме, фототаксисе, фотопериодизме и многом другом.

Его заинтересовали материалы о биомембранах, которые, отгораживая клетку от внешней среды, создают в ней необходимый и довольно своеобразный микроклимат, обеспечивая ее жизнедеятельность. Он уже вновь и вновь пытался доискаться, нет ли здесь возможностей для изобразительной фиксации окружающей среды в тот период, когда биомембраны регулируют

поток веществ, проникающих в клетку, пропуская полезные и задерживая вредные. Именно в биомембранах генерируется и трансформируется энергия, и с помощью мембранных систем в растениях осуществляется фотосинтез...

Параллельно с накоплением, уточнением этих знаний, служивших как бы платформой для внутреннего утверждения зародившейся у Зорича идеи, он много занимался прикидкой схемы приборов, с помощью которых будет искать в клетках растений изображения «картинку». Новые знания о годичных кольцах растений приводили к удивительным для него акцентам поиска: например, переход годичных колец от ранней древесины к поздней и к тому, что в природе, как и в жизни любых других живых существ, бывают «неприятности» — болезни. Так вот, Зоричу показалось, что этот постепенный переход как следствие вегетационного периода может давать одни результаты, а в периоды болезни растений воспроизведутся искаженные картины. Теперь по-новому воспринималось Зоричем знание того, что на срезе дерева, сделанном на высоте шейки корня, можно определить возраст растения, а ширина годичных колец может изменяться в зависимости от условий произрастания. По мере того как дерево растет, особенно в период зрелости, наступает стабилизация, а когда дерево стареет, годичные кольца уменьшаются. При этом исследователи отметили, что по высоте ствола ширина годичных колец у одиноко стоящих деревьев уменьшается к вершине, а у тех, которые живут в лесной теснине, зарослях, годичные кольца уменьшаются к основанию. И еще Зорич узнал о важной особенности — случается удвоение годичных колец из-за гибели листьев, прибитых весенними заморозками или объединенных гусеницами... Дендрохронология оказалась важным подспорьем в поисках Зорича.

III

Познание подобно морю: тот, кто барахтается и плещется на поверхности, всегда больше шумит и потому привлекает к себе больше внимания, чем искатель жемчуга, без лишнего шума проникающий в поисках сокровищ до самого дна неизведанных глубин.

У. Ирвинг

В институте были большие, хорошо оснащенные мастерские, где трудились высочайшего класса умельцы; они постоянно совершенствовали, приспособляли различные приборы, инструменты для лабораторий: это были рабочие и техники уникальнейших профессий и широкого профиля. Почти каждый день по чертежам и наброскам ученых из разных лабораторий они при участии специалистов создавали новые приборы. Рабочие институтских мастерских были люди не только трудолюбивые, но и мыслящие, ищущие, они порой сами приходили с предложениями в ту или иную лабораторию, предлагая усовершенствовать давно работающие приборы, машины, панели, лабораторные шкафы, посуду. О них почти без преувеличения можно было сказать, что они в состоянии и блоху подковать. Среди них — свои специалисты по электронике, механике, токари высочайшего класса. Вот к ним и пошел Зорич в попытке создать свой прибор для задуманных исследований.

Когда Зорич очень коротко и не очень откровенно, не раскрывая самой сути — что же он хочет выведать у растений, — рассказал мастерским, из каких трех основных блоков может быть составлена и сконструирована «машинерия», они задумались, а Петр Хрисанфович Чугунов даже сострил: «Значит, будем сочинять очередной гиперболоид Гарина—Зорича?» Зорич сму-

тился, и пришлось ему откровенно говорить о своей идее. Присутствовавший при этом Сергей Алексеевич Лисицкий не удивился и даже заметил, что ему нравится сама «задумка». Зорич не зря говорил с Лисицким и Чугуновым, он видел в каждом из них несостоявшегося конструктора, которые хотя и не отваживались на необыкновенное собственное творчество, но по-настоящему помогали ученым. Каждый из них имел патенты на собственные или совместные изобретения, а вместе с группой ученых они были удостоены премии Академии наук.

Оба они понимали, что идея Зорича не значится в официальных научных разработках и планах лаборатории. Зорич поспешил заверить, что труды их оплатит сам, на что Чугунов и Лисицкий обидчиво ответили: он их не понимает.

Принялись обсуждать первый, самый трудный, блок прибора. Лисицкий высказал предположение — лазерный луч может проникнуть в клетку и вернуться из нее с информацией, которую можно записать на видеомagnetную ленту, а затем уже воспроизвести на телеэкране. Чугунов предложил другое — попробовать новый вариант полихроматического луча, потому что хотя ныне лазер и умеет делать все — пришивать сетчатку глаза к сосудистой оболочке, сверлить алмазы и строить туннели, измерять расстояния до далеких планет, но Чугунову кажется, что именно полихроматический луч способен «забрать» изобразительную информацию, сохраняя всю цветную гамму картинки...

И потянулись дни поисков и проб. Для одних узлов друзья Зорича находили на полках своей мастерской «ненужные» детали, для других что-то приходилось покупать, но многое мастерить самим. Не раз допоздна засиживались они в мастерской вдвоем, то радуясь, то огорчаясь тому, как подвигалась работа. А подвигалась она не быстро. Иногда Зорич опускал руки и готов был отказаться от всей затеи, но Чугунов и Лисиц-

кий его поддерживали: «Чем ты рискуешь? Попробуем!»

Чугунов и Лисицкий приезжали на работу на удивительных, сделанных своими руками автомобилях. Зорич морозными утрами пешком преодолевал расстояние от метро до института, прибегал раньше других, успев вскипятить чайник, осмотреть приборы, навестись в мастерскую, где его встречали всегда с улыбкой и сочувствием. В мастерской знали истинную цену многим сотрудникам института, кто по-настоящему увлечен наукой, отдается ей всей душой, а для кого институт был лишь престижным путем к благам; мастеровые безошибочно судили, кто здесь мучительно продирался к научным истинам, кто себя «нес» в науке.

И вот настал день, это было много месяцев спустя после того, как Зорич, Лисицкий и Чугунов начали мастерить «гиперболоид» — название этому прибору или аппарату они не придумали, а просто называли свою работу то «гиперболоид», то «машинерия», — так вот настал день, а точнее, весенний вечер, когда опустел институт, а трое энтузиастов, оставшись в лаборатории, решили испытать свой аппарат. Три блока: носок — металлическое сопло для полихроматического луча — был подсоединен к питанию, состыкован с системой видеомagnetной записи, а последний с небольшим телеэкраном. Закончив настройку, они установили перед носком-соплом срез ствола дерева и включили прибор. Он что-то показывал, но что, толком разобрать было нельзя. Это не огорчило замечательную тройку — важно было, что блок заработал, что схема получилась. Они даже в порыве чувств обнялись, а более восторженный Лисицкий сказал: «Ура! Начало есть!»

Спилы нескольких стволов деревьев, которые заготовил Зорич, они проходили лучом и получали непонятное изображение, которое, видимо, передавало внутренний цвет клетки.

И тут Зорич выпалил: «Так мы же олухи, это же

мертвые деревья! Только живая клетка может откликнуться на сигналы!»

Он опрометью выбежал во двор института, сломал какую-то веточку и с нею вернулся в мастерскую. Друзья его встретили аплодисментами, хотя еще не было известно, что это может принести успех. Они установили прутик перед лучом, который также воспроизвел не очень внятное изображение.

Друзья сникли, приуныли. Зорич задумался: «А может быть, нам еще предстоит эту «машинерию» научить говорить?.. Ведь она же нуждается в регулировке, в фокусировке... Это же как объектив фотоаппарата. Не всякий может сразу настроить».

По дороге из института зашли выпить пивка, и обсуждение продолжалось за столиком. Их не покидала уверенность, что они на правильном пути, что надо будет еще многое проверить, поработать в разных режимах. Предполагали, что полихроматический луч берет информацию из клетки, но не может ее передать в виде магнитной записи. А если нет ошибки здесь, то, может быть, телеэкран не соответствует «правилам игры»?

«Вычитывать клетку должен какой-то другой луч, не полихроматический, а может быть, все-таки лазерный луч?»

— Не следует ли обратиться к другим спецам? — сказал Чугунов.

Тут Зорич, вздыхая, признался:

— Нет, не следует.

Зорич не хотел усиливать и без того ироническое отношение к некоторым своим замыслам: он знал, что нередко его идеи опровергались и отвергались, хотя спустя какое-то время кое-какие оказывались плодотворными, но Зоричу «плодов» никаких не приносили. Он был в таком состоянии, что скорее готов был вообще отказаться от своей идеи, чем посвятить в нее недружелюбных коллег.

Лисицкий, теребя свою мефистофельскую бородку, предложил «обмозговать это дело с ребятами из института телемеханики», которые наверняка не откажут в помощи, да и мало ли сколько еще есть знающих людей, которые искренне присоединятся к интересной научной идее...

Спустя несколько месяцев, действительно повстречавшись с многими интересными людьми, Зорич и его товарищи кое до чего докопались. Первый вариант «машинерии» в общих чертах был готов, но каждый из трех составных блоков имел недостатки в системе регулировки.

Они создали несколько вариантов настройки, один из которых был основан на лазерном луче, другой — на тепловом и магнетическом свойствах, третий — «примитивный», с подключением датчиков на разных уровнях к стволам.

Последний вариант, как ни странно, давал эффект чтения, но только некоторых клеток, без четкого изображения...

Много месяцев спустя, как зародилось это содружество, был сооружен небольшой чемоданчик, в нем спокойно укладывались все три агрегата.

Друзья решили попробовать «машинерию» в условиях лаборатории.

Они поочередно направляли луч на растения — лимонное дерево, карликовую березку, оставшиеся в лаборатории для украшения от прежних опытов и не востребованных заказчиками.

Возле растений каждый день работали коллеги Зорича.

И каково же было его удивление, когда на телеэкране предстал не очень четкий, но все же узнаваемый портрет шефа лаборатории Жужгова, разговаривающего с Ширяевым.

Изображение мерцало, гасло, съезжало — уходило в

сторону, но вновь прояснялось. Это был не кинокадр и не фотография, а какой-то слепок момента, больше скульптурно-объемный, чем графически прорисованный, скорее похожий на наскальные рисунки древних.

Зорич чувствовал себя обессиленным.

Его друзья — Лисицкий и Чугунов, люди с более крепкими нервами, вели луч биолокатора по клеткам различных растений, в окружении которых стоял столик и установленный на нем прибор — «машинерия», и считывали в клетках растений все новые и новые «кадры», зафиксировавшие сотрудников лаборатории и других людей, заходивших к ним; в некоторых кадрах был и Зорич.

Он отупело смотрел на чужие и свои блеклые изображения, еще не в силах поверить: кажется, что-то вышло...

В тот вечер первого серьезного успеха друзья не ожидали, что Зорич вместо восторгов вдруг заговорит о необходимости искать новые варианты. Ведь главное-то не в том, чтобы в лаборатории увидеть изображения сослуживцев, хотя и это само по себе любопытно.

Важно все-таки проверить, действительно ли «деревья помнят Пушкина»...

Поэтому Зорич заговорил о том, что их аппарат прежде всего должен работать в так называемых полевых условиях, на автономном питании, где нельзя подключиться к электрической сети. Предстояло придумать питание «машинерии», быть может, на принципах сегнетоэлектрических кристаллов или, может быть, на кристаллах триглицинсульфата, способных генерировать ток высокого напряжения.

Безудержный полет мысли и ее заземленность — все это сочеталось в натуре Зорича, за этим было удивительное соединение мечты и знаний, опыта, трудолюбия.

IV

Ученые те же фантазеры и художники: они не вольны над своими идеями; они могут хорошо работать только над тем, к чему лежит их мысль, к чему влечет их чувство. В них идеи сменяются; появляются самые невозможные, часто сумасбродные; они роятся, кружатся, сливаются, переливаются. И среди таких идей живут, и для таких идей они работают.

В. Вернадский

Умение Зорича проникать в различные стороны жизни растений, и не только на основе знаний, но все нового накопления фактов, данных других исследований, опыта, соединенных с чутьем и проницательностью истинного ученого, порой приводили его к выводам неожиданным, для коллег казавшимся скороспелыми, в лучшем случае преждевременными, и коллеги острили по поводу того, что Зорич торопится, забегают вперед. Но что он мог поделать, если ему многое становилось понятным уже в начале опытов, по первым фактам, данным, деталям. Это происходило, видимо, оттого, что он каждый раз неистово проникался задачей и всеми своими помыслами, чувствами уходил в опыт; ему даже казалось, что и без длительных наблюдений можно понять, как будет опыт протекать далее. Нескольким раз высказанные подобные предложения Ширяев встретил смехом, рассказал какие-то анекдоты, но было видно, что подобные качества Зорича раздражали коллег. Люди порой завидовали тому, что для него, кроме работы, не существовало жизни.

В дни мучительных поисков — каким может быть аппарат, каким он должен быть, чтобы узнать, помнят ли деревья Пушкина, — Зоричу приходилось туго на основной работе, дававшей «хлеб насущный». Там тоже

не ладились опыты по внекорневой подкормке растений новым препаратом; тема важная, заказная... а растения реагировали «неадекватно». Сколько Зорич ни бился, он не мог найти причину, что же происходит, почему задача, казавшаяся ему такой простой и легкой, не решается. Советоваться с коллегами, с шефом Зоричу не хотелось, тем более что недели три на пятиминутках у профессора Жужгова Зорича прорабатывали, цеплялись к невнятности его объяснений, туманности рассуждений. Зоричу была неприятна не сама процедура выговаривания, а пренебрежение к нему Ширяева, руководителя, в чем подчинении находился Зорич.

— Вы фантаст, Зорич, из-за вас страдает главное дело, которым занимается лаборатория. Пусть вами займется дирекция.

Зорич никогда не оправдывался. Промолчал он и сейчас. Очень некстати была эта проработка.

Спустя несколько недель, когда результаты опытов с внекорневой подкормкой не получились и у других МНС — младших научных сотрудников (не сходились данные-предположения разработчиков об эффекте усиления внекорневой подкормки), — в этот момент взбунтовавшаяся Валери-Ка (так переименовали имя научной сотрудницы Калерии Валерьевны) высказала догадку, что, наверное, плохой материал — удобрения. И тут же решили сделать их анализ. Оказалось, что удобрения имели существенные отклонения от нормы, и в этом не были виноваты ни МНС, ни растения, а только институтские снабженцы.

Зорич, измученный месяцами работы над «машинерией», нелепостями лабораторных неурядиц, придирками Ширяева, сел и написал заявление об отпуске или увольнении, вложил его в конверт и оставил у шефа на столе.

В тот день, когда Зорич исчез из института, шефу принесли документ — государственное свидетельство о

том, что профессор Жужгов и его коллега С. И. Зорич нашли новый, эффективный метод исследования механизма растений, помогающий растениям заблаговременно распознавать своих врагов — возбудителей различных болезней и интенсивно вырабатывать противоядия... Это был один из немногих случаев, когда одна из идей Зорича была не просто «подхвачена», но и он, С. И. Зорич, был включен в подобный коллективный документ и его заслуги в науке были признаны. Но самого Зорича это уже не интересовало.

Аспирант, прикомандированный к лаборатории, обнаружил в толстенных журналах опытов записи, которые вел в свои дежурства Зорич, систематически обращая внимание и на ту сторону исследований, которая не была главной в данном опыте.

На одной из еженедельных пятиминуток Зорич как-то невнятно, стесняясь, рассказал о своих наблюдениях, но эффекта это не произвело — его не поняли, и его наблюдение кануло бы в институтских архивах, если бы не приход аспиранта. Этот дотошный аспирант, просматривая старые записи в журналах, обратил внимание на четко изложенные там сведения о самозащите растений от болезней. Факты эти заинтересовали профессора Жужгова. Таким образом, профессор Жужгов оказался причастным к проблеме, открытой и в основном доказанной Зоричем. И тут же было поручено аспиранту, естественно, под руководством шефа все еще раз перепроверить; под новые факты Жужгов «подвел научную основу-фундамент». Так появилась коллективная заявка на открытие в лаборатории Жужгова.

Но повторим: все это уже не интересовало Зорича.

Зорича не стало в лаборатории. Он, подав заявление, исчез. Отсутствие его не могло не сказаться на работе лаборатории. Профессор Жужгов сердился, не хватало именно тех «нелепых», новых, свежих мыслей, которые давал Зорич...

Искание истины совершается не с веселием, а с волнением и беспокойством; но все-таки надо искать ее потому, что, не найдя истины и не полюбив ее, ты погибнешь.

Б. Паскаль

Зорич тайно договорился с Лисицким и Чугуновым, что он заберет «машинерию» и для начала съездит в Болдино или в Михайловское. Лучше в Михайловское.

Добравшись до Михайловского, Зорич устроился жить на турбазе и тотчас отправился в заветные места, но без «машинерии». Ее он решил сдать в камеру хранения, чтобы не вызывать к себе излишнего интереса.

Вскоре он присоединился к одной из многочисленных групп экскурсантов и вместе с ними обошел все помещения, где жил, бывал Пушкин. Уже в который раз вглядывался он в лицо Великого Поэта, запечатленное Тропининым и Вивьеном, Кипренским и Уткиным, Райтом, Соколовым и Брюлловым, с интересом рассматривал набросок, сделанный Гоголем, и картину Чернецова. Зоричу были известны почти все прижизненные портреты Пушкина. Они-то и должны были помочь узнать дорогой облик среди других, запечатленных деревьями. Он и с собою привез небольшого формата цветные фотокопии этих портретов, но оказалось, что здесь, в доме Пушкина, портреты и рисунки смотрелись с иным, особо благоговейным настроением. Это настроение усиливалось негромким, приятным голосом девушки-экскурсовода, которая не просто объясняла, а как бы размышляла вслух о том, что она хорошо узнала, призывала думать, воображать. И речь ее, перемежающаяся в меру короткими цитатами из Пушкина — его стихов, его писем, его прозы, — действительно помогала оживить в воображении облик Великого Поэта.

После экскурсии по дому Зорич вернулся на турбазу, перекусил и, захватив свою «машинерию», снова отправился в заповедные места. Теперь ему предстояло познакомиться с тем главным, чем он жил последнее время, — увидеть деревья, естественно, не молодые, а те, которые могли запомнить Пушкина. Он прошел аллеей, названной потомками аллеей Анны Керн.

Зорич уселся в стороне от аллеи, под кустом, и долго вглядывался в деревья, выбирая те, с которыми предстояло работать. Понимая, на какую глубину десятилетий — сто шестьдесят лет! — ушла в толщу стволов информация о Пушкине, догадываясь, что изображения поэта закрыты более поздними наслоениями картин иных лет, иных событий, Зорич составил себе приблизительную хронологию, ведя отсчет событиям от дней нынешних к дням минувшим. Сначала ему придется пройти эти более поздние слои, потом он доберется до желаемого времени. Основными этапами Зорич взял отечественную историю, ее вехи: массовое стечение народа на Пушкинских праздниках в последние годы и, видимо, группы людей, посещающих заповедник в любое время года: Затем послевоенное запустение, следы оккупации этих мест гитлеровцами... Кстати, он понимал, что беспощадное время могло оставить варварские отметины — осколки и пули, которые тоже уже заросли... Затем времена послереволюционные, революция, предреволюционные... первые Пушкинские праздники, устроенные почитателями великого национального гения...

Еще Зоричу предстояло определить, на какую высоту подросли, поднялись те части деревьев, которые сто шестьдесят лет назад могли запечатлеть Великого Поэта. Желанное изображение нужно искать не на уровне роста человека, а выше, и для этого понадобится лесенка-стремянка. А как с нею появиться здесь, в заповедном парке, не вызывая недоуменных вопросов?.. И здесь Зоричу пришлось пойти на хитрость: прихватив с собой фотоаппарат, он решил представляться всем как

фотолюбитель, который хочет снять здешние места с возможно более высоких точек.

Когда поубавилось посетителей на аллее, он, найдя укромный уголок, раскрыл свой чемоданчик и опробовал «машинерию». Первый сеанс длился недолго. Неизвестно откуда появилась большая группа людей, ведомая все той же милой девушкой-экскурсоводом, и Зоричу пришлось торопливо закрыть свой чемоданчик. И он решил сегодня, когда день был уже на исходе, удалиться из парка.

Но следующим утром он раздобыл на турбазе подходящую лесенку-стремянку и с утра пораньше отправился напрямик в желанную аллею. Солнце прекрасно освещало деревья. Зорич быстро ощутил дыхание этих деревьев, каждое из них воспринимал как отдельного человека, с разными обликами, характерами, нравами; одни, несмотря на возраст, казались веселыми балагурами, шелестящими листвой и в безветрие, другие — ожиревшими лентяями. Он с улыбкой подумал: у каких же из этих деревьев выпрашивать, выведывать то, ради чего он оказался здесь? Лесенка лежала в кустах, а он с чемоданчиком все ходил возле деревьев и присматривался к ним, долго не решаясь выбрать одно из них для первой беседы. Наконец наметил одно из деревьев. Оно стояло с достоинством, что-то благородное было в его облике. И Зорич, достав лесенку, пристроил ее не со стороны аллеи, а чуть сбоку, с той стороны, с которой ствол смотрел на идущих. Он основательно укрепил лесенку, взобрался на нее, раскрыл чемоданчик и довольно быстро выстроил «машинерию». И только направил луч на ствол как услышал хриплый удивленный голос снизу: «Послушайте... молодой человек, что вы здесь лазите?.. Клад ищите? Я за вами давно наблюдаю...»

Зорич пустился объяснять, что он фотолюбитель и снимает для альбома парк с большой высоты... Старик, наблюдавший за ним, ретировался. Но не успел Зорич настроить луч на ствол дерева, как писклявый мальчи-

шеский голос спросил: «Дяденька, а вы чего на дереве делаете? Вы, наверное, ботаник?»

Многоцветный луч уперся в ствол дерева, и Зорич мягко повел его поперек ствола, то и дело подстраивая силу и напряженность луча, скорость записи на видеоманнитную пленку, проверяя четкость изображения на телеэкране... Здесь терялось ощущение времени не только вычитываемого в порах дерева, но и обычное, рабочее время. Зорич не мог бы потом объяснить, как долго длился этот контакт. Для него уже не существовало поверхности ствола дерева — губчатая кора, с севера поросшая мхом, глянцевые и шершаво-замшелые листья, которые приходилось отодвигать, когда они вставляли на пути луча. Зоричу удалось вчитаться в одну хорошо просматриваемую клетку; он затаил дыхание, не веря в то, что видел на экране: стенки клетки давали одно и то же изображение в трех проекциях, одного и того же лица. Это был крестьянский ребенок, стриженный под скобку; похоже, он в свое время стоял у этого дерева и что-то разглядывал или просто смотрел в эту сторону. Мальчик был зафиксирован стенками клетки как бы тремя «аппаратами»!

Такого Зорич даже не мог предположить! В соседней клетке все тоже повторилось, только едва сдвинутым в сторону... Через сотни клеток изображение ушло из кадра, открывая пейзаж, который собою заслоняло...

Беспорядочные поиски Зорича давали различные изображения, и вдруг одна из клеток показала вроде бы пожар: четко просматривались дымы и вспыхивавшие по временам языки пламени. Зорич настолько увлекся попыткой разгадать это явление, что стал ряд за рядом проходить соседние клетки и был поражен, когда увидел нечто похожее на цыганский табор, стоявший вдали, на полянке, освещенный, видимо, вечерним солнцем... Как бы издалека зазвучала песня, цыганская песня, поначалу заунывная, а потом все более удалая, быстрая. Может быть, и не такими были цыганские песни в пуш-

кинские времена, но в душе Зорича слились строки поэта о цыганах и ныне знакомые цыганские напевы, и это изображение, возникавшее в клетках старого дерева. Великий Поэт был радостным, веселым человеком. Не только мыслителем и психологом — он мог упиваться вольницей цыганской радости... Позже, когда Зорич отыщет среди других изображений в клетках этих деревьев действительно изображение пожара, то в его восприятии этот пожар озвучится трагической музыкой Мусоргского, навеянной композитору пушкинским «Борисом Годуновым».

— Что вы тут делаете? — донеслось до Зорича снизу. Возле стремянки стояла экскурсовод Мария Иванова; женщина не могла понять, зачем неизвестный человек, пристроившись на одной из толстых веток, а на другой закрепив непонятный чемоданчик, поправляет какие-то колесики, во что-то вглядывается.

Закрыв чемоданчик и спускаясь с дерева, Зорич невнятно говорил о том, что ему трудно объяснить, кто он. Женщина отступила на безопасное расстояние от Зорича, не спуская взгляда с чемоданчика. В свою очередь, и Зорич разглядывал милую молодую женщину, экскурсовода, он ее узнал — своеобразное, красивое, почти иконописное лицо; во время экскурсии в помещении заповедного пушкинского дома ее лицо было одухотворенным, даже отрешенным, сейчас — взволнованным. Еще при первой встрече Зорич проникся к ней симпатией, доверием, и был миг, когда Зоричу хотелось все откровенно объяснить этой женщине и даже попросить у нее помощи, но как знать, какую реакцию вызовет его несуразное откровение у нее и других пушкинистов.

Молчание Зорича Мария Ивановна истолковала по-своему, тем более что он сложил и стремянку-лестенку, явно собираясь уйти, так и не дав объяснения причины своего столь необычного появления в заповедном парке.

— Может быть, нам вызвать милицию, и вы им объясните, в чем дело? — строго спросила Мария Ивановна.

Зорич улыбнулся.

— Что же я такое натворил?..

Мария Ивановна встала на тропинке, перекрыв собой отступление Зоричу.

— А как ваше имя-отчество? — шутливо спросил он.

— Мария Ивановна. Я местный экскурсовод.

— А я биолог и изучаю жизнь растений разных возрастов.

— Вы должны были прийти к нам в дирекцию, предъявить командировочное удостоверение, и все было бы... по правилам...

— Я, понимаете ли, пробую один аппарат собственной конструкции... — Зорич показал на свой чемоданчик.

Позже, когда они довольно обстоятельно поговорили о том, чем Зорич занимается у себя в лаборатории, как вообще ему там живется, Мария Ивановна рассказала о себе, и он поведал ей о своих «растениеведческих» коллегах, признался, что даже не знает, в отпуске он или уволен из лаборатории.

Расспрашивая Машу о жизни Великого Поэта в Михайловском, Зорич то и дело попытывался, не известно ли ей или кому-нибудь другому, возле каких деревьев мог ходить Пушкин, под какими отдыхать. Он доверился Маше, что его занимает мысль, высказанная академиком Лихачевым о том, что в Михайловском деревья помнят Пушкина. Зорич уверял, что у деревьев есть действительно механизм памяти.

Вечером, когда рабочий день закончился, когда экскурсанты разъехались по кемпингам, турбазам или отправились в свои города, Маша пригласила Зорича в свою небольшую, всю уставленную книгами комнату, приготовила чай и начала рассказывать о Пушкине. Она говорила без пафоса, но с каким-то присущим ей одной вдохновением, без механического, каждодневного повторения одного и того же для новых групп экскурсантов.

Маша делилась сокровенными размышлениями и впечатлениями, которые накопились за годы жизни в Михайловском. Она рассказывала Зорицу об обстановке комнат пушкинского дома, о вещах поэта, его рукописях, она о каждой из них говорила так, что и для Зорицы все становилось одухотворенным, беспредельно понятным, он чувствовал себя причастным — свидетелем и участником.

VI

Человек должен верить, что непонятное можно понять, иначе он не стал бы размышлять о нем.

В. Гёте

Это был необычный вечер для обоих — Зориц не просто узнавал что-то новое, он по-другому воспринимал то, что, казалось, знал хорошо и прежде. И Маша как бы заново соединяла все известное о поэте в одно целое. Не только для Зорицы, но и для себя она теперь вновь открывала жизнь поэта. Она процитировала Зорицу известные строки о том, как однажды сюда в июне 1825 года нагрянули гости, друзья Пушкина. Позже они об этом напишут, что встретили Пушкина в лесу: «...он был в красной рубаше, без фуражки, с тяжелой железной палкой в руке. Он нас сейчас же узнал, а Зенович, неповоротливая и неловкая фигура, от радости стал бросать свою шапку, крича: «Виват, Пушкин!»

Маша припомнила еще одно описание, которое также могло пригодиться Зорицу в его исканиях. Она предупредила, что поэт может выглядеть совсем не так, как на популярных портретах. Маша прочла воспоминания одного из давнишних жителей этих мест — Лапина. Он увидел Пушкина на местной Святогорской ярмарке, описал его костюм, сцену, происшедшую на этой яр-

марке. Пушкин сделал какое-то замечание толкнувшему его полицейскому чину, тот вознегодовал, полагая по его костюму, что это какой-нибудь цыган. Полицейский вызвал караул, и Пушкина повели в кордегардию. Из-за страха Лапин не пошел вслед за задержанным поэтом, хотя ему очень того хотелось. Пушкин был небрит, нестрижен и в таком странном виде... Что случилось? А может быть, это был и не Пушкин, а действительно какой-нибудь цыган?..

Несмотря на позднее время, а вечер был летний, июньский — самый разгар белых ночей и в этом краю, что не так уж далеко от невских берегов, — Маша повела Зорича к месту, где росла прежде знаменитая старинная сосна. В 1944 году по этим местам проходила линия фронта, прямо по берегу реки Сороти. На сосне гитлеровцы оборудовали наблюдательную вышку. Вокруг они спилили сорок тысяч сосен для устройства блиндажей и окопов. И эта знаменитая древняя сосна могла погибнуть. После освобождения на ней обнаружили следы пилы, но дерево было таким могучим, что гитлеровцы отступились от него. После войны сосну долго лечили, убрали вокруг нее чудовищные следы войны. Это помог сделать местный лесник Николай Дмитриевич Шендель и его товарищи: Василий Кондратьев, Иван Васильев, Иван Петров. Они очистили искалеченные корни дерева, заделали щели, подкормили сосну специальными удобрениями, обнесли ее ограждениями. Поныне здравствует древняя сосна, герой-дерево!

За первые же дни Зорич сумел снять несколько касет записей изображений более поздних слоев, колец деревьев, но снимка Пушкина получить ему не удавалось. Он понимал, что предстоит кропотливая работа с каждым деревом, чтобы найти не только в глубине те кольца, где могло быть зафиксировано изображение Великого Поэта, но прежде всего определить высоту, которая 160 лет назад, во времена поэта, была ему вровень.

Зорич чертил графики, вел измерения, в некоторые дни вообще не появлялся в парке, пытаясь с помощью уже накопившихся записей-фиксаций вывести, определить систему, которая позволяла бы измерять скорость роста деревьев на определенную высоту, роста стволов за минувший век.

Но однажды в парке его ждала неожиданность. Забравшись по лесенке невысоко, он обследовал ствол одного из крайних в аллее Керн деревьев. И вдруг услышал: «Стасик! Что ты здесь делаешь?» Голос был ему хорошо знаком. В аллее стояла изумленная Валери-Ка,

сотрудница института. Он испугался, хотя тотчас вспомнил, что институтские коллеги, видимо, приехали на экскурсию в Михайловское, она планировалась давно, и сроки ее не раз переносились...

Деваться было некуда. Зорич спустился с дерева, стараясь спрятать за спину чемоданчик, и никак не на-

ходил подходящего объяснения. Но с Валери-Кой ему невозможно хитрить, изворачиваться: Валери-Ка догадливый и проницательный человек, всегда отличалась тактом и искренним дружелюбием. Видя его смущение, она стала успокаивать его, коллеги не узнают о его пребывании в Михайловском...

Это было важное предупреждение: встречи с коллегами Зоричу не сулили радости...

Попросив ее до времени молчать, он признался в своем намерении получить портрет Пушкина из клеток деревьев. Она была восторженным человеком, а сейчас онемела, понимая невероятность замысла товарища. Зорич стал расспрашивать об институтских делах. Валери-Ка оживилась, рассказала, как восприняли его уход из лаборатории: шеф хотя и ругался, но подписал приказ об отпуске, а не об увольнении, но ведь срок-то отпуска истекает. Зорича могут уволить. Потом вспомнила о патентном свидетельстве, которое прибыло на его имя и на имя профессора Жужгова. Открытием в биологической защите растений от болезней заинтересовались практики, о чем недавно писала институтская газета. Зорич расспрашивать об этом не стал, он был увлечен другим.

Они вместе придумали, что Зорич напишет заявление с просьбой предоставить ему отпуск за свой счет, так как занят опытами, связанными с жизнью растений; в опыты не хотел бы преждевременно посвящать других.

— На какие средства ты существуешь? — осторожно спросила Валери-Ка. Зорич молчал.

— Слушай, Стасик, давай я пришлю тебе денег?

Словно бы очнувшись от забытья, он с благодарностью пообещал дать телеграмму, если окажется в полном безденежье.

Общепринятое мнение, будто наука и поэзия — две противоположности, большое заблуждение... неправда, что истины науки лишены поэзии... Люди, посвятившие себя ученым изысканиям, постоянно нам доказывают, что они не только так же, как другие люди, но даже гораздо живее их воспринимают поэзию изучаемых ими предметов.

Г. Спенсер

Солнце садилось, экскурсанты покидали заповедник, Зорич прекращал свои работы. Затем он шел в комнату к Маше, и она в беседах открывала ему все новые и новые страницы жизни Великого Поэта в Михайловском. Маша обратила внимание Зорича на то, что впервые Пушкин побывал здесь в 1817 году, по окончании лицея, а затем и в следующем году. Следовательно, Зорич может встретить в годичных кольцах и юный облик поэта. Это будет большая удача, так как очень мало портретов той поры сохранилось. Следует помнить и то, что последний раз Пушкин приезжал в Михайловское в 1836 году, когда привез прах матери, чтобы захоронить в Святогорском монастыре... Еще Зорич узнал, что не только Болдинская осень была плодотворной порой поэта, но и здесь, в Михайловском, он задумал и написал более ста произведений, и среди них такие выдающиеся, как главы из «Бориса Годунова», «Евгения Онегина» и многое другое.

Маша наизусть знала странички, даже расположение строк в произведениях поэта и много вечеров кряду просвещала Зорича. Здесь она передала ему и много таких сведений, которые знали лишь истинные ученые-пушкиноведы. Зорич прочел и книгу главного хранителя Михайловского, который уже много десятилетий по крупным собирал материал, исследуя и систематизируя его,

сопоставляя и выстраивая в четкую, жизненно правдивую хронику пребывания Великого Поэта в Михайловском. В этой книге Зорич прочел: «В первые дни ссылки деревня показалась Пушкину тюрьмой. Бешенству его не было предела. Все его раздражало. Он хандрил, скандалил, бывал во хмелю. С утра приказывал седлать и уезжал в никуда. Стремительно несущегося всадника можно было встретить очень далеко от Михайловского... (Здесь Зорич подумал, что нужно будет поинтересоваться, не сохранилось ли где-нибудь в округе древних деревьев, которые укажут, где именно бывал поэт.) И конь и седок возвращались домой уставшими. Он исколесил всю округу — деревни и села Новоржева, Опочки, Острова, Пскова, Порхова, а однажды чуть было не очутился под Новгородом.

Постепенно поэт стал чувствовать себя в деревне как у бога за пазухой. Что же произошло? Его спасла работа. Он полюбил природу этих мест. Он нашел верных друзей в Тригорском... Но не только это. Он пришел к простым людям, и они пришли к нему. ...Есть в литографии Ильи Иванова деталь. Все думают, что это просто группа крестьян, изображенная для оживления пейзажа. Ан вряд ли! А что это за старик с клюкой, идущий мимо усадьбы? Это, конечно же, старик Еремей. А кто эти семеро, возвращающиеся с граблями с сенокоса? Это и есть дворовые: Прасковья — племянница Ульяны, Настасья Михайловна, Дмитрий Васильев и другие. А что это за маленькая девочка, идущая рядом со взрослыми? Да это, конечно, дочка Андреевой Дарьи — малолеток с косичками».

Зорич не был экзальтированным человеком, но даже он шумно вздохнул, когда прочел об этом. Ведь это именно те сведения, которые помогут ему не проглядеть, не пропустить важные черты в окружении, в бытии Великого Поэта. Здесь он узнал и то, когда какие деревья были посажены в Михайловском. Хорошо сохранились аллеи липовая и еловая, некоторым деревьям,

посаженным еще при основании парка, более двухсот лет, хотя таких экземпляров совсем немного. Зорич почувствовал, что он может со временем оказать помощь и хранителям заповедных мест, ибо он уже освоился с «машинерией» и понял, как можно ее лучом проходить годичные кольца: или постепенно, в их хронологической последовательности, или сразу проникать в глубины, минуя десятилетия. Обычно луч, минуя годичное кольцо, как бы упирается и преодолевает новую препону, образуя при этом сигнал. Нужно успевать считать эти сигналы и по ним определять количество лет. Для дальнейших исследований можно сделать еще и счетчик годичных колец и сразу же проникать в нужный год, получая на счетчике дату. Когда-нибудь такой аппарат поможет работникам лесного хозяйства абсолютно точно, до единого года определять возраст растений, особенно деревьев, идущих в промышленную разработку, и это, видимо, даст немалый экономический эффект.

«Машинерия» позволит вычитать и зафиксировать на видеомagnetную пленку множество подробностей из жизни Великого Поэта в Михайловском. Зорич намеревался предложить своему другу, киносценаристу Аничкову, сделать документальный фильм о том, что расскажут о столетиях дерева. Кадры с видеомagnetной записи легко перенести на обычную пленку...

Маше очень хотелось посмотреть, как этот «мудрый» прибор все выведывает у деревьев. Зорич не мог ей отказать, и они условились, что завтра Маша выберет время между экскурсиями и придет к тому дереву, которое они наметили вместе.

День выдался солнечным и тихим. Зорич все готовил к очередному сеансу и ждал Машу. Она показала отметку, у которой предстояло вычитывать содержание годичных колец. Зорич был удивлен. Это был уровень, который фиксировал современную жизнь, недавние годы. Маша призналась, что это для нее важно.

Почему? Он сейчас поймет. Она попросила углубить луч всего на несколько годичных колец. Зорич удивился, но стал послушно выполнять ее просьбу. И когда возникло изображение на телеэкране, Зорич ахнул: «Так это же вы, Маша!» Она благодарно сжала его руку и стала объяснять, что ей хотелось убедиться, не шутит ли Зорич с нею, не обманывает ли ее, не фантазирует ли напрасно. В тех же годичных кольцах Маша увидела своих коллег по заповеднику и самого главного хранителя, а про себя отметила, что «дерево ее сфотографировало еще совсем молодой — было это лет десять тому назад».

Затем она попросила Зорича внедриться в пушкинское время. Для этого пришлось приставить лесенку к стволу и взобраться на нижнюю толстую ветвь. Маша поудобнее устроилась, обхватив ствол, Зорич раскрыл чемоданчик и, закрепив его на ветке, стал настраивать «машинерию», предварительно пояснив, что на этом дереве ярче, чем на других, видна война. Маша сказала: «Не надо, это ужасно. Я насмотрелась и кинохроники и фотографий».

Маша с напряжением наблюдала за телеэкраном и, увидев, как нелегко приходится Зоричу, решила ему помочь. Она, вытянув руку, поддерживала чемоданчик, другой рукой держась за ствол. Увлеченный настройкой, Зорич не заметил, что чемоданчик непрочно держится и что Маша дрожащей рукой слабо поддерживает «машинерию». Сейчас они оба были поглощены зрелищем на телеэкране. Аллея оживала, это была та аллея, которая навеки стала аллеей Анны Керн... Они увидели на экране сначала картинку, запечатленную одной клеткой дерева, затем Зорич медленно повел луч вдоль годичного кольца, и возникали почти кинокадры идущих рядом Анны Керн и поэта. И Маша тихо произнесла фразу из письма Пушкина к той, кому были посвящены вдохновенные строчки: «Я помню чудное мгновенье».

Маша читала письмо по памяти, вслух, что еще более усиливало впечатление от сменяющихся кадров на телеэкране: «Пишу вам, мрачно напившись... — Так в самом начале пишет Пушкин одно из своих писем Анне Керн. — Все Тригорское поет «Не мила мне прелесть ночи», и у меня от этого сердце ноет... Каждую ночь гуляю по саду и повторяю себе: она была здесь — камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе, подле ветки увядшего гелиотропа, я пишу много стихов, — все это, если хотите, очень похоже на любовь, но клянусь вам, что это совсем не то. Будь влюблен, в воскресенье со мною сделались бы судороги от бешенства и ревности, между тем мне было только досадно...»

И тут в новых клетках-кадрах Пушкин стал приближаться к ним. Он явно шел к дереву. Было явно видно его лицо — и счастливое и взволнованное... Маша вдруг ойкнула и, теряя сознание, качнулась, выпустила из рук чемоданчик. Зорич, подхватив ее, едва удержал, а чемоданчик, кувыряясь по лестнице, полетел вниз, шлепнулся о землю...

Хрупкая «машинерия» не только разладилась, она поломалась. И казалось, что печаль Маши не сравнима с печалью Зорича, который ее утешал, уверяя, что удастся все наладить, удастся поправить.

Несколько последующих дней, когда Зорич разбирал «машинерию», исследуя размеры бедствия, присутствующая при этом Маша с горечью говорила о том, что многое может остаться неузнанным, ведь Зорич мог увидеть здесь и Антона Антоновича Дельвига, давнего друга Пушкина, который навещал его в Михайловском, и ведь они наверняка гуляли по этим аллеям. Волшебный аппарат Зорича мог проверить, был ли здесь Дельвиг, хмурый человек в очках с маленькими стеклами...

Зорич еще надеялся, что ему быстро удастся привести в порядок «машинерию», вот только бы достать

паяльник и несколько лабораторных измерительных приборов, чтобы проверить состояние панели, ламп накаливания, прогрева...

Маша обещала организовать поездку с очередным автобусом экскурсантов в Псков, где, возможно, Зоричу удастся позаимствовать все необходимое в местном институте. «Там, кажется, даже есть и радиозавод», на худой конец, в каком-либо приличном телеателе что-то подходящее найдется... Но в ожидании этой оказии Зорич решил привести в порядок свои обрывочные записи, которые он иногда делал по ночам. Маша тем временем строила планы, она говорила о том, что Зоричу нужно, кроме Михайловского, побывать и в Болдине, а еще непременно съездить и в Ясную Поляну и там попробовать в имении, где также сохранились старые деревья, открыть новые, неведомые нам черты облика Льва Николаевича Толстого. Ведь чуть больше семидесяти лет отделяет нас от того времени, когда Толстой жил в яснополянских местах, большей частью безвыездно в течение многих десятилетий, и деревья могли стать летописцами... А еще Маша говорила о том, что отныне ей будет трудно жить в Михайловском, бывать в парке, беседовать здесь с экскурсантами — ей все время будет казаться, что сквозь деревья на нее смотрят глаза Пушкина и его близких. И еще смущало одно признание Маши:

— Нам с вами, Стасик, уже давно за тридцать, но вы оказались по-настоящему счастливым человеком, у вас наступил звездный час, а у меня его нет и быть не может... Я только истолкователь чужого жития, чужих мыслей и чувств... И, простите, скажу самое сокровенное: я была счастлива с вами... Но я сама неосторожно разрушила счастливые часы...

Стасику приходилось ее утешать:

— Много, очень много в моей жизни было «поломок»...

В школьные годы он увлеченно занимался на стан-

ции юных техников при Дворце пионеров. Он почти без экзаменов был принят на биофак, а затем очутился в лаборатории «контакт с растениями» как «одаренный человек, получивший диплом с отличием». Но это ничего не значило; и первый год, и второй год ему поручали лишь составлять питательные растворы, мыть лабораторную посуду и в редких случаях подменять других мэнээс, а порой даже старших научных... Над ним часто подшучивали, но только одна Валери-Ка понимала его...

В лаборатории он превратился в ходячее справочное бюро. Со временем, когда возникали затруднения в каком-либо опыте, он смущенно предлагал выход, который оказывался кстати, оказывался подходящим, и это считалось уже в порядке вещей. Иногда его хвалили, но чаще давали новую и новую работу. И только однажды Александр Александрович Дупленский, второй старший научный сотрудник лаборатории, попросил у шефа закрепить Зорича за ним. Ширяев давно уже считал Стасика «своим» и сумел это отстоять, пообещав выделить Стасику самостоятельный участок работы и «дать диссертацию»...

— А теперь «машинерия» поломалась и ты вернешься в свою лабораторию, — с грустью сказала Маша.

— Именно сегодня благодаря поломке этой «машинерии» у меня родилась новая идея, — пытался утешить Зорич. — Проверая луч локатора, случайно поднес к нему руку, и локатор показал, где у меня была повреждена фаланга пальца. Локатор сработал и как рентген и передал сигнал, который я только что сумел расшифровать. Думаю, что возможно создать аппарат, который будет обследовать и считывать клетки органов у животных, человека и, может быть, третий аналог аппарата сможет врачевать людей без лекарств и скальпеля. Это будет особая работа новых лучей!

Маша удивленно покачала головой. А Стасик, гово-

ря с Машей, зажигался все новыми и новыми проектами.

— Раньше изобретатели все делали своими руками, — говорил он. — В изобретательстве соединены разные науки и разные профессии. Если в начале нашего века было чуть больше десятка разных наук, к концу века, говорят, их будет более пятисот. И у каждой науки свои орудия, инструменты, приборы, методики. Их десятки тысяч. И тот, кто вдруг придумает, как самым неожиданным образом соединить эти приборы и аппараты, предназначенные для определенной области, и заставит их работать в новой, сделает крайне полезное дело, но это не значит, что он гений...

Маша слушала его, и ей вдруг стало обидно, что во всех его словах нет ничего о ней, о Маше. Она понимала и боялась, что это их последний разговор и они больше никогда не увидятся. Она хотела спросить об этом. Но Стасик будто догадался.

— Мне кажется, вы, Маша, тот человек, который меня понимает. Я завтра поеду не в Псков, а в свой город, в лабораторию, без нее «машинерию» я не отремонтирую, а только испорчу. Я счастлив, что провел отпуск с вами... Хотите ли вы приехать ко мне... в гости?

Маша, смутившись, молча кивнула.

ОСТРОВ ПУРПУРНОЙ ЯЩЕРИЦЫ

За землю, называемую Вяткой, при проникновении в Скифию, находится большой идол *Iota Baba*, что в переводе значит: золотая женщина или старуха; окрестные народы чтут ее и поклоняются ей; никто проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует ее с пустыми руками и без приношений; даже если у него нет ценного дара, то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную из одежды шерстинку и, благоговейно склонившись, проходит мимо.

Матвей Меховский. Сочинение о двух Сарматиях. 1517

Рассказывают, или, выражаясь вернее, болтают, что этот идол Золотая Старуха есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук. Кроме того, будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб. Если это так, то я думаю, что это происходит от сильного непрерывного дуновения ветров в эти инструменты.

Сигизмунд Герберштейн. Записки. 1549

Жрецы спрашивали ее о будущем, и она давала ответы, подобно дельфийскому оракулу.

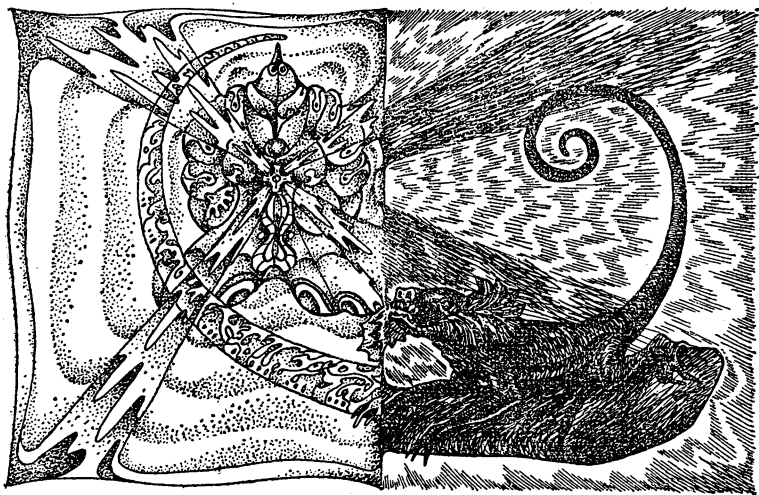
Петр Петрей де Эрлезунд. 1620

— Это крайне важно... Может быть, в ваших руках ключ к великому археологическому открытию. — Голос в телефонной трубке звучал устало, но при этом чувствовалось, что говорит энергичный и знающий себе цену человек.

И Введенский согласился на встречу, хотя то, что он сейчас услышал, походило на художественный вымысел. С поэтами от науки он общался нечасто, старался избегать их, ибо рукописи, которые они приносили на рецензирование, изобиловали самыми грубыми ошибками, натяжками, а иной раз и прямыми подтасовками. А сказать прямо, что очередное сочинение о происхождении жизни или о загадочном «недостающем» звене

эволюции — плод малой осведомленности, Введенскому всегда было мучительно трудно. И он мялся, краснел, страшно злился на себя, но выводил на листе, увенчанном его академическим титулом: «Работа заслуживает внимания, хотя некоторые мысли автора представляются дискуссионными...»

Он вышел в сад, зашагал по скользкой от дождя дорожке в сторону беседки. Легкий ветер перебирал листву яблонь, то и дело осыпая академика пригоршнями брызг. Введенский с наслаждением взъерошил

мокрые волосы, сдернул закапанные водой очки. Взбежав по ступенькам беседки, едва не наступил на раскрытый томик, брошенный на полу. Опустился в качалку, поднял яркий покетбук с типичной для криминального романа обложкой: револьвер, патроны, окровавленный платок, надорванное фото...

«На борт парохода поднялся полицейский комиссар

в сопровождении таможенного чиновника. «Господа, предлагается сдать все имеющиеся у вас бивни слонов и шкуры леопардов. По нашим сведениям, груз, следующий на борту...»

Введенский прикрыл глаза... Этот странный звонок: про бивни мамонтов с насечками, про ящериц, обвивающих чело неведомой богини. При всей путанности, фрагментарности рассказа незнакомца из Сибири в нем прослеживался какой-то четкий порядок. А там, где существует порядок, имеется определенная внутренняя логика, есть, следовательно, реальный смысл. Впрочем, в поэтическом сочинении тоже можно усмотреть причинно-следственную связь, однако сюжет такого произведения нельзя поверить алгеброй точного знания... Да и вообще эти истории с кладами, сокровищами, зарытыми какими-то мифическими злодеями, всегда вызывали у него лишь снисходительную насмешку... А история Золотой Бабы — это вообще какой-то regretium mobile исторической науки. Бессмысленная сказка, не имеющая никакой цены для науки и способная лишь щекотать праздное любопытство падких до сенсаций простаков. Введенский хорошо знал домыслы досужих поп-историков (так он их именовал про себя) о происхождении этого идола северных народностей, но не видел реальной пользы в подтверждении их гипотез...

Изучая историю Сибири прежде всего как палеонтолог, он не мог, конечно, пройти мимо некоторых распространенных легенд; в молодости отдал дань увлечениям своих однокашников — собиравшись на поиски Беловодья вместе с группой сокурсников, ломал голову над загадкой Тунгусского метеорита. Но Золотая Баба — нет, ему всегда казалось несерьезным с важностью толковать об этой «проблеме». Как деревенские мальчишки, тревожно-почтительным шепотом повествующие друг другу о «разрыв-траве» и разбойничьих пещерах, так он воспринимал своих коллег, собиравшихся

время от времени для обсуждения судьбы исчезнувшего истукана. Какая разница, был ли то грубо обтесанный камень с едва намеченными очертаниями женской фигуры, или прихотливый вольт истории занес в северную глухомань заблудившийся ордынский обоз и изваяние богини из буддийского монастыря, ограбленного плосколицыми варварами, стало достоянием первобытных вогулов?..

— Разморило на солнышке? — Голос жены заставил Введенского вздрогнуть, он не слышал ее шагов.

— Да нет, просто размышляю с закрытыми глазами. Хотя... ты, пожалуй, вовремя подошла — я, наверное, уже склонялся в объятья Морфея.

На полу беседки подрагивала сетчатая тень листы. Прямо против входа стояло низкое солнце, и Введенский видел только силуэт жены.

— К тебе посетитель. Станный какой-то. С огромным тяжеленным свертком. Всклоченный. Потный. Словно от погони бежал.

— Уже приехал? — удивился Введенский. — Пусть идет сюда.

Вид у сибиряка оказался действительно непрезентабельный. Одежда измятая, ботинки давно не чищенные, седоватая двухдневная щетина. Роста он был среднего, но широкие плечи, крупная, низко посаженная голова и резкие черты лица создавали впечатление могучности. На красном обветренном челе гостя лежали три глубокие морщины. Голубые глаза смотрели требовательно; даже, определил академик, атакующе.

— Вот принес, — без всякого предисловия заговорил посетитель и, опустившись на корточки, положил сверток на пол, стал развязывать оплетавшую его бечевку.

«Фанатик», — привычно отметил Введенский, наблюдая, как лихорадочно руки сибиряка освобождают бивень от обертки.

Когда находка предстала перед глазами академика,

от его скептицизма не осталось и следа. Насечки на мамонтовой кости располагались в строгой последовательности, а узор орнамента был настолько непохож на все виденное им в этом роде, что Введенскому невольно передалось возбуждение сибиряка.

— Вот, видите изображение ящерицы? Оно варьируется в орнаменте на разные лады, — говорил гость, проводя пальцем по прихотливым завитушкам рисунка, выполненного неведомым косторезом.

— Простите, уважаемый... — Введенский умолк, лихорадочно вспоминая имя гостя.

— Геннадий Михайлович, — догадался тот о причине заминки.

— Так вот, почтеннейший Геннадий Михайлович, все это крайне интересно, но какое отношение ваша находка имеет к мифу о Золотой Бабе?

— А-а! — торжествующе воскликнул сибиряк, приподнимаясь с корточек. — Все дело в этой самой ящерице.

Спустя мгновение он принялся размахисто шагать взад-вперед перед академиком.

— Все, что мы знали раньше о Золотой Бабе — сообщения летописцев, известия европейцев, посетивших Московию, фольклорные записи, — свидетельствовало о том, что речь идет о священном изображении верховного божества, почитаемого вогулами. Но облик изваяния всеми передавался по-разному. Так что при поисках ее не за что было ухватиться — вот в этом-то и кроется причина всех неудач. Теперь можно сказать, что положение резко меняется...

Введенский некоторое время еще сидел на корточках, слушая гостя, но потом, сообразив, что это выглядит комично, поспешно поднялся и сел на перила беседки.

— Изучая записи фольклорных экспедиций последнего времени, я обнаружил ряд текстов, в которых говорилось о Золотой Бабе. Причем характерно, что и в

мансийских, и в хантыйских, и в ненецких легендах ее упорно именуют то хозяйкой красной ящерицы, то ящерицелюбивой, то даже утверждается, что она превратилась в ящерицу. Но наиболее интересное свидетельство записано от одного старика манси, умершего недавно в возрасте около девяноста лет. Он напел фольклористам текст сказания, где говорится, что, спасаясь от Белой Березы, Золотая Баба ушла на Остров пурпурной ящерицы и укрылась в норах своих сестер — ящериц.

— А что это за Белая Береза? — скептически улыбнувшись, спросил Введенский.

— Ну это же как день ясно. Когда народы северо-восточной Европы вошли в состав Русского государства, возникла легенда о том, что перед приходом посланников Белого Царя, то есть великого князя московского, в северной тайге появилось очень много березы, дотоле якобы встречавшейся весьма редко. Значит, и в легенде о Золотой Бабе очень точно датировано время ее «ухода» — вскоре после походов Ермака и включения северного Зауралья в орбиту русской государственности.

— М-да, — пробормотал Введенский. — Но, прошу прощения, я все-таки палеонтолог, а не историк...

— Да этого факта и некоторые мои коллеги не знают, — как бы успокаивая его, сказал Геннадий Михайлович. — Впрочем, сейчас для нас сие не главное. Тут другое важно — ящерица!

Академик с немым вопросом воззрился на гостя.

— Я перерыл все каталоги и энциклопедии, но нигде не нашел сведений о каких-то красных или пурпурных ящерицах на территории Сибири...

— А! — Введенский наконец понял, к чему клонит собеседник. — Это уже по моей части... Вы полагаете, что подобное существо могло обитать на севере Европы и в Зауралье в прежние времена?

— Я почему-то уверен в этом.

— Давайте-ка поглядим еще на ваш бивень. — С этими словами академик вновь склонился над находкой.

Геннадий Михайлович перестал мерить шагами тесное пространство беседки и остановился рядом. Введенский бросил быстрый взгляд на его продубленное лицо и с внезапной симпатией подумал: «А пожалуй, нет, не фанатик. Серьезный мужик».

С минуту Введенский рассматривал орнамент, образованный прихотливо изогнутыми силуэтами большеголовых ящериц. Наконец раздумчиво заговорил:

— Знаете, если бы не цвет... Я бы сказал, что это сибирский тритон — есть такое довольно редкое земноводное...

— Значит, даже не ископаемое?..

Введенский на несколько мгновений озадаченно уставился в лицо гостю. Какой-то неясный образ вдруг озарил его сознание. И он с огромным напряжением пытался вновь вызвать его — из подсознания, того хаоса мыслей и видений, где он раздражающе остро пульсировал, то совсем пропадая, то вдруг всплывая к самой поверхности сознания, готовый не только явиться воочию, но и облечься в слово...

— Все, поймал!.. — изнеможенно выдохнул Введенский. — Именно в ископаемости вся штука!.. Несколько лет назад при раскопках на Ямале мы обнаружили в слоях вечной мерзлоты несколько прекрасно сохранившихся тритонов. И кожа у них, видимо, под влиянием низких температур, действительно приобрела красноватый оттенок.

— Это было только там, на Ямале?

— Пожалуй... Впрочем, можно навести справки у моих коллег.

— Боюсь показаться назойливым, но еще раз повторю свой вопрос немного в иной форме: сибирский тритон встречался вам и в других раскопках в зоне вечной мерзлоты?

— Да, конечно.

— Но красноватый цвет...

— Только на Ямале.

Геннадий Михайлович надолго задумался. Потом достал из кармана многократно сложенную карту. Развернул.

— Это Западная Сибирь. Именно здесь сделаны фольклорные записи о Золотой Бабе. Здесь же вы обнаружили ископаемого тритона с красноватой кожей. Стоп!.. — Он хлопнул себя по лбу. — А каков возраст пластов, в которых обнаружены ящерицы?

— На память не скажу. К тому же само это земноводное меня вовсе не интересовало — тритоны попадались попутно, как своего рода пустая порода палеонтологического поиска. Но ответить на наш вопрос нетрудно. Надо только просмотреть документацию той экспедиции. Пройдемте в дом и пороемся в моем архиве...

Когда после недолгих поисков Введенский обнаружил папку с результатами ямальских исследований, его самого немало удивили данные раскопок: красноватый тритон попадался лишь в свежих слоях мерзлоты. Ящерицы, обнаруженные в более старых отложениях, ничем не отличались от своих земноводных собратьев, хорошо известных науке.

— Какая-то мутация? — озадаченно вопрошал академик, перелистывая фотоматериалы и схемы. — Знаете, надо связаться с коллегами.

Через несколько часов на карте, привезенной гостем из Сибири, появились концентрические круги, покрывавшие район низовьев Оби.

— Да, это действительно пахнет серьезным открытием в палеонтологии, — возбужденно приговаривал Введенский, проводя циркулем очередную окружность.

— Какая там палеонтология! — восторженно спорил Геннадий Михайлович. — Я теперь Золотую Бабу найду. Остров пурпурной ящерицы — это явно один из

островов в нижнем течении Оби, там, где сходятся радиусы. Ведь посмотрите, покраснение вашего любезного тритона прослеживается, по данным всех экспедиций, от краев к центру очерченной зоны мутаций. Наиболее интенсивный цвет — пурпурный — должен, как мне представляется, совпасть с искомой точкой, убежищем Золотой Бабы.

— Но-но, не доверяйтесь мифам, — подзадоривал Введенский.

— А Троя? — наступал Геннадий Михайлович.

— Ишь Шлиман какой выискался, — добродушно бурчал академик.

— Вы про бивень не забывайте. Ведь не зря его у родственников шамана обнаружили. Может, ему он достался от последнего служителя культа Золотой Бабы.

— Поэзия! — морщился Введенский.

— А ящерицы?!

— А насечки зачем? Что они значат?

— Не знаю, — сдавался Геннадий Михайлович.

— То-то же...

Месяц спустя Введенского поднял с постели ночной звонок.

— Победа! — прокричал знакомый атакующий голос.

— Геннадий Михайлович? Откуда вы?

Сон разом слетел. Введенский взял со столика папиросы, потянулся за зажигалкой.

— Из Салехарда. Только что прибыл с Острова пурпурной ящерицы.

— Нашли Бабу?

— Даже снялся с этой дамой на память. И на днях представлю вам свидетельства нашего с ней романа... Впрочем, это не она, о он...

— Кто, Баба?

— Баба — это трехметровый скафандр из золотистого металла, похожий на знакомые всем жесткие скафандры для глубоководных погружений.

— То есть как? Вы что, разыгрываете? Во времена Герберштейна кто-то затащил к вогулам водолазное снаряжение?..

— Вы не поняли меня. Скафандр вовсе не водолазный...

— А, — начал было Введенский и поперхнулся.

— Вот-вот, — подтвердил Геннадий Михайлович. — Теперь мыслите в правильном направлении.

— Но где же хозяин этой штуки? — сдавленно произнес академик.

— Тайна сия велика есть. Пока. Надеюсь, впрочем, что скафандр кое-что расскажет о своем владельце. Дело в том, что через определенные промежутки времени на груди у него включается какая-то аппаратура, производящая набор звуков и подающая световые сигналы.

— И это опять-таки еще со времен Герберштейна? — ядовито спросил Введенский.

— Думаю, так оно и есть. Даже гораздо раньше, — серьезно ответил Геннадий Михайлович. — Вся пещера завалена десятками тысяч полуистлевших шкурок соболей, куниц и песцов — эти жертвоприношения сносились сюда на протяжении веков.

Введенский с минуту тяжело молчал, пытаясь осмыслить сказанное. Собеседник его тактично прервал свои объяснения и ждал, пока академик справится со свалившейся на него новостью.

— А при чем здесь ящерицы? — наконец спросил Введенский.

— Мы ни одной не видели. Возможно, они уже давно вымерли, но в давние времена еще попадались на глаза людям, и память об этом сохранили легенды.

— Но ведь они должны были быть в каких-то особых отношениях с этой вашей Бабой... пардон, скафандром...

— Не знаю. Однако мне представляется, что никакого альянса между тритонами и скафандром не было — эту связь установили поэты тайги. Можно предполо-

жить, что красный цвет кожи — результат мутации под воздействием неизвестного излучения, исходящего от скафандра, причем характерно, что оно действовало в четко очерченной концентрической зоне, постепенно ослабевая к ее краям.

— Но почему покраснели только ящерицы, а лоси, олени, медведи, обитающие во владениях Золотой Бабы, сохранили обычный природный покров?

— А что, если неизвестное излучение имеет избирательное воздействие только на земноводных? Что, если программа этого излучения была заложена в скафандр ещё в те времена, когда главными обитателями Земли были ящеры? А другие, более высокие формы жизни к излучению невосприимчивы...

— Это уже вопрос для меня, — заметил Введенский. — Что ж, здесь есть о чем подумать.

— Приезжайте немедленно! — восторженно поддержал его Геннадий Михайлович. — И результаты прежних экспедиций захватите.

— А бивень тоже везти?

— Нет, не надо. У меня есть его фото. Кстати, насечки на бивне — это суточный график включения приборов скафандра. Совпал до секунды... А вы говорили, не доверяйтесь легендам.

— Кто старое помянет... Однако вы открыли свою Трою...

МОНАСТЫРЬ У ТЕПЛОЙ РЕКИ

Резкий встречный ветер, особенно усиливающийся в это время года, нес с собой полчища песчинок, колот лоб и щеки, упруго толкал в грудь. Идти было тяжело, ноги вязли в зыбучем песке. Брехт чувствовал, как капли пота, щекоча лицо, стекают по переносице на дужку поглотителя кислородной маски. Трос, протянутый от купола станции к башенке подъемника, дергался и прыгал в ладони, как живой, раскачиваясь от ветра.

«Трос вытянулся, нужно сказать Нортону, пусть подтянет».

Брехт на миг отвернул лицо от колючего ветра, поправил защитные очки. Чувство, похожее на беспокойство, шевельнулось глубоко внутри. «Почему-то долго нет контрольной вешки. А может, я просто сбился со счета?» Ложная тревога. Рука в перчатке уже ощупывала круглый шарик контрольной вешки. Половина пути пройдена. Передохнув, он двинулся дальше. Беспокойство все же не отпускало его. Что-то было не так. «Не так, не так», — казалось, шуршал песок, поднимаемый ветром. Вдруг Брехт понял, почему сегодня он чуть позднее прошел контрольную вешку на дороге, измеренной его шагами тысячи раз. И не встречный ветер был этому причиной. «Время, время... Мне уже за пятьдесят, из них десять лет я шагаю каждый день туда и обратно по этой дороге. Да, я здесь, на Марсе, теперь, пожалуй, самый старый. И самый долгоживущий. Другие прилетали, улетали... Дольше других здесь пробыл Пуатье, но и он вернулся на Землю два года тому назад. Я оставался всегда. Все правильно. Жаль только, что станцию поставили в километре от шахты. Раньше я этого как-то не замечал...»

Вот и последняя вешка. Брехт ногой разгреб песок, нанесенный за ночь у двери, и, повозившись с шифром,

щелкнул замком. Массивная стальная дверь отворилась, он шагнул внутрь башенки. Здесь, за крутыми металлическими боками башенки подъемника, было теплее и тише, только снаружи царапался о круглые стенки песок. Стряхнув песчинки с защитного костюма, он присел на край круглого стального кессона шахты. Облокотившись на двигатель подъемника, с наслаждением вытянул натруженные ноги.

Чувствуя нарастающее волнение, медленно поправил кислородную маску, снял защитные очки, еще медленнее стал расстегивать застёжки костюма.

Каждый раз, все эти десять лет, здесь, у ствола шахты, ему еще ни разу не удавалось оставаться спокойным. Да и редкого человека оставил бы равнодушным этот колодец, на четверть километра уходящий в глубь планеты.

Здесь был ход в другой мир, дорога назад по шкале времени длиной в сорок миллионов лет.

Когда на Земле еще было царство динозавров, здесь, на Марсе, только что зародившийся разум вел тяжелую борьбу за существование. Ледяное дыхание полярных шапок, быстро расползавшихся к экватору, вымораживающих атмосферу и немногие открытые водоемы, уничтожало все живое на своем пути, постепенно оттесняло разумных с поверхности планеты вглубь, где было теплее и воздух был более плотен.

За короткое время в подземных лабиринтах планеты была создана цивилизация, открытие следов которой четверть века тому назад так потрясло человечество.

От нее мало что осталось. Рассыпались в прах машины и механизмы, оползни и землетрясения сровняли бесчисленные лабиринты, засыпали величественные подземные дворцы. Беспощадное время загладило многие следы деятельности разума на этой планете. Многие, но не все.

Раскопки велись на Марсе вот уже четверть века, несколько лет ушло на споры о том, стоит ли считать

деятельность древних обитателей подземных лабиринтов разумной, пока последующие находки не положили конец этим спорам. Человечество с неослабевающим интересом следило за работами астроархеологов, радуясь каждому их новому открытию. Постигание этого удивительного мира, так непохожего на земной и разминувшегося с человечеством на длинной дороге Времени, его зарождение, более чем шестисотвековая история и гибель привлекали всеобщее внимание. Однако работы продвигались медленно. Находок — изделий и их остатков: утвари, оружия, украшений — было обнаружено довольно много, но предметы, как правило, обнаруживались в единичных экземплярах, на значительном расстоянии друг от друга.

Цивилизация развивалась вглубь, в недра планеты, и поэтому более древние культурные слои оказались в приповерхностном слое, а более поздние значительно глубже и — о парадокс! — сохранились хуже. Подвижки грунта за сорок миллионов лет перемешали многие культурные слои. Все это крайне усложняло целостное понимание истории, культуры, быта древних обитателей Марса. И неудивительно, сколько надежд возлагалось на поиск письменных источников, связавших бы в единое целое многочисленные, но разрозненные сведения. Понятно, с каким восторгом встретил ученый мир сообщение об обнаружении признаков письменности при раскопках подземного дворца в долине Хриза, а затем и в других местах. Открывалась замечательная возможность проникнуть в сокровенные тайны навсегда исчезнувшей цивилизации...

Брехт проверил электропитание, включил двигатель. С легким постукиванием со дна колодца поднялась решетчатая клеть подъемника. Брехт откатил в сторону ограждение, вступил на качнувшийся пол площадки. Снова заработал двигатель. Клеть быстро пошла вниз.

...Сохранившихся надписей на стенах, утвари, амулетах было довольно много. Особенно отличались оби-

лием знаков стены подземных дворцов — марсианским владыкам, как и их земным коллегам, не чуждо было чувство тщеславия. Неожиданное обилие хорошо сохранившихся надписей, могучий арсенал современной техники, опыт расшифровки египетских иероглифов, письма древних майя и Микен — все вселяло уверенность в быстрый успех. Но время шло, а дело не двигалось с места. Кто только не принимал участия в тщетных попытках по расшифровке! Маститые ученые и студенты, блестящие профессионалы — охотники за чужими секретами и никому не известные любители. Казалось, тайне не выдержать и кратковременного натиска мощной земной техники, хитроумных приемов, глубины анализа. Разрабатывались специальные методы дешифровки, строились специальные ЭВМ и составлялись не менее специальные программы. Тратились средства, уходило время, но расшифровке не поддавалась ни одна надпись. Тем не менее попытки продолжались, но после того, как был достаточно полно восстановлен внешний облик и выявлено внутреннее строение подземных лабиринтов, радужные надежды сменились унынием и разочарованием. Способствовало этому два обстоятельства: обычай марсиан ранних эпох хоронить своих владык в приповерхностных слоях планеты и необычно стойкий консервант, применявшийся при бальзамировании.

В членистоногом, длиной не более тридцати сантиметров, покрытом хитиновым панцирем существе было трудно увидеть «брата по разуму». Пара усиков, длинных и гибких, заменяла ему рабочий орган, крепкие серповидные челюсти способны были прокладывать путь в самых крепких породах, служили орудием защиты и нападения.

Случилось так, что их глаза, первоначально как и у нас реагирующие на свет, в условиях подземелья со временем атрофировались и постепенно были заменены неким подобием локатора. Специальные органы служи-

ли для генерирования высокочастотных импульсов, их фокусировки и приема отраженных сигналов. Модуляция испускаемых импульсов высшей нервной системы, со временем ставшая средством общения, постепенно привела к возникновению речи. Дальнейшее развитие биологической и социальной эволюции в конце концов привело к тому, что функции зрения, слуха и речевого аппарата у марсиан стал выполнять один и тот же орган! Вместе с этим и восприятие окружающего мира, его осознание и отображение у них коренным образом отличались от нашего. И письменность их, вероятнее всего поведшая свою родословную от металлических значков-указателей различной конфигурации, устанавливаемых с целью ориентировки на стенах бесчисленных подземных коридоров, также имела мало общего с земной.

Число желающих заниматься дешифровкой марсианских писем пошло на убыль — тема явно становилась недиссертательной. И хотя время от времени по миру прокатывались дешевые сенсации об успехах в этой области, проблеме марсианской письменности стала грозить опасность перейти в разряд «вечных», типа теоремы Ферма или Тунгусского феномена...

Толчок. Подъемник остановился. Брехт сошел с площадки и двинулся по галерее, пробитой астроархеологами в толще осадочных пород по следам древних лабиринтов. Шаги приглушенно раздавались в разреженной атмосфере. Он быстро шел по галерее, безошибочно выбирая дорогу, едва касаясь шершавых стен кончиками пальцев.

Шаги зазвучали чуть громче: Брехт шел теперь по каменному полу, некогда вымощенному базальтовыми плитами. Идти приходилось осторожно — многие плиты со временем потрескались, сместились, приняли наклонное положение. Поворот, еще поворот, и Брехт остановился на пороге небольшого грота. Здесь была «библиотека».

Четырнадцать лет назад в долине реки Маадим, высохшей вот уже миллионы лет, разведочный бур геологов принес в керна породы крупницы белого металла, оказавшегося алюминиевым сплавом. Ясно, что подобное не могло быть самородным образованием. Сразу стали рыть шахту, и на глубине двухсот пятидесяти метров натолкнулись на остатки некогда величественного подземного комплекса — обтесанные каменные блоки, остатки утвари, амулеты и то, что тогда называли «библиотекой», — несколько сотен пластин из алюминиевого сплава с выгравированными на них точками-клише никогда ранее не виданных знаков и фигурками, непохожими на все, что было известным до этого. Многие таблицы довольно хорошо сохранились, и скоро стало ясно, что письма «Маадимской библиотеки» необычны даже для Марса. Обилие амулетов, найденных здесь, наводило на мысли о духовном, религиозном значении комплекса. Несколько окаменевших мумий, погребенных тут же, под базальтовыми плитами пола, имели одну странную особенность: у всех мумий отсутствовал полностью или частично наголовный венчик, орган-локатор, заменявший марсианам зрение и слух.

Почти одновременно болгарским ученым Стефаном Петковым и французским — Рене Пуатье было выдвинуто предположение, что Маадимский комплекс был не чем иным, как учреждением общественного призрения, пристанищем для марсиан, лишенных органов зрения.

Тогда-то и заинтересовался таблицами Маадима скромный преподаватель истории из Гетеборга Артур Брехт...

Смахнув рукавом тонкий слой пыли с пульта управления, стоявшего у входа в грот, Брехт достал из внутреннего кармана защитного костюма программную кассету, вставил ее в приемное гнездо пульта. За спиной ожил, зазвенел миниатюрный кран-штабелер, побежал по монорельсу в глубь грота, заставленного рядами стеллажей, через минуту вернулся, выложив на столик

пульта подвеску с бесценными серебристыми пластинами.

Уже давно с каждой пластины было сделано множество копий в металле и пластике. Рассеянные по научным лабораториям Земли, они стали объектами самого пристального изучения. За наукой следом шла мода. Появились кулоны, браслеты, портсигары, украшенные изображениями таблиц Маадима. Но это было там, на Земле. Здесь же, в гроте, хранились оригиналы. Лучшее хранилище трудно было бы придумать. Сама природа позаботилась здесь о сохранности отпечатков иной мысли на столь долгий срок. Астроархеологам понадобилось только установить здесь стеллажи и соответствующее оборудование.

Устроившись поудобнее в кресле перед пультом, Брехт достал из выдвижного ящичка еще один легкий прямоугольник и, сняв перчатку, медленно провел по его холодноватой поверхности кончиками пальцев.

«Арифметика первой ступени».

«Один плюс один есть два...»

«Один плюс два есть три...»

Знакомые слова всплывали в сознании. Брехт невольно улыбнулся. Фразы впервые были им прочитаны в этом гроте десять лет назад, и теперь каждый свой рабочий день для разминки он всегда начинал с этой пластинки.

Марсом, его древней угасшей культурой и цивилизацией он интересовался давно. Особенно занимало его сообщение о том, что Маадимский комплекс мог служить прибежищем для марсиан, лишенных органов зрения. И вот однажды Брехту в голову пришла мысль, впоследствии завладевшая им целиком, без остатка.

Он рассуждал так. Любое существо на планетах, по

меньшей мере земной группы, должно иметь набор чувств, дающих ему сведения об окружающем мире. Эти чувства в зависимости от направления эволюции могут воспринимать акустические, тепловые, запаховые, электрические, радиационные и прочие «изображения» предметов. Степени развития этих чувств будут различны и должны зависеть от факторов, непосредственно влияющих на жизнедеятельность существ.

Но одно чувство — осязание — должно быть у любых существ, так как буквально с «клеточных времен» организм так или иначе соприкасается непосредственно с миром, его окружающим.

У разумного существа, кроме того, вместе с мощной управляющей машиной — мозгом должен быть хорошо развитый исполнительный механизм — рука, лапа, клешня, хобот, щупальце, стрекало, усик и так далее. Он должен быть достаточно гибким для производства сложных манипуляций, а также обладать высокой чувствительностью осязания — тактильностью. В процессе же своей деятельности — борьбы или несчастного случая — разумное существо может лишиться одного или нескольких органов чувств, например зрения. Но развитое общество не даст погибнуть своему разумному собрату: оно будет жить в обществе инвалидом. И ему придется приспособливаться к новой обстановке, заменяя действие утраченного органа другими, например осязанием. И обязательно найдется со временем кто-то, свой «Брайль», который предложит азбуку для такого инвалида, где зрение будет заменено осязанием.

Брехт предположил тогда, что «Маадимская библиотека» являлась письменным собранием для слепых от рождения или потерявших зрение марсиан. Тогда, полагал он, за расшифровку с надеждой на успех может взяться слепой от рождения человек. Для слепых не будет играть существенной роли различие в восприятии зрительных образов. А «буквы» для обоих, как бы ни отличались друг от друга человек и марсианин, в этом

случае будут иметь общее физическое происхождение, основанное на осязании. Слепой должен понять слепого! И время, разделяющее их, не должно встать непреодолимой преградой на этом пути.

Брехт был слеп. Слеп от рождения. Он никогда не видел синего неба, зеленого листа, прозрачной воды. Конечно, он много слышал обо всем этом, но его окружал другой мир — мир звуков, тонких запахов, мир, рождающийся в сознании под кончиками его чутких пальцев.

Его глаза не различали света, но он никогда бы не спутал солнце в зените и солнце на закате. Он чувствовал на лице мельчайшие изменения того колышающегося, теплого, ласкового потока, который посылало ему небо. Он никогда не видел зеленой травы, но слово «зеленый» ассоциировалось для него с горьким привкусом травинки, сорванной на прогретом апрельским солнцем пригорке. Оттенков каждого цвета для него существовало бесчисленное множество — привкус и клейкость весеннего тополиного листа нельзя было спутать с твердым и шершавым листом середины лета, ни тем более с хрупким и горьким прощальным листом осени.

Чувствительность его пальцев поражала окружающих. Он мог сказать: «Вот чистый лист бумаги, а это газета — я чувствую вмятины от шрифта» — и ни разу не ошибался.

И прекрасные лица своих юных воспитанниц он различал так же отчетливо, как и его зрячие коллеги. Пальцы — вот его зрение, ни разу еще не подводившее его в этом большом и сложном мире.

И если он прав, под его пальцами может возродиться история другого, непохожего на наш, мира, навсегда канувшего в вечность.

Трудно было поверить в себя, в свои возможности, в то, что он может справиться с задачей, оказавшейся

не по силам целым научным коллективам. Еще труднее оказалось убедить в этом других.

Он консультировался с видными специалистами в области астроархеологии и, выслушав его, они соглашались — да, в этом что-то есть.

Ободренный поддержкой, он стал добиваться своего участия в археологических экспедициях, направляемых на Марс. С самого начала он отчетливо сознавал, какие трудности могут ожидать его на пути к исполнению своего замысла. Долго перечислять, сколько встретилось ему вежливой холодности, доброжелательного непонимания, рогаток медицинских комиссий. Слепой в космосе? Такого еще не было в истории космонавтики! Частокол инструкций, гребни параграфов закрывали для него дорогу на таинственный Марс. В лучшем случае предлагали ему знакомиться с таблицами здесь, на Земле. Он же доказывал, что только там, на Марсе, где вся окружающая обстановка будет его союзником, можно надеяться на успех.

Первый его натиск был довольно легко отбит, но от него, как от камня, брошенного в воду, расходились по служебным кабинетам соответствующих ведомств волны, поднятые «возмутителем спокойствия», как его стали называть. Официальным лицам, от которых зависели такие сложные и дорогостоящие предприятия, как организация космических полетов, было над чем призадуматься. Они вполне отдавали себе отчет в том, что могла бы дать для науки, да и всего человечества, раскрытая тайна марсианской письменности. Неудачи, преследующие исследователей на протяжении вот уже ряда лет, несмотря на значительные затраты, поневоле вводили в искушение испробовать этот весьма экстравагантный вариант.

Сложившаяся на протяжении полувека жестокая система отбора и подготовки летного состава и участников инопланетных экспедиций не позволяла найти здесь даже малой щелочки для того, что предлагал Брехт. Вы-

пустить в космос незрячего? Кто возьмет на себя такую ответственность?

И все же он добился своего. Поддержка общественности, его целеустремленность, незаурядные способности в конце концов сделали свое дело. Люди, чьи подписи были поставлены под документом, открывающим Брехту дорогу в космос, поверили в его способность осуществить задуманное.

И вот десять лет назад он оправдал доверие — первые фразы из учебника арифметики были прочитаны им впервые здесь, в холодных лабиринтах Маадима.

С тех пор многое прояснилось в истории шестисот-вековой цивилизации Марса. От таблиц Маадима удалось впоследствии перекинуть мосты к наскальным письменам долины Хриза, а затем и к другим, более поздним надписям. Выяснилось, в частности, что вовсе не примитивной она была, эта цивилизация, как полагали тогда многие — последний марсианин умер после того, как были выработаны ресурсы планеты...

Брехт медленно перебирал пластинки, легко пробегая черными от вьевшегося алюминия пальцами по их холодным поверхностям. Сегодня, кажется, должно объясниться то, о чем догадывался он уже давно, ощупывал, сопоставляя между собой десятки пластин, — древнее название на языке аборигенов Маадимского комплекса. Полностью подтвердилось предположение о роли комплекса как центра общественного призрения для марсиан, лишенных зрения.

Да, сомнений теперь не оставалось: «Монастырь у Теплой реки». Только общество действительно разумных могло с милосердием возвести подобное сооружение для своих слепых братьев. Подземная река, когда-то протекавшая здесь, дала название всему сооружению. Здесь попавшие в темный плен находили для себя защиту, пристанище и пищу и, общаясь с себе подобными, забывали о жестокой судьбе, постигшей их. Серебри-

стые пластинки, оживавшие при прикосновении, доносили до них сведения о великих ценностях науки и культуры, накопленных предыдущими поколениями. И кто знает, какую роль сыграли в приумножении этих богатств обитатели подземного дворца в долине Маадима...

Брехт еще раз провел кончиками пальцев по холодной поверхности металла. В сознании отчетливо проступили слова:

«Монастырь у Теплой реки»...

ЭЛЫ

Весь экипаж «Валентины» проснулся от глубокого анабиоза. И все, кто оказался свободным от вахты, собрались в кают-компани. Огромное помещение наполнилось почти до отказа. Шутки, смех звучали не умолкая. Люди были радостно возбуждены, как всегда бывает, когда в близкой перспективе возвращение на родную Землю.

— Теперь пойдем в трехмерном пространстве. Не люблю я эти заковыристые нуль-переходы.

— Верно. То ли дело — по старинке, под фотонными парусами, правда?

— Теперь — прямым курсом к Солнечной, — слышались отовсюду голоса.

Экипаж «Валентины» уже успел вчерне ознакомиться с окрестным пространством, изучить показания приборов, полученные, пока экипаж был погружен в глубокий сон.

— Необходимо обследовать получше эти небесные тела, — сказала Анга, старший астробиолог.

— Тоже мне — небесные тела! — пренебрежительно возразил ей кто-то, указывая на еле заметную рябь обзорного экрана. — Эти обломки слишком малы, чтобы на них можно было хоть что-то найти...

Завязался спор.

Капитан, однако, принял сторону Анги, и это решило дело.

На самый большой из окрестных обломков с «Валентины» отчалила шлюпка, в которой, кроме Анги, находились штурман и юный ядерщик Леон.

Следуя программе, шлюпка сделала несколько витков вокруг астероида и затем состыковалась с ним.

— А вдруг это искусственное тело? Уж очень оно пра-

вильной формы, — прошептала Анга, ни к кому не обращаясь.

— Фантазии, — тут же возразил Леон, которого обуял бес противоречия.

Едва Леон ступил, однако, на новую планету, как его охватило странное, ни на что не похожее чувство. Слово какие-то токи пронзили каждый нерв, каждую клеточку его тела. В голове сами собой сложились слова: «Мы вышли. Приглушены дюзы усталые. Бушует чужая горячая пыль. От счастья познания чуточку шальные, мы плачем от счастья, что все это было». Дело в том, что Леон писал стихи, но это была тайна, о которой знала только Анга. Три фигуры в оранжевых скафандрах осторожно двинулись в путь. Сбоку, чуть поодаль, семенила кибертележка, груженная необходимой для экспресс-анализа аппаратурой.

Астероид вращался вокруг собственной оси довольно быстро: когда они спускались по лесенке, изумрудное светило висело в зените, теперь же оно успело значительно склониться к горизонту.

— А когда-то люди думали, что в невесомости ходить легко, — вздохнул штурман, неуклюже вышагивая.

Люди все время брали пробы почвы и грузили их на тележку. Внимание Анги привлек странный предмет, она нагнулась и подняла его. Обломок имел острые края и был полупрозрачным.

—словно кусок панциря какого-то существа, — произнесла она задумчиво, вертя в руках находку.

— Кусок известковой породы, — сказал подошедший Леон. — Ничего интересного.

А штурман посоветовал:

— Выброси.

Анга, поколебавшись, все же подошла к тележке и осторожно положила свою находку в свободный контейнер.

Через некоторое время маленький экипаж без особых приключений возвратился на «Валентину», и Анга,

как старшая группы, доложила капитану о проделанной работе...

— Мне кажется, что полупрозрачный обломок, который я показала, органического происхождения, — закончила Анга свое сообщение.

— Органического? — переспросил капитан, ему показалось, что он ослышался.

— Да.

— Но это же полная чепуха!

— У нас будет время, до Земли еще не так близко. Произведем соответствующие анализы, — спокойно возразила Анга, только щеки ее чуть зарозовели.

— Ладно, пусть так, — немного подумав, махнул рукой капитан. — Но мне заранее жаль вас, старший астробиолог.

— Почему?

— Вас ждет конфуз.

Анга озорно блеснула глазами:

— Посмотрим!

* * *

Молодой эл, с трудом переваливаясь на коротких щупальцах, которые прогибались под тяжестью панциря, налившегося ненавистной тяжестью, брел в сторону ручья. Ручей не был виден, сквозь заросли доносилось его призывное журчанье. Теперь собственная затея стала казаться элу нереальной, но он упрямо решил довести ее до конца.

Ко всему прочему, он приземлился не совсем точно — подвело магнитное поле Тусклой планеты, силовыми линиями которого он пользовался для перемещения в пространстве, и потому путь к ручью оказался неподвижно долгим.

Измурдное светило в аспидно-черном небе, усеянном едва заметными шляпками звезд, успело перева-

лить через зенит и теперь неторопливо склонялось к горизонту, а он все еще шел.

Упрямей, чем он, Гангарон, совсем недавно вылупившийся из кокона, никого в роду элов не было. И любопытней тоже. Во всяком случае, за все то время, пока элы находились на астероидах в районе этой планеты, ни один из них не посетил Тусклую. И только он, Гангарон, тайно навещал ее...

Позади остались влажные от капель росы кусты, которые представлялись Гангарону живыми существами. Ибо каждый из них в глазах молодого эла обладал собственным миром, жил по своим, неведомым Гангарону законам. Это был симбиоз неподвижной жизни, вросшей в почву, со скачущими, ползающими и летающими существами. Потому что каждый из этих элементов жил самостоятельно только вкупе со всеми остальными.

Спускаться к ручью по крутому откосу было нелегко. Мелкие обломки породы, потревоженные упругими щупальцами эла, срывались и сыпались в воду с втреливым бульканьем, вздымая фонтанчики мельчайших брызг. Гангарон с трудом спустился на отмель, и эти же самые брызги, уже радужно блеснув, веером рассыпались от панциря в разные стороны.

Переводя дух, Гангарон взглянул вверх. Изумрудное светило висело над самым горизонтом, готовое нырнуть в него.

Щупальца от перегрузок ныли, хотя в воде Гангарон чувствовал себя несколько лучше. Вообще же на массивной Тусклой планете он чувствовал себя не совсем уверенно, как и его сородичи, которые предпочитали жить в полной или почти полной невесомости. Приспособить свое тело к силе тяжести им никак не удавалось.

— Светило в глубине загрузло. Проста, прозрачна и легка, вода осмысливает русло и кучевые облака, — пришли вдруг в голову Гангарону рифмованные строчки.

И откуда в его мозгу рождаются эти ритмические

фразы? Откуда у него этот проклятый дар? Ведь ни Старый эл, ни даже Ку, его подружка, не видят в них смысла. Некоторые элы даже считают это своего рода болезнью, хотя и не говорят вслух. Но сам Гангарон чувствует, что именно в них, этих ритмах, может быть, заключено оправдание и смысл его существования... Так неужели этот дар так и пропадет с ним? Неужели не появится никто, кому его ритмика была бы созвучна?

Но пора было уже прощаться с Тусклой планетой. Изумрудное светило постепенно скрылось за далекими горами, и скоро наступали сумерки. Гангарона это не пугало, но ему почему-то всегда хотелось видеть Тусклую планету в радостном свете ее звезды... Может быть, потому, что тогда легче рождались ритмические фразы...

— Скажи, что тебе понадобилось там, в царстве вечной тяжести? — спросил Гангарона Старый эл, когда увидел своего молодого друга смертельно уставшим. Он уже давно наблюдал за Гангароном, знал, куда он временами исчезал, но не решался открыто спросить об этом. И только сегодня этот вопрос вырвался у Старого эла.

— Вода и... жизнь, — коротко ответил Гангарон.

Ему и самому себе было трудно объяснить то, что с ним происходит на Тусклой планете, почему его постоянно тянуло на эту столь негостеприимную для эла почву.

Долгие-долгие годы мчатся они по силовым линиям, пронзающим вселенную, и... видят себя одинокими. Менялись целые поколения элов, жившие в невесомости и питавшиеся теми лучами, что освещают каждый уголок этого бесконечного мира. И не было в этих безбрежных далях такого, чтобы элы хоть на миг ощутили себя негармоничным составляющим глубокого вакуума, температур межзвездного пространства. Это был их мир. Мир, который создал их и частичкой которого они себя всегда считали.

Здесь же, на Тусклой планете, рассуждал Гангарон, силы гравитации были на целые порядки выше тех, в которых постоянно обитали его соплеменники. Но зато здесь была и... жизнь, которую так тщетно искали в межзвездных далях. Жизнь эта, правда, была совсем иной, совсем не такой, какой представляли себе элы даже в самых смелых мечтаниях. Она была связана с тяготением и базировалась на иной, чем элы, основе. Если панцирь, скелет элов, — плоть от плоти всего окружающего мира, состоит из тех же минералов, в той же самой пропорции, то здесь, на Тусклой планете, Гангарон с удивлением узнал, что жизнь, а может быть, и Разум могут покониться на другой основе.

— Хорошо бы и нам поселиться здесь, — как-то отчужденно заметил Гангарон Старому элу. — Сколько свободной поверхности, которой так нам недостает на астероидах! Сколько вольного пространства!

Старый эл только тяжело вздохнул:

— Тяжесть Тусклой убьет нас...

— Уже поздно. Надо отдыхать, — вместо прощания пробормотал опечаленный Гангарон.

Старый эл задержал свой взгляд на далекой звезде, горевшей в немыслимой бездне.

Рисунок созвездий постоянно менялся, поскольку астероид непрерывно вращался вокруг собственной оси.

Отключиться от мыслей Гангарону никак не удавалось. Он применил все испытанные способы — то принимался пересчитывать звезды над собой, то сочинял ритмичные фразы, то восстанавливал в уме доказательство какой-нибудь пространственной теоремы. Но ничто не срабатывало — забыть не приходило.

Гангарон выглянул за угол скалы, огляделся. Вокруг, на каждом свободном клочке астероида, отдыхали неподвижные элы.

Скоро над астероидом взойдет светило, и с первым

его лучом элы встрепенутся и разлетятся в разные стороны, начиная свои обычные дневные хлопоты.

И вдруг...

Это походило на чудо. Во всяком случае, ничего подобного элы не наблюдали за всю свою историю. В черной пустоте космоса, прошитой лучами Изумрудной звезды, Гангарон наблюдал, как из ничего, в обычной точке открытого пространства вдруг вспыхнуло новое ослепительное светило. Только было оно не переливчато-зеленым, к которому привыкли элы на Тусклой планете, а ярко-алым. Наливаясь внутренним жаром, светило стало быстро разбухать. Затем, остановившись на мгновение в росте, начало еще более стремительно уменьшаться в размерах. Одновременно и яркость новой звезды стала стремительно падать.

Вскоре на новорожденное небесное образование можно было смотреть, не боясь быть ослепленным. Смотреть и любоваться. Фиолетовые языки пламени вокруг тускнеющего светила опадали один за другим, словно отцветающие лепестки диковинного цветка, которых так много видел Гангарон на Тусклой планете.

Затем Гангарон и пробудившиеся элы в смятении наблюдали, как от огромного сооружения, возникшего из ничего, отделилось маленькое остроносое тело и, опираясь на столб сияющего пламени, двинулось в сторону Главного астероида.

Но самое невероятное было потом. Из странного сооружения, причалившего к астероиду, вышли три огромные фигуры оранжевого цвета. Передвигались они, несмотря на невесомость, неуклюже, поочередно переставляя задние конечности. Рядом с ними столь же неуклюже перемещалось какое-то существо, явно иного, чем они, происхождения.

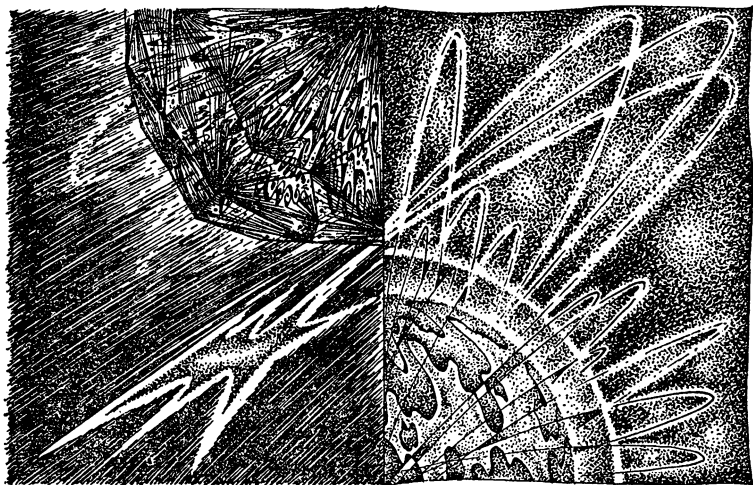
Существа зажгли какой-то светильник и при его свете зачем-то наклонялись к земле и подбирали с нее что-то. С какой целью все это проделывалось, элы никак не могли понять, потому что это странное занятие задержа-

вало в пути существа, да и к тому же еще больше подчеркивало, что пришельцы совсем не из этого мира.

Когда же тройка приблизилась к Заветному месту, элы заволновались.

Они уже понимали, что перед ними существа совсем иного мира, о котором даже нельзя было догадываться. И все же они были Разумом. Разумом, который так долго искали элы.

Здесь, на Главном астероиде, были поставлены стол-

бы. Элы соорудили их для того, чтобы не только оставить свой след на бесконечной дороге во вселенной. Они хотели дать знать, что здесь побывали Разумные существа, что здесь присутствовал Разум.

Гладкие, правильной формы Столбы, которые ставили элы на всем своем пути, должны были, по их мнению, задержать внимание Разума на этом необычном явлении. Сначала задержать, а потом и проявить инте-

рес к сооружению. Ведь оно было создано не из материалов этого астероида, а из наиболее характерных камней, которые элы собирали на своем бесконечном пути. Это же являлось и шифром их пути. Зная камни, найдешь и дорогу.

Конечно, можно было бы оставить рисунок эла или его каменное изваяние, много раз увеличенное.

Но кто знает, к чему может привести нежелательный для элов контакт. Ведь каждый из них знал, что предания былых времен отчетливо указывают на вынужденную причину перелетов элов.

Поэтому было решено, что около Столбов будет оставляться панцирь умершего эла. И действительный разум поймет причину и следствие. И захочет ли он этого контакта?

И если возможен контакт, путь к нему укажут Столбы. Даже если на расшифровку всего этого потребуются время. Если это произойдет... Что же, элы умеют ждать.

Едва пришельцы разбрелись среди Столбов, элы стали внимательно следить за каждым их шагом, каждым движением. Наблюдения должны были ответить на единственный вопрос: в полной ли мере Разумны пришельцы? Что принесет элам возможный контакт? И возможен ли он вообще, если они не смогут понять друг друга?

Когда один из пришельцев навел какой-то механизм на Главный столб, возведенный из материалов Тусклой планеты, что обозначало найденную элами Жизнь, каждый из них напрягся. Но тут пришелец меньших размеров воспрепятствовал его намерениям, отведя в сторону конечность большого.

Гангарон с особым любопытством следил за поведением Среднего пришельца. Он уже заметил некоторые закономерности, которые столь его удивили.

Предчувствуя возможные великие последствия для

элов от этого Контакта, Гангарон стал думать ритмическими фразами, которые вдруг появились у него, хотя он и не был в ту минуту на Тусклой планете. К тому же эти сигналы с некоторых пор помогали ему лучше думать, решая те или иные проблемы.

И вот, заметил Гангарон, ритмические сигналы отзывались на Среднем пришельце. Его движения, походка стали несколько иными, чем у его попутчиков. Это, конечно, могло быть случайностью. Однако Гангарону почему-то почудилось, что здесь возможны всяческие варианты. И, не говоря никому ни слова, он попробовал общаться с незнакомцем только таким образом. Наконец три фигуры забрались снова в сооружение, на котором прилетели. Вновь вырвалось неукротимое пламя, и сооружение улетело прочь.

...Биоволны Гангарона понеслись в сторону огромного сооружения пришельцев. Пронизывая его, они никак не могли миновать одного из них. Того самого, который вел себя иначе, чем его спутники.

Гангарон стал следить за пришельцем. Увидел в своем воображении, как он остановился у статичных фигур на стене. Какой-то пришелец указывал вперед, выбросив переднюю конечность. Его окружает группа таких же существ.

Гангарон сосредоточился, пытаясь понять увиденное. И тут он поймал себя на том, что посылает к сооружению пришельцев новые ритмические сигналы, которые он не мог не послать.

Потом в сознании Гангарона всплыло округлое небесное тело, окутанное дымкой. Сначала малое, величиной с горошину, оно стремительно приближалось. Колышущаяся оболочка была голубого цвета.

— Голубая планета... Большая планета... — восхищенно прошептал Гангарон, поражаясь неожиданному эффекту. И он теперь уже был готов позабыть радость

былого общения с Тусклой. Новая была... необъяснимой.

И вдруг она исчезла. Вместо нее возник обычный шар из прозрачного вещества, которое так часто встречалось элам на их бесконечном пути во вселенной.

Затем в поле зрения появился новый пришелец, уже известный Гангарону. Пришельцы о чем-то стали совещаться. И Средний пришелец подошел к шару, стал его вращать и что-то объяснял своему товарищу. И Гангарона вдруг привлекла пунктирная светящаяся линия, замысловатой кривой пронизывающая кристалл шара. Каждая точка кривой сверкала, словно малая звездочка. Кривая начиналась у Изумрудного светила.

Гангарон замер в напряженном внимании. Он узнал узоры созвездий. Окрестных созвездий... Вмонтированные в глубину кристалла, они блестели первозданной красотой.

— Пусть теперь летят, — с торжеством произнес Гангарон. — Теперь мы знаем, где можно их найти.

— Я сегодня провел последний сеанс связи с пришельцем, — сказал однажды Гангарон Старшему элу. — Хотя они слишком далеко удалились. Я послал самый мощный сигнал, на который способен.

— А он не убьет пришельца? — поинтересовался более осторожный Старый эл.

— Затрудняюсь ответить на это, — почему-то вдруг прошептал Гангарон.

В сознании Гангарона появилась картина планеты с небольшой высоты. Зеленая кипень безбрежного лесного массива то приближалась, показываемая крупным планом, то снова отдалялась так, что сверху еле можно было разобрать голубые вены рек, пересекающих зеленое море деревьев.

— Удивительная планета, — заметил Гангарон. — Она во много раз краше Тусклой.

И вот уже Гангарон видит берег огромного потока,

чем-то напоминающий ему ручей на Тусклой планете. Только этот поток во много раз шире и глубже. С одного берега еле виден другой.

Крутой склон сбегает к воде. Близ прибрежной полосы несколько одинаковых сооружений. Они просты по виду, стенки их колеблются под порывами ветра.

Рассвет. Первые лучи светила вот-вот брызнут из-за горизонта — стрелы выпущены из тетивы.

— У них светило не изумрудное, а алое, — подмечает Гангарон.

Он видит, как из одного строения показывается пришелец, затем другой, третий. Они собираются на росистой лужайке и начинают делать нелепые движения, размахивая верхними и нижними конечностями, затем бегут к реке, чтобы вступить в единоборство с сильным течением...

Гангарон долго еще пытался осмыслить полученную информацию. И каждый раз его все больше и больше беспокоила тайна, которую он знал. Почему именно на ритмические сигналы, так и не понятые никем из элов, так интенсивно реагировал Средний пришелец. Почему он — единственный среди пришельцев — оказался в биорезонансе с сигналами его, Гангарона. И главное — почему мысли пришельца удалось прочитать.

Может быть, эти ритмы означают некие закономерности вселенной, какие-то общие законы, которые пока непостижимы и для элов, и для землян?

На какое-то мгновение Гангарону даже почудилось, что он в силах постичь ритмические сигналы, над которыми столько лет безуспешно бился.

— Что тут было без меня нового? — спросила внезапно появившаяся Ку.

Гангарон рассказал о последнем сеансе биосвязи с пришельцем, улетающим прочь на корабле.

— Больше связаться с ним не удастся. Слишком быстро они разогнались!

— Но ты уверен, что нам следует лететь к ним? — спросила Ку, несколько помолчав.

Долго говорили Гангарон и Ку. Уже успела вспыхнуть и отгореть зеленым магнием заря. Начинался новый день.

Гангарон заторопился.

— Ты куда? — спросила Ку.

— Буду отрабатывать с элами строй в полете. Боюсь, они разучились держать его, поскольку давно не летали на дальние расстояния. Нужно, чтобы в полете, который продлится годы, элы не сталкивались и не разлетались далеко друг от друга.

— Так далека планета пришельца? — с ужасом прошептала Ку.

— Очень далека, судя по их прибору. Но дальние расстояния нас, элов, не должны пугать.

Гангарон успел было уже скрыться, когда Ку остановила его новым вопросом:

— Послушай, почему тебе удалось установить биоконтакт только с одним из пришельцев?

— Я и сам об этом все время размышляю... — буркнул Гангарон. — Познать тайну ритмических сигналов мне пока не под силу. И это мучает меня. Но я никому не признавался в этом, кроме тебя, — заключил он.

— Что ж, всякая тайна требует уважения...

Торопиться элам, учитывая срок их жизни, было ни к чему. Что же касается энергии, необходимой для питания элов, то ее свободный космос предоставлял достаточно в виде перепадов электромагнитных и прочих силовых полей.

На всем своем долгом пути к планете пришельцев элы отдыхали, где приходилось. В основном это были

родные им малые обломки некогда распавшихся планет, носящихся в пространстве.

На отдыхе элы приводили себя в порядок, проверяли прочность и непроницаемость панциря и снова по сигналу Гангарона трогались в путь.

Гангарон летел в середине стаи. Рядом с ним неизменно находилась Ку.

Далеко позади осталась Изумрудная звезда, но Гангарон бережно нес под панцирем точную копию штурманской карты «Валентины», хотя и уменьшенную во много раз. Через равные промежутки времени он сверялся с нею, внося необходимые коррективы в курс, по которому безмолвно летели элы.

В полет отправились самые сильные и молодые, остальные остались на астероидах. Они готовы были ждать улетевших сколько угодно.

Однажды эл, летевший впереди, заметил в невообразимой дали крохотную желтую звездочку и просигналил об этом остальным. Гангарон сверился со штурманской картой. Сомнений нет: это было то самое светило, в сторону которого вела светящаяся пунктирная линия внутри трехмерной карты.

Гангарон велел притормозить.

Ку, летевшая рядом, горделиво огляделась: валы элов, расходившиеся во все стороны концентрическими кругами, показались ей бесконечными.

— Элы, — просигналил Гангарон. — Перед нами светило пришельцев.

Радостные сигналы взбудоражили эфир.

— Теперь уже лететь недолго, — продолжал Гангарон, когда сигналы стихли. — Встреча состоится.

Произошло событие, которое всколыхнуло всю Землю.

В разных местах планеты — в Гренландии и на Аляске, в Париже и в Москве, Владивостоке и Зеленом

городке — повсюду удалось уловить сигналы неизвестного происхождения. Правда, были они чрезвычайно слабы — на грани чувствительности аппаратуры.

Странные сигналы заинтересовали всех. Но прежде чем провести широкую дискуссию, необходимо было тщательно изучить это явление, чтобы не попасть впросак: слишком уж тихими и расплывчатыми были странные сигналы.

Кто-то из наблюдателей даже припомнил по этому поводу старую историю, случившуюся после возвращения знаменитой «Валентины» из глубинного поиска.

Старший биолог пульсолета Анголора — впоследствии, кстати, один из виднейших ученых Земли, а тогда молодая девушка, — привезла из полета полупрозрачный обломок известняка. Она говорила повсюду, пользуясь любой трибуной, что это не просто кусок породы, а часть панциря некоего существа, обитающего на астероидах. Однако доказательств у нее никаких не было... Нужно ли удивляться, что Совет Солнечной Системы не поддержал ее идею — послать специальную экспедицию к Изумрудной звезде.

Итак, наблюдения продолжались. Удалось установить, что источник слабых и размытых сигналов перемещается вокруг Земли со значительной скоростью, все время меняя плоскость вращения. «Словно витки наматывают вокруг планеты», — как заметил кто-то.

Да, сигналы носили странный, ни на что не похожий характер. Обратились за помощью к ученым Зеленого городка. Но даже электронный мозг научного комплекса не сумел расшифровать их, хотя сигналы явно носили упорядоченный характер.

Коротковолновики из всех уголков земного шара с помощью радиоволн лихорадочно обменивались мнениями.

— Сигналы сильно засорены случайными помехами, — сказал один радиолюбитель из Сингапура. — По-

мехи мне удалось убрать... Оказалось, сигналы носят двойкий характер. Перед нами как бы два слоя сигналов. Первый — какие-то, по-моему, биоритмы с очень коротким периодом колебаний.

Эфир притих. Все с волнением слушали сингапурца.

— Второй слой сигналов, — продолжал тот свою мысль, — носит очень сложный характер. Он имеет какую-то внутреннюю ритмику. У меня есть свои соображения...

Сингапурец замешкался.

— Говорите! — послышалось со всех сторон.

— В общем, сигналы второго слоя по общему рисунку напоминают мне... стихи.

И тут... сигналы исчезли — так же внезапно, как появились. Исчезли напрочь, все до единого. Остались, правда, их записи.

Но что толку от таких записей?

От нерасшифрованных сигналов из космоса, записанных на пленку, ломались, образно говоря, блоки Главного информатория солнечной системы. Ведь там хранились блоки седой старины, еще со второй половины двадцатого века!

— Теперь к ним прибавился еще один блок, — меланхолически констатировал по видеозору обозреватель последних известий. — Видимо, слишком часто люди желаемое выдают за действительное.

Размеры Земли превзошли самые смелые предположения элов. По мере приближения к ней планета росла, и казалось, этому не будет конца.

Был момент, когда Гангарон решил отдать команду — всем повернуть назад. Однако, прикинув импульс каждого эла и силу притяжения Земли в том участке пространства, где они находились, Гангарон с ужасом понял, что вырваться из поля притяжения Земли и лететь назад у них не хватит ни сил, ни энергии.

Они стали пленниками планеты, еще не коснувшись шупальцами ее поверхности. А потому нужно было стройжайше экономить энергию.

— Прекратить все переговоры! — отдал команду Гангарон.

Эта красивая, несмотря на весьма почтенный возраст, пара была известна всему континенту, но прежде всего Тристауну — маленькому австралийскому городку, в котором они жили последние несколько десятков лет после выхода на пенсию.

Жили они в коттедже на тихой окраине, подальше от городской суеты и сутолоки. На прогулки в любую погоду выходили с такой точностью, что по ним можно было проверять часы, что горожане и делали.

— Мы с тобой древние, как городская ратуша, — сказал он однажды.

— Что делать, — вздохнула она. — Время человеку пока не подвластно.

— В чем-то все же подвластно. Знаешь, в мою жизнь когда-то уложилось бы три-четыре человеческие жизни. Она промолчала.

Это были очень уважаемые люди. Их часто приглашали на выступления, встречи с молодежью, и они охотно откликались на эти просьбы.

Они рассказывали о глубинном космическом полете, в котором им довелось участвовать, о старинном пульсовете «Валентина». Ангалора больше всего любила рассказывать о своей находке, сделанной во время высадки на одном из малых астероидов в системе Изумрудной звезды. При этом она доставала из потертой сумочки и демонстрировала обломок известковой породы, который от времени чуть изменился, став еще более прозрачным.

— Можно подумать, что он меняется от старости! — говорила Анга, поднимая в руке обломок.

Люди слушали Ангу, затаив дыхание. О возможной жизни на малых астероидах, о ее удивительных панцирных формах, о таинственных сеансах биосвязи с Леоном, которые столь внезапно оборвались.

Однако рассказы Анги казались слушателям, особенно молодым, красивой сказкой, фантастикой, не более. Если это правда, то почему ее рассказы не подтверждает Леон, сидящий рядом? Более того, он как бы опровергал Ангалору всем своим видом, скептически улыбаясь и пощипывая свою седую клиновидную бородку.

Но как бы там ни было, рассказы Ангалоры пользовались неизменным успехом.

Впрочем, не меньшим успехом пользовались и рассказы Леона. Больше всего любили их слушать юные техники и физики, приехавшие на встречи с Леоном не только со всего Австралийского континента, но и из других мест Земли и даже с других планет. Леон живо рассказывал о новейших проблемах астрофизики и ядерной физики, за которыми продолжал внимательно следить, показывал устройство старинных фотонных парусов. Любил он вместе с ребятами мастерить приборы, разбирать их изобретения, во многом несовершенные, и выделять в них главную идею.

Любили они и сферофильмы, и политеатр, изредка даже летали в одну из столиц на премьеры. И только к литературе Леон оставался совершенно равнодушен: когда на экране их домашнего видеозора появлялся какой-нибудь очередной знаменитый поэт, он решительно выключал звук, несмотря на протесты Анги.

„И в этот вечер они, как всегда, вышли на прогулку, несмотря на сырую погоду.

Миновав центр, Анга и Леон решили прогуляться до болота. Туда вела еле заметная тропинка, поросшая травой. Маршрут не пользовался у жителей Тристауна осо-

бым успехом, но Анга и Леон любили слушать концерты лягушек.

Слева и справа от тропинки тянулся чахлый кустарник, листва которого успела по-осеннему пожухнуть.

Стояло полнолуние, луна взошла рано, и неверный, зато щедрый свет заливал и каждую выбоину на дороге, и редкие осинки, и взметнувшиеся ввысь телеграфные столбы.

— Забыла сказать тебе... — нарушила долгое молчание Ангалора. — С вечерней пневмопочтой нам пришло приглашение.

— В Москву? — оживился Леон. Он давно ждал извещения о премьере балета «Звездные мосты» в Большом театре.

— На Венеру.

— А что там?

— Двухсотлетие Венерианских стапелей. Круглая дата. Будут самые почетные гости из тех, кто имеет отношение к стапелям.

— Заманчиво, — произнес Леон. — Но, пожалуй, далековато. Как ты считаешь?

— Вероятно, перегрузки в пути нам окажутся уже не под силу, — вздохнула Анга.

Давно кончилось предместье. Теперь тропинка вилась по пустынной местности. Вдали показались пологие волны холмов, окаймляющих болото.

— Задумай желание! — воскликнула вдруг Анга. — Звезда падает. Вон, прямо перед нами, прямо в болото. И какая огромная!

— Эх ты, ученый... — сказал Леон. — Не знаешь, что падающих звезд не бывает.

— Я биолог, так что всю астрономию предоставляю тебе.

— Только невежды говорят — звезды падают, — поддразнил супругу Леон.

— Осенью всегда падают звезды... — мечтательно

повторила Анга, глядя вперед. — О, посмотри, сколько их! Целый ливень!..

Леон хотел что-то сказать, но посмотрел вперед и замер, пораженный невиданным зрелищем. В дальнее болото низвергался светящийся звездный дождь, который и в самом деле был великолепен. Даже не верилось, что такую красоту способны вызвать крошки вещества, проходящие сквозь атмосферу. Чудилось, будто кто-то там, наверху, зачерпнул божественный напиток и выплеснул его на Тристаун, да промахнулся.

Леон почувствовал странное волнение. Словно что-то давно забытое шевельнулось в его душе.

Звездный ливень оборвался так же внезапно, как начался.

— Пойдем, — тронул Леон Ангу за руку. Он не мог бы объяснить, в чем дело, но что-то впереди влекло его к себе, словно магнит.

Чудовищная гравитация неодолимо влекла элов вниз, и они были вынуждены подчиниться ей. Вскоре облака разверзлись, и глубоко внизу элам открылась неведомая им планета, на которую они так стремились и которая ни за что теперь не выпустит их из своих объятий.

Гангарон догадывался, что на поверхности планеты, бессильные перед тяжестью, они могут стать ее легкой добычей. Но им повезло — они упали не на твердую почву, а в воду. Эта среда была им знакома по Тусклой планете.

Первый эл вонзился в болото, и вода вокруг зашипела, а над местом падения поднялся белый султан пара.

Следом за ним на болото обрушились остальные элы. Каждый, погрузившись в глубину, старался уйти в сторону, чтобы освободить место для остальных.

Потревоженные лягушки умолкли, лишь через не-

сколько минут решившись возобновить оглушительный хор.

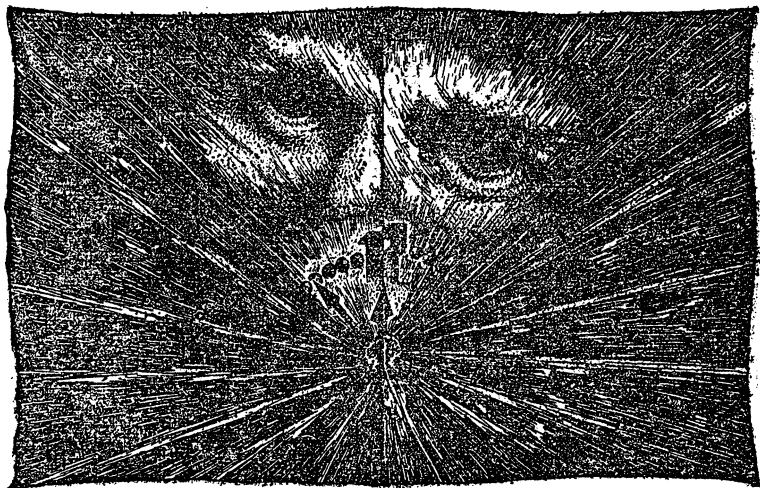
Пришельцы образовали на поверхности болота концентрические, все еще слабо светящиеся круги. В центре не спеша вынырнул Гангарон, рядом с ним появилась Ку.

— Тут не так уж страшно. Гравитация вполне терпима, — заметил один эл.

— Не забывай, что мы погружены в жидкую среду, — возразил другой.

Элы занимали строй, приходили в себя после полета.

— Знаешь, когда мы снижались, а точнее — падали, попав под власть этой ужасной гравитации, — шепнула

Ку Гангарону, — я решила, что все кончено. А теперь счастлива, что мы уцелели, пусть и за шаг до пропасти.

— Все обошлось, как видишь, — сказал Гангарон. — Занимай строй. Теперь надо решать, как действовать

дальше. — А сам подумал: «За шаг до пропасти! Она еще не догадывается, как и никто из остальных, что этот шаг нами уже сделан...»

— Пусть каждый эл соберет информацию, какую сможет, об окрестностях, — решил он. — Мы ее просуммируем, изучим и тогда наметим план дальнейших действий.

Элы рассыпались по болоту, тихонько обмениваясь репликами-сигналами.

— Планета покрыта жидкостью, — заметил молодой эл.

— Поэтому мы сможем рассеяться по всей планете, — подхватил другой.

— Я вижу вдали вокруг нас растения, склонившиеся над водой, — оборвал их третий, более опытный эл. — Это значит, что нас окружает суша.

— По суше перемещаться мы не сможем: слишком велика гравитация, — задумчиво просигналил кто-то.

— Обидно здесь умереть... — вздохнула Ку.

С энергией дело тоже обстояло худо. Электромагнитные поля здесь были, но с небольшими перепадами, и черпать их энергию было нелегко, а собственная была на исходе.

В поздний час, когда Гангарон мрачно размышлял о том, сколько времени элы смогут еще просуществовать на негостеприимной планете, до его чутких анализаторов донеслись акустические колебания.

Новые звуки были явно насыщены осмысленной информацией. Они были отличны по тембру и частоте колебаний.

Вскоре вдали показались две фигуры, издававшие звуки. Передвигались они еле-еле, вперевалку, с трудом переставляя задние конечности, передними же бессмысленно размахивали в пространстве. Как тогда, на астероиде. Правда, они не были оранжевыми, но элы знали, что существа умеют менять свою окраску.

— Не могу понять, отчего стало так тревожно на душе? — произнес Леон.

— Переутомляешься.

— Такое ощущение, словно пробуждается какое-то воспоминание. Что-то давнее-давнее... Но что именно — вспомнить никак не могу.

Анга и Леон присели на холм отдохнуть.

— Чашечку кофе? — предложила Анга. Они всегда брали термос, отправляясь на вечернюю прогулку.

— Не могу, — покачал головой Леон. — Меня притупляет какой-то непонятный ритм. Кажется, я схожу с ума.

Анга схватила его за руку.

— Ты бледен как мел! И как на грех, мы забыли дома браслеты биовывоза.

— Авось обойдется. — Леон прикрыл глаза. Дышал он трудно и прерывисто.

Теперь и Анга что-то начала смутно припоминать, но воспоминание ускользало.

— Успокойся, милый. Сейчас все пройдет. Тебе не кажется, что сегодня болото какое-то необычное? — спросила она, меняя тему разговора.

— А именно? — открыл Леон глаза.

— Понять не могу. Вроде кувшинок стало больше.

— Распустились.

— За одну-то ночь? И потом, вроде волнение какое-то на болоте.

— Русалки играют, — с усилием улыбнулся Леон.

— Русалки на болоте? Что-то новенькое. Скорее уж падающие звезды.

— Они сгорают в атмосфере, не долетая до поверхности Земли.

— Но мы же видели собственными глазами, как они сыпались в болото! — воскликнула Анга.

— Оптический обман.

Они помолчали. Анга отвинтила крышку термоса и выпила немного кофе.

— Получше тебе? — спросила она.
— Нет.
— Пойдем домой, ляжешь. Я вызову врача.
— Только отдохну немного. Я не в состоянии пошевелиться, — едва процедил Леон.

Гангарона осенило.

Он снова и снова сверялся с памятью. Как ни крути, выходило, что эти двое — те самые юные пришельцы, которые когда-то высаживались на Главном астероиде. Совпадение казалось невероятным, тем не менее это было именно так.

Еще не оформившаяся мысль уже будоражила Гангарона.

Когда-то, много лет назад, ему удалось установить биосвязь с одним из пришельцев. С единственным из пришельцев. А что, если...

Анга, не допив кофе, выплеснула остатки на землю и поспешно завинтила крышку термоса.

— Леон! — сказала она тревожно.

Леон в ответ беззвучно пошевелил губами и положил ей голову на колени.

Анга с тревогой вглядывалась в даль. Она растерялась. Ждала, чтобы Леону стало чуть получше, чтобы добраться до дому. Странное шевеление на болоте не утихло.

Думалось о том, что нет ничего ужаснее, когда любимому человеку плохо, он у тебя на руках и ты не можешь помочь ему.

Чувство бессилия было острым до слез.

Леон внезапно открыл глаза.

— Где я? — спросил он.

Анга наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Я только что был на астероидах... Там, у Изумрудной звезды, — слабым голосом произнес Леон, оглядевшись и с видимым усилием узнавая местность.

— Конечно, на астероидах. Где же еще? — согласилась Анга, с тревогой вглядываясь в его глаза.

— Ты была права, Анга, — продолжал Леон, — астероиды населены. Я сам в этом сейчас убедился. И обломок, который ты тогда подобрала, — это действительно кусок панциря, в которые спрятаны эти существа.

Тревога Анги сменилась отчаянием: у Леона начинается бред — только этого не доставало.

Внезапно Леон снова охнул и схватился за голову.

— Они здесь... они гибнут... им нужна помощь, — прошептал он, остановившись.

— Кто они?

— Те самые существа.

— Опомнись, Леон, — сжала ему руку Анга. — Ты же сам говоришь, они находятся на астероидах, близ Изумрудной звезды.

— Нет, они здесь, на Земле. Недалеко от нас, — упрямо произнес Леон. — А один из них — где-то здесь, рядом...

Все средства массовой информации солнечной системы, все каналы и программы вдруг заговорили о необыкновенной встрече и находке супругов Легран.

Выступающий Бочарников сообщил взволнованным слушателям во всех уголках солнечной, что уже готовится к старту корабль, который должен вывезти пришельцев на околоземную орбиту, где они будут пребывать в невесомости, пока не будет найден способ взаимного общения.

Особые надежды возлагались при этом на Леона Леграна, единственного пока человека в мире, которому удалось — причем дважды! — вступить в биоконтакт с пришельцами.

Человечество готовилось к первому контакту с инопланетной цивилизацией.

ИГОРЬ АНДРЕЕВ

КОШКА ГРИФФИНА

Рассказ-мистификация

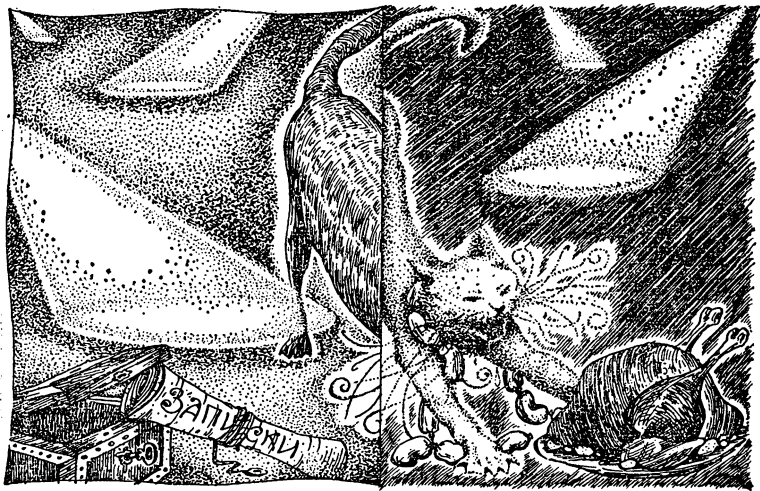
Всем хорошо известен трагический конец мистера Гриффина — человека-невидимки с задатками гения и характером скандалиста. Но мало кто знает о судьбе кошки, на которой Гриффин впервые испытал действие своего аппарата. Сам человек-невидимка был того мнения, что бедное животное не выдержало всех злоключений, выпавших на его долю, и погибло. Но Гриффин ошибался, как, впрочем, ошибся и в первый раз, приняв подопытного кота за кошку.

Итак, проскользнув в окно, кот-невидимка принялся метаться по крышам, оглашая окрестности мартовским надрывным воплем. Кота можно было простить за этот неуместный призыв в январе: снадобья Гриффина, которыми он вдоволь наспиговал животное, могли сбить с толку кого угодно. Кот мучился жестокими приступами мигрени, шерсть вставала дыбом и топорщилась, словно кто-то, измываясь, водил гребнем от хвоста к голове. А кому может понравиться, когда гладят против шерсти, пусть даже и невидимой?

Зато все коты Грейт-Портленд-стрит, испытывая некоторое недоумение из-за странного смещения календаря, приняли вызов и бросились разыскивать своего соперника. Они облазили все чердаки, вытерли всю паутину и пыль на стропилах, но каково же было их удивление, когда благодаря обонянию они чувствовали присутствие дерзкого противника, но ничего, ровным счетом ничего не видели! И тогда страх сжимал их мужественные сердца своей когтистой (а какая еще другая лапа может быть в семействе кошачьих?) лапой. Коты пятились, суетливо стучали хвостами по полу и... кидались прочь.

Так, без единой царапины, кот выиграл все дуэли. Жаль только, что ни одна трущобная кошка не откликнулась на его мартовский призыв. Что делать, кошки не коты, их так просто не проведешь.

К утру боли утихли. Испытывая голод, кот отправился к двери, за которой жила «старая ведьма» — так Гриффин называл не в меру любознательную старуху, обитавшую этажом ниже. В свое время старуха накормила кота обворожительными рыбьими головами

и позволила обнюхать углы в комнате. С тех пор кот стал считать грязную каморку своим домом.

Поточив когти о дверной косяк, кот принялся жалобно мяукать. Получалось даже как-то неудобно: уникальный, единственный в своем роде экземпляр невидимки издавал такие прозаические звуки!

В ответ за дверью слышались шаркающие шаги, дребезжащий голос позвал: «Кис-кис», стукнул засов...

Несомненно, истошный крик старухи поднял на ноги весь дом:

— Караул, дьявол!

А собственно, о чем другом могла подумать безграмотная старуха, увидевшая два болтавшихся в воздухе кошачьих глаза? Стороны обратились во взаимное бегство. Старуха кинулась звать на помощь, кот — прочь из родного дома.

Всю зиму отверженное животное вело трудную полуголодную жизнь. Погода не баловала кота. Лондонская грязь, обильно сдобренная талым снегом, сосульками свисала с шерсти. Как ни старался кот слизать ее, ничего не получалось. И тогда кот становился видимым: то легкими штрихами очерчивалась голова с торчащими вверх короткими ушами, то проступал перепачканный хвост, то вырисовывались лапы и вдавленный живот. Мальчишки швыряли в кота камнями, взрослые травили собаками. По городу ходили самые невероятные слухи. Одни подтверждали версию «старой ведьмы», утверждая, что это самый обыкновенный оборотень. Другие твердили о совершенно новом виде, созданном городской цивилизацией. Придумано было даже название для животного: «бачково-мусорное» — по мусорным бачкам, где оно чаще всего встречалось. И никому было невдомек, что это заурядный кот-невидимка.

Весной коту стало заметно легче. Солнце высушило грязь, и она уже не липла к шерсти. Можно было даже покататься на нежной травке, разумеется, не забыв после этого хорошенько отряхнуться. Нельзя сказать, что кот полностью свыкся со своим невидимым положением. И он иногда недоумевал, почесывая за ухом: где лапы, где хвост? Но в отличие от мистера Гриффина он быстрее приспособился к своему новому облику или, если быть точным, его отсутствию. Больше того, он стал извлекать из него определенную выгоду. Прежде всего по необъяснимым причинам у него пропали все блохи.

Кот стал прекрасно спать, и лишь частые сновидения, в которых он неизменно выступал как «кот видимый», несколько омрачали его существование. Кроме того, кот перестал испытывать муки голода. Запрыгнув на подоконник, кот беспрепятственно проникал на кухню, где вытаскивал из-под носа ошеломленной хозяйки лакомые куски мяса или рыбы. И почти всегда такие операции успешно сходили ему... с лап. Лишь однажды кот пострадал за утрату былой осторожности. Как-то раз, когда почти разделанная курица спорхнула с тарелки, хозяйка не растерялась, плеснула на нее кипятком. Ошпаренному коту пришлось бросить добычу и спасаться бегством в окно. Хозяйка потом долго недоумевала: ладно, что ошипанная курица пыталась взлететь, но почему она при этом еще кудachtала по-кошачьи?

Той же весной кот-невидимка наконец обзавелся подружкой. Его сердце пленила грациозная серая кошка, жившая по соседству на чердаке. С соперниками кот поступил просто: перецарапал и перекусал их так, что надолго отбил у них всякую охоту появляться на его крыше. Труднее было с кошечкой. Избранницу долго смущала невидимость жениха. Может быть, он какой урод или калека? И что скажут знакомые кошки? Кошечка мучилась в сомнениях, била в пустое пространство лапой и каждый раз натывкалась на двенадцать фунтов живого, мурлыкающего мяса. Неначавшийся роман грозил перерасти в обыкновенное знакомство. Выручили воробьи — вождение всех лондонских котов. Быстрые и подвижные, они подпускали подкрадывающихся котов так близко, что у тех от волнения пересыхало в горле. Но в последний момент, издевательски чирикав, воробьи улетахи.

Кот-невидимка, используя свое положение, доставал воробьев в неограниченном количестве. И сердце кошечки дрогнуло. Обилие дефицита всегда размягчает, особенно если дефицит — прилипшие воробьиные пе-

рышки к морде — вызывает зависть у окрестных кошек.

Любопытно, что котята родились невидимыми. Если бы мистер Гриффин дожид до этого дня, он, несомненно, был чрезвычайно горд этим обстоятельством. В отличие от своего отца, иной раз и тяготившегося своей невидимостью, котята были начисто лишены этого комплекса. Для них такое состояние было вполне нормальным. Наглые и уверенные, коты-невидимки принялись завоевывать лондонские улицы. Даже собаки были бессильны остановить их. Жалобно скуля, они лишь закрывали морды лапами, чтобы как-то спасти глаза от неожиданно набросившихся на них когтей. Не прошло и пяти лет, как город стал страдать от нашествия невидимых тварей. Молочники находили у порогов опрокинутые и опустошенные бидоны. В парках перевелись воробьи. С прилавков среди бела дня пропадали мясные продукты. И никто ничего не мог понять!

Газеты забили тревогу. Их страницы были заполнены самыми разнообразными версиями и домыслами. Неизвестно, до чего дошли падкие на сенсации журналисты, если бы не доктор Кемп, тот самый доктор Кемп, у которого в последние дни своей жизни нашел пристанище человек-невидимка. Приехав как-то из своего Бэрдока в Лондон, доктор Кемп был прямо-таки потрясен изменившимся его обликом. Нижние этажи были наглухо закрыты ставнями, двери открывались после долгих расспросов и ровно настолько, чтобы протиснуться в образовавшуюся щель. Вот тогда-то в голову Кемпа и пришла шальная мысль:

— А не кошка ли Гриффина разбойничает в городе?

Открытие было настолько абсурдным, что доктор Кемп не сразу решил обнародовать его. А когда решился, то вызвал бурю негодования. Некоторые газетчики намекали на психическое расстройство доктора, вызванное столкновением с человеком-невидимкой. Чтоб какие-то кошки терроризировали Лондон? Чушь! Самолюбие Кемпа было ущемлено. Его светлые, почти белые

усы топорщились от негодования. Он шел уже напролом. На собственные средства им было закуплено невероятное количество мышьяку. Отравленные куски мяса были разбросаны на рынке, больше всего страдавшем от набегов неизвестных тварей. Утром торговцы обнаружили множество трупов кошек с необычайно пышными усами и короткой, почти как у бульдогов, шерстью. И раньше останки подобных животных находили в разных концах города. Внешний вид их вызывал некоторое недоумение, но никто и не думал связать этих кошек с существами, поколебавшими спокойствие Лондона. Обилие короткошерстных доказало правоту доктора Кемпа.

— Несомненно, это потомство кошки Гриффина, — пояснял Кемп осаждавшим его газетчикам. — Посмотрите, какая необычайная, прямо-таки фантастическая приспособляемость у этих кошек. Развитое обоняние для общения друг с другом, короткая шерсть, чтобы грязь не налипала и не выдавала их присутствия. Однако невидимы они, пока происходит обмен веществ. С его прекращением, то есть со смертью, это свойство исчезает.

Доктор Кемп был объявлен чуть ли не национальным героем. Он буквально утопал в своей славе. Общество домохозяек вручило ему венок с надписью: «Спасителю семейного очага». Срочно созданная компания по производству и распространению мышьяка, акции которой приносили баснословную прибыль, предложила ему пост председателя правления. Фотографии провинциального доктора не сходили с первых полос газет. Рядом печатались победные репортажи о количестве отравленных короткошерстных. Но тут-то начались первые осложнения. Отравленное мясо пожирали не только коты-невидимки, но и обыкновенные коты. Не прочь были полакомиться даровыми кусками и собаки. Общества «Друг кошки» и «Четвероногий» подали в суд на доктора Кемпа, обвиняя его в предна-

меренном убийстве ни в чем не повинных животных. Не успел Кемп оправиться от этого удара, как его постигла новая неприятность. Патристическая пресса обвинила его в планомерном уничтожении уникальных лондонских кошек — гордости города.

Сам доктор Кемп не выдержал нападков, ретировался в провинцию. Но за него вступилась оппозиция: нам не нужны невидимые кошки, это обман избирателей! Дело дошло до парламентских дебатов. На улицах происходили столкновения между сторонниками кошек и отравителями. За границей насмеялись, называя кошачьи баталии новой войной между Алой и Белой розой. Впрочем, насмешки смолкли, когда появились первые ошеломляющие известия о проникновении кошек-невидимок на материк. В ряде стран началась настоящая паника. «Эти твари уже научились летать стаями! Еще немного, и они сожрут нас!» — вопили бульварные газеты.

Впрочем, к чести здравомыслящих европейцев, мало кто поверил в побасенки о летающих кошках. Скорее всего коты благополучно проскользнули в трюмы кораблей в Лондонском порту и пересекли таким образом злосчастный Ла-Манш. Прибрежные страны поспешили ввести в штат таможен собак-ищеек. Все прибывшие корабли ставились в карантин, и натасканные собаки лазили по грязным трюмам в поисках непрошенных гостей. Но было уже слишком поздно. Коты расплодились по всей Европе. Как и в Англии, больше всего от них страдали домохозяйки, торговцы мясом и крестьяне, у которых стали пропадать цыплята. Все чаще стали раздаваться голоса, обвиняющие островное государство в стремлении уничтожить своими кошками запасы европейских стран. Впрочем, более трезвые политики пугались не этого. В конце концов, каждый не прочь был разорить и целиком слопать другого. Это понятно. Вызывало беспокойство другое. Раз в туманном Альбионе сотворили невидимых кошек, то где гарантии,

что в один прекрасный день на пляжи не выползут невидимые крокодилы или не опустятся летающие невидимые слоны? Лучшие агенты были засланы в Англию за наследием мистера Гриффина. Они рыскали в окрестностях Бэрдока в напрасной надежде найти записки человека-невидимки. Им и невдомек было, что они давно уже пошли на растопку печей в домах жителей маленького поселка.

Скандал с кошками Гриффина — так их стали называть в официальной прессе — грозил перерасти в международный конфликт. Правительства ряда стран под нажимом испуганных крестьян и домохозяек готовились ультимативно потребовать от Англии отзыва всех котов-невидимок. Но тут количество краж цыплят — верный признак присутствия котов — резко пошло на убыль. Зато кругом стали находить тельца околевших гладкошерстных кошек, пораженных неизвестной болезнью. Все тот же доктор Кемп дал объяснение этому загадочному явлению: оказалось, что нагрянувшая из Азии инфлюэнца, или попросту грипп, мало опасная для людей и обыкновенных видимых кошек, была губительна для кошек Гриффина. Возможно, генные изменения затронули иммунитет и невидимые коты оказались бессильными перед видимыми вирусами. Впрочем, об этом доктор Кемп еще не писал, поскольку в те времена о вирусах еще ничего не знали.

И все же в мире до сих пор нет-нет да и случаются странные вещи: то в подвальной тьме засветятся кошачьи глаза, то в коммунальной квартире пропадет из кастрюли кусок мяса. Не спешите грешить на ближних. Быть может, вам повезло — к вам заглянула кошка Гриффина.

«ЗАЯЦ»

Из окна, если посмотреть влево, был виден Кутузовский проспект. На фоне современных домов-гигантов очень эффектно выглядело небольшое тридцатипятиэтажное здание, которое все называли, не вдумываясь в смысл, тремя буквами СЭВ.

Вообще весь проспект Калинина с его изогнутыми домами очень нравился туристам, и архитекторы старались сохранить его в первозданном виде, так как весь ансамбль давал ясное представление о старой Москве восьмидесятых годов.

Впрочем, за огромными лесными террасами и буйной растительностью парков, покрывавшими крыши зданий, очень трудно было увидеть в перспективе весь этот затерявшийся ансамбль памятника архитектуры. Люди, живущие в скромных квартирках изогнутых домов, не хотели никуда уезжать, они уже привыкли и смирились с некоторыми неудобствами старых домов проспекта.

Теплый июньский ветер как паруса надувал занавеси открытого окна. Солнце садилось, прячась за пик гостиницы «Украина».

У окна молча стояли двое мужчин. Картина заходящего солнца приковывала к себе своим вечным величием. Молчание длилось недолго. Его нарушил молодой человек.

— Я очень доволен, что вы мой гость и что мы наконец видим с вами наш обычный земной пейзаж.

Молодой человек подошел к письменному столу и, порывшись в журналах, сказал:

— Между прочим, я могу вам подарить журнал с рассказом о вас... Да, да. Наши беседы не прошли даром. — И, найдя нужный журнал, подошел к гостю. — Помните ваш рассказ о вынужденном пребывании в космосе?.. На орбите Луны?.. Вот как это выглядит.

Капитан только что вернулся из длительного рейса на Землю, и после легкого вина он сейчас находился в том состоянии, когда ему все нравилось. Нравилось стоять у окна и видеть закат — земной, привычный. Нравилось ощущать на лице ветер, обдувающий запахами цветов террас. Он взял журнал, и обычная иллюстрация человека в скафандре на черном небе вызвала в нем улыбку.

— Да... Вот так оно и было. — Капитан перевернул страницу журнала. Открылась вкладка. На цветной фотографии было изображение старинного здания гостиницы «Россия» и совсем древних маленьких церквей, отражавших солнце в своих золотых куполах.

— Если бы две тысячи лет тому назад мы увидели мир космоса так, как мы его видим сейчас, то они сразу бы поняли, что одному боженьке создать все это в шесть дней не под силу...

Капитан подошел к окну и, обращая свой взгляд к заходящему Солнцу, медленно, со значением сказал:

— И все-таки я тоже верю... Нет, не в бога я верю... я как будто вижу, ощущаю величие, мудрость творения природы... Природы. Мы заученно и привычно говорим: формы движения, развития материи безграничны. Но заметьте, какие формы развития берет на вооружение природа.

Капитан молча прошелся по комнате. И после раздумья сказал:

— Очевидно, не каждой звезде удалось расположить так удачно планетарную систему, чтобы в ней оказалась такая жемчужина!

Молодой человек засмеялся.

— Вы так говорите о Земле, как о каком-то... произведении искусства.

— Так оно и есть. Природе непросто повторить точь-в-точь земной вариант на других звездах. Впрочем, и у них есть свои уникалы. Но природа наделяет живую материю удивительным свойством: размножением в

огромной прогрессии. Породив живую материю на Земле и где-то и на других звездах, вместе с тем природа не могла нарушить свои же законы: гравитации, свойства космического пространства; и вот я вижу мудрость природы в том, что она начинает действовать ступенчато. Она создает человека с его умом и как бы перепоручает ему эту сложную задачу наведения мостов, и он, как пчелка, преодолевая расстояния, оплодотворяет и разносит жизнь.

— Вы считаете, что природа создала человека вроде бы как себе в помощь?

— В какой-то степени. Я считаю, что человек — это оружие, стоящее на службе движения материи, или, вернее, один из созданных совершенных механизмов, с помощью которого живая материя заполняет закрома вечных и неограниченных пространств. Я верю, что на нас, людей, возложена эта великая миссия: размножать, распространять, переносить все живое в другие миры сознательно, а порой даже бессознательно, даже случайно!!!.

— Как это понять?

— Да, да, случайно. — Капитан загадочно посмотрел на собеседника. Журналист налил в стакан вина.

— Я уже чувствую, что меня, кажется, ждет сейчас еще одна правдоподобная история из ваших путешествий.

— В том, что она правдоподобная, мне нет смысла вас убеждать. Во всех моих рассказах всегда есть предметы, участники моих историй, но в данном случае я не могу положить на стол вещественного доказательства... Впрочем, для этого маленького рассказа оно и не нужно. — Капитан поднял стакан и, встретившись глазами с собеседником, сразу выпил все вино, затем, подумав, сказал:

— В двадцатых годах я участвовал в очередном полете на Венеру. Многие еще неясно было в ее атмосфере и в вулканической деятельности. В космическом корабле

нас было двое. Оба молодые, сильные, но уже опытные космонавты. Мы вышли в космос согласно расчетной. Впереди были миллионы километров пустоты, мрака и тишины и полугодовая жизнь вдвоем, в которой начинаешь понимать друг друга не только по взгляду, по вздоху, но чувствовать мысленно, телепатически.

Каждые сутки в определенное время начиналась связь с Землей. Но уже на пятые сутки эта связь была нарушена. Рации молчали. Экран не светился. Мы летели в пространстве, полностью оторванные от Земли, лишённые всякой информации и общения с людьми.

На шестой день нам удалось вдруг связаться. Мы требовали объяснения, чем вызвано нарушение связи, нам ничего не успели сказать.

Рация вновь потухла.

Мы знаем, что каждый блок, каждая деталь при выходе из строя автоматически заменяется, запломбированные щиты мы не имеем права открывать. Через отверстия жалюзи в рации создается необходимый температурный режим. Что может влиять на нормальную работу аппаратуры? Мы сидели с другом огорченные, не зная, что нам предпринять. Какой может быть дальнейший полет без связи с Землей?

Луч Солнца стрелкой пробивал в иллюминатор, освещал постоянно одно и то же место нашей кабины. Молча в тишине мы сидели друг против друга, думая об одном и том же. Наши глаза, обращенные к экрану, с надеждой следили: а может быть, все же произойдет какое-нибудь чудо — появится изображение или сигналы вызова? Так мы сидели часами, наблюдая за лучом, лежащим на рации. Не хотелось ни есть, ни пить, ни заниматься никакими делами. Я видел, как глаза друга наливаются злобой, желанием ударить по мертвым приборам. Мы встали как единый организм, не угадывая, а просто понимая, что хочет каждый из нас.

Наши желания были разные.

Он — свершить безрассудное действие. Я — предотвратить его желание.

Наши руки мгновенно встретились в воздухе, и в этот момент на гладкой поверхности экрана мы увидели такое, что нас заставило забыть о поднятых руках, забыть о всем величии могущества окружающего нас мироздания.

На поверхности экрана, а вернее уже на некотором пространстве от него, находился совсем маленький, серенький живой комочек — мышонок. Он смешно вхолостую перебирал ножками, пытаясь убежать... Но для него тоже существовала невесомость. Он нечаянно оттолкнулся от поверхности экрана и двигался в пространстве навстречу нам, несмотря на тщетные усилия бежать в противоположную сторону, хлопотливо двигая маленькими ножками. Я бережно взял его и, чувствуя в руках мягкое тельце, учащенные удары его сердца, как будто всем своим существом ощутил запах Земли, родное Подмосковье, когда точно так же, будучи мальчишкой, держал маленького воробушка — птенца, упавшего из гнезда. Я смеялся, говорил какие-то ласковые слова, называл его «зайцем»-безбилетником, а мой друг с дрожащими руками нетерпеливо ждал своей очереди поддерживать, потискать в руках еще одно живое земное существо.

...Земля наконец вызвала нас.

Журналист вздохнул и прикоснулся губами к стакану. Он налил вина гостю и себе, выпил и, покачав головой, спросил:

— Каким же образом мог попасть на космический корабль этот «заяц»?

— Можно предположить всякое. То ли с питательным блоком, то ли с пакетами скафандров. Этого мы не могли узнать даже тогда, когда вернулись на Землю. Но жизнь наша пошла дальше втроем. Да, втроем. Мы ясно ощущали, что с нами есть еще один член экипажа. Во-первых, мы боялись, как бы он не совершил

опять своих прогулок по приборам. Мы были вынуждены ограничить его круг действий и, как настоящую собаку, привязали на «цепь» — тоненький шнурок.

В течение нескольких дней он уже к нам привык и не боялся нас. С невесомостью он тоже как-то освоился, смирился. Было очень смешно смотреть, как он, вися в воздухе, почесывал себя за ушком, облизывал лапки после еды.

Вообще ему невесомость не была в тягость. Стоило ему коснуться потолка и нащупать ребро, шов кабины, как он цеплялся лапками и ловко передвигался в радиусе длины шнура.

Он точно вошел в режим нашей жизни. Когда мы просыпались, и он уже бодрствовал и ждал завтрака. Особенно первые дни наш завтрак превращался в настоящий аттракцион.

Выжатый из трубки питательный раствор в маленькой дозе медленно плыл в пространстве, наш «заяц», проголодавшийся «за ночь», бежал за ним, семена ножками, но напрасно. Еда уходила в одну сторону, а он с вытянутой головкой оставался висеть в пространстве до тех пор, пока мы не возвращали к нему «уплывшую» в пространстве еду. Но особенно было занятно смотреть, когда мы давали ему пить.

Выдавливая из тубы воду, которая тут же принимала форму шара, мы подводили его мордочку к этому шару. Но стоило ему активно удариться мордочкой о водяной шар, как тут же вступал закон действия и противодействия: шарик уплывал в одну сторону, а наш «заяц», облизывая губы, двигался в противоположную сторону.

Особенно ему нравилось, когда мы его «спускали с цепи» и позволяли ползать по себе. Тогда он находил какой-нибудь карман, влезал в него и чувствовал себя как на Земле.

«Заяц» был наш товарищ, общий друг, разделяющий вместе с нами все тягостные дни, недели и месяцы, и за

это время он вырос в настоящего представителя семейства грызунов.

Мы уже заканчивали все задания нашей сложной программы и должны были возвращаться на Землю.

Надо было некоторые приборы внести в кабину. В общем, подготовиться к обратному пути. Я надел скафандр, вошел в тамбур, затем открыл внешний люк, вышел в открытый космос на тросе. Это был последний выход в космос на орбите Венеры. Меня уже не удивлял увеличенный и лохматый диск Солнца. Венера с высоты двух тысяч метров представляла собой окутанный в вату огромный шар.

Облетая космический корабль, снимая приборы, я оказался напротив иллюминатора и увидел какие-то беспокойные жесты своего друга в кабине. Он настойчиво показывал пальцем в одном направлении. Я посмотрел в направлении его жеста и увидел в десяти метрах от корабля маленький, безжизненный комочек. Он медленно удалялся от корабля в пространство. Я оттолкнулся от стенки корабля в надежде догнать и вернуть его на корабль, чтобы не оставлять останки нашего друга на орбите Венеры, но длина троса не позволяла достать его. В это время мы вошли в тeneвую часть планеты, а когда вышли на свет, он удалился настолько, что простым глазом его уже не было видно.

Я возвратился в корабль. Тонкий шнурок на потолке уныло висел у нас над головами. Мы не могли смотреть друг другу в глаза. Мы потеряли друга. Не уберегли члена нашей команды. Впереди девяносто дней, а вернее, отрезок времени без дней и ночей в пространстве вечности. Его надо было преодолеть теперь вдвоем.

Капитан остановил свой рассказ. Встал и прошелся по комнате. Подошел к окну, облокотился на подоконник. Машины бесшумно двигались по проспекту.

Солнце зашло, но свет огней озарил Москву разными цветами. Огни отражались в виденной из окна полоске

воды Москвы-реки. Кутузовский проспект начинал свою красивую вечернюю жизнь.

Журналист подошел к письменному столу. Пододвинул настольный календарь и на листе даты «16 июня 2078 года» написал: «Заяц». После этого он обратился к капитану уже не как собеседник, а как человек определенной профессии.

— Как же он мог выйти из корабля, если был привязан?

Капитан, весь ушедший в наблюдения вечерней Москвы, жил уже впечатлениями виденного, и вопрос журналиста застал его врасплох.

— А... вы спрашиваете о мышонке?

— Да, как же он убежал?

— Мы не учли одного. Он стал взрослым и легко перегрыз свою «цепь». Когда я открыл дверь в тамбур, мы не заметили, как он прошмыгнул, а может быть, захвачен был завихрением во время моего прохода в тамбур. Он погиб еще, очевидно, во время откачки воздуха из тамбура. А когда был открыт люк в космос, возможно, что я его задел скафандром, и он ушел в космос. Так что на орбите Венеры теперь находится частица биологической материи Земли, перенесенная случайно человеком. А настанет время, когда это будет сделано сознательно, когда наши стада будут пастись на просторах — пастбищах Венеры! Вы смеетесь?.. Верьте! Сделаем и ее жизнеспособной... но это будет не скоро...

— Но зато скоро будет напечатан в нашем журнале рассказ, — журналист озорно и хитро смотрел на капитана, — который будет называться так: «Заяц», а под заголовком в скобках «быль», а в конце рассказа будет написано: «Со слов капитана космического корабля»...

— А здесь очень мило! — сказала девушка, осмотрев квартиру. — Неужели мы будем жить здесь целый месяц?

Молодой человек улыбнулся. Он готов был сказать невесте, что согласен жить с ней где угодно, хоть в шалаше под полиэтиленовой пленкой, но промолчал.

А девушка уже проникла в кухню.

— Ой, что это?

— Это газовая плита. На ней готовят пищу.

— Как интересно! Будем готовить пищу, как робинзоны, на огне!

— Да, — ответил молодой человек. — Все придется делать самим. Самый сложный агрегат здесь — это, пожалуй, холодильник.

Весь вечер молодые люди обживались в квартире. Девушке нравилось решительно все: и то, что пол в коридоре скрипит, и то, что навесные двери, установленные где только можно, приходится открывать руками, и старомодные кресла, и диван в гостиной, настолько же массивные, насколько неудобные. Но больше всего поразили ее шкафы. Всевозможные шкафы: платяные и бельевые, книжные и посудные. Даже агрегат под забавным названием «холодильник» оказался всего лишь шкафом с продуктами.

— Дело в том, — объяснил молодой человек, — что наши предки жили очень обособленно. Мой дом — моя крепость. Видишь, сколько тут всего припасено? Настоящий склад.

На ужин девушка приготовила чай. Его пили из фаянсовых чашек с золотыми ободочками. Чаепитие устроили на балконе, откуда открывался прекрасный

вид на ретрогород. Это был единственный город, сохранившийся в неприкосновенности с прошлого века. Город зажигался призрачными электрическо-неоновыми огнями, издавал непривычные шуршащие звуки, время от времени лязгал невидимыми трамваями, словом, жил особенной, ни на что не похожей жизнью, в которую предстояло окунуться нашим героям.

Утром, готовя завтрак, девушка с непривычки порезала руку. Было больно, но пострадавшая нашла в себе силы улыбнуться в то время, когда молодой человек обрабатывал ранку йодом. Он подумал, что это варварство — не снабдить квартиру универсальным лечебно-диагностическим аппаратом.

Гренки были пережарены, натуральный кофе плох — его нельзя было сравнить с искусственным, который привыкли пить дома. Однако, хоть горелый кусок и не лез в горло, юноша похвалил подругу:

— Молодец! — сказал он. — Я не подозревал, что ты так хорошо умеешь готовить.

Большой палец на руке у девушки был перевязан ослепительно белым бинтом, и, похоже, девушка гордилась боевым крещением.

После завтрака распределили обязанности. С этого дня начинались работы по благоустройству ретрогорода. Кроме того, необходимо было регулярно выполнять следующую работу: ходить в магазин, стирать белье, чистить картошку, варить обед.

Решено: молодой человек возьмет на себя посадку зеленых насаждений, а девушка будет хлопотать по хозяйству.

— Я сегодня очень устала, — как-то раз пожаловалась девушка. — Сколько ни крутись, домашняя работа не кончается.

Юноше такое высказывание показалось странным. Это он взвалил на свои плечи основную работу, оста-

вив на долю девушки мелкие заботы, с которыми справляются даже бытовые роботы (механические повара, посудомойки, полотеры и т. п.).

— Почему мы никуда не ходим по вечерам? — спросила девушка обиженно.

Молодой человек недавно пришел с работы, отведал свежего борща и отдыхал на диване.

— Ни в театр, ни в дискотеку вечером не попадешь, — сказал он, зевая. — Слишком много желающих. Город большой, а дискотека одна.

— Давай сходим в гости.

— Куда? Ведь мы никого здесь не знаем.

— Давай заглянем хотя бы к соседям.

— Гм, неудобно как-то. Они не проявляют желания с нами познакомиться.

Ночью молодые люди не могли уснуть. Из-за стены, со стороны соседей, доносился страшный шум. Похоже, соседи ссорились между собой. Звон бьющихся тарелок, крики...

— Какой ужас! — прошептала девушка. — Нужно остановить их.

— Нельзя. Ты что, забыла? Мы не имеем права вмешиваться.

Девушка заплакала.

— Ты чего, глупышка?

— Я просто подумала, неужели и мы с тобой когда-нибудь сможем вот так ругаться.

Молодой человек улыбнулся.

— Спи, моя хорошая. Не сможем. Никогда.

— Дорогая! — сказал молодой человек. — Сегодня у нас будут гости. Ты ведь давно хотела развеяться, повеселиться в компании.

— Много гостей ты пригласил?

— Ну, так человек двадцать пять. Наша бригада досрочно закончила озеленение своего участка, и по этому случаю мы решили устроить грандиозный сабантуй.

Девушка сильно побледнела, но молодой человек, к сожалению, не обратил на это внимания.

Поздний вечер. Гости разошлись.

— Что с тобой, Люба? — спросил молодой человек.

Девушка рыдала, забившись в угол старинного дивана.

Юноша взял ее за руку, желая утешить.

— Ты меня не любишь! — сказала девушка.

— Что ты говоришь!

— Ты думаешь, я железная, да? Ты думаешь, я одна могу заменить всех домашних роботов? Посмотри на мои руки. — Она показала руки. — Во что они превратились?

Действительно, женские руки стали шершавыми от мытья посуды и частого обращения с половой тряпкой.

— Не плачь. Я достану тебе резиновые перчатки.

Молодой человек хотел утешить девушку, но вышло совсем наоборот...

До конца месяца оставалось совсем немного, когда в квартиру пришла болезнь.

Первой почувствовала недомогание девушка. Она пришла с работы вся красная, покрытая испариной. Сказала, что кружится голова, и сразу легла. У нее был сильный жар.

Гриппа в двадцать первом веке нет. Это все ретрошутки, если хотите. Однако молодой человек не на шутку испугался. Он вызвал врача и не отходил от постели больной до тех пор, пока не приехала «скорая».

— Что ж, — сказал врач, — мы можем поставить вашу невесту на ноги, но только за пределами города. Вы согласны уехать?

— Нет, — прошептала девушка. — Только не сейчас.

— Тогда... придется поболеть. Вы знаете, что здесь мы не используем современные методы лечения.

Врач выписал тетрациклин и ушел.

— Извини меня, — сказала девушка. — Сегодня я хотела сделать генеральную уборку, и вот...

— Лежи! — сказал молодой человек. — Сейчас схожу в аптеку и все сделаю.

Действительно, болезнь оказалась как нельзя кстати. Конечно, было трудно. Сначала молодой человек ухаживал за девушкой, а потом, когда и он свалился, они поменялись ролями. Зато были забыты все мелкие обиды, зато... А впрочем, чего там говорить! Когда месяц кончился, молодые люди уехали из ретрогорода и поженились. Они были довольны поездкой. Ведь недаром говорят, что те супруги, которые провели хотя бы месяц в ретрогороде, будут жить-поживать всю жизнь мирно и счастливо.

В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ФАНТАСТА

Где заканчивается наука и начинается фантастика? И где кончается фантастика и начинается наука? Вряд ли очень точно можно указать границу. Фантастика питается научными гипотезами и идеями, но научно-фантастическую художественную литературу нельзя свести к популяризации научных положений. Однако оригинальные гипотезы, едва брезжащие предположения ученых, умело изложенные, имеют и свою эстетическую и фантастическую ценность. Не только ученые, но и любители порой многие годы отдают (а бывает, и небезуспешно!) разработке «невероятных мыслей», разведочных идей. Естественно, что не все эти разведочные идеи обоснованы с научной строгостью, возможно, какие-то из них в дальнейшем не подтвердятся. Однако художественно изложенные, они дают пищу для раздумий самому широкому читательскому кругу, дают простор воображению и толчки для создания новых фантастических гипотез, чем и обогащают художественную научно-фантастическую литературу. Исходя из этого, редакция научной фантастики вводит в данном сборнике рубрику «В записную книжку фантаста».

ВИТАЛИЙ ЛАРИЧЕВ,
доктор исторических наук

НАХОДКИ В СИБИРИ ЛУННЫЕ ФАНТАЗИИ?

Сто лет назад сэр Норман Локьер, известный своими исследованиями в области спектроскопии и физики Солнца, заинтересовавшись величественными культовыми памятниками древнейших цивилизаций — Египта, Шу-

мера и Греции, заметил в созданных тысячелетия назад храмах и загадочных каменных сооружениях то, что и следовало увидеть профессиональному астроному.

Храмы и культовые строения, как удалось установить Локьеру, ориентировались строителями на горизонт с учетом определенных закономерностей движения по небу Солнца и Луны. Как человек на редкость широких научных интересов, в том числе, к счастью для будущего археологии, и гуманитарных, он понял, что ему посчастливилось соприкоснуться не только с истоками астрономии, а следовательно, геометрии и математики. Знание мифологии, культов, связанных с небесными светилами, древних календарей и ранних культур Европы и Ближнего Востока привело его к значительно более глубоким общекультурно-историческим выводам. Норман Локьер увидел в сухих «астрономических аспектах» археологических памятников ключ к познанию интеллектуального мира древних, к уяснению масштаба проникновения первобытного человека в тайны природы.

Казалось, археологи, призванные по долгу службы представить современникам истинный облик их далеких предков, должны были приветствовать новую отрасль науки, рожденную на стыке астрономии, археологии и истории культуры. Парадоксально, но все оказалось как раз наоборот! Знатоки древностей, познавшие в вещах каждую дырку, сделали вид, что не замечают ни статей, ни даже книги Нормана Локьера. Он же, по-видимому, заподозрил археологов в намеренном уклонении от серьезной работы, а также в желании и далее спокойно заниматься наукообразной классификацией битых горшков. Поэтому-то в 1905 году в ведущем научном журнале мира «Нейча», создателем и редактором которого был сам Локьер, появилась его обвинительная статья «Несколько вопросов археологам».

Разразился грандиозный скандал, определивший на десятилетия вперед островраждебное неприятие архео-

логами всех, кто в их епархии осмеливался говорить об астрономических аспектах. Статьи отчаянных смельчаков презрительно назывались «лунными фантазиями», а выводы определялись как «бесплодные предположения» и «оголтелое теоретизирование». Началась пятидесятилетняя война, полная тяжелых потерь...

Все же борьба в защиту величия предка окончилась капитуляцией археологов. Но для этого им пришлось предъявить доводы беспристрастных в спорах электронно-счетных машин, а машины научил проигрывать «астрономические аспекты археологических памятников» английский астроном Джеральд Хокинс. Правда, закоренелый скептицизм жив до сих пор, и недаром тот же Хокинс, который внес решающий вклад в становление археологической астрономии, не так давно горько писал, что ему постоянно хочется посвящать свои статьи по этой тематике «человеку каменного века — непонятому, оклеветанному, недооцененному». Но хорошо уже то, как утверждает еще один специалист по археоастрономии, Джон Вуд, что теперь в археологических кругах можно наконец обсуждать вековой давности темы сэра Нормана Локьера «без малейшей неловкости».

КУЛЬМИНАЦИЯ СВЕТИЛ

Хокинс, раскрывая перипетии тягостной борьбы со скептиками, в своей книге вспомнил о примечательном разговоре с одним знатоком каменного века Европы. Тот в качестве довода невозможности предложенной оценки Стоунхенджа как обсерватории бронзового века в Англии сослался на то, что ведь в других местах мира «ничего подобного нет». В самом деле, не может же быть, что Стоунхендж «единственный и неповторимый», а научная основа, заложенная в его впечатляющих архитектурных конструкциях, «не отразилась в культуре где-нибудь еще».

Собеседник, отчитывающий Хокинса безапелляционным тоном за рюмкой хереса, не учел одного весьма серьезного обстоятельства. А что, если такие объекты все же есть, но именно он, археолог, или не видит их, или, что более вероятно, просто не способен оценить так, как они того заслуживают? Во всяком случае, если бы споры по археоастрономии продолжались столь же остро и сейчас, то расположенная на другом, чем Англия, конце Евразии Сибирь с ее великими памятниками древних культур могла бы стать для английского астронома серьезным аргументом в безнадежной тогда дискуссии с поучающим его археологом.

...Несколько недель продолжались летом 1982 года упорные, но, кажется, совсем бесперспективные поиски около гор Пятый и Девятый «сундуки», что возвышаются круто запрокинутыми к западу каменными громадами. Здесь, на севере Хакасии, в долине Белого Июса, были открыты эффектные святилища бронзового века, розовопесчаниковые «стены» которых покрывали головоломно-загадочные композиции из рисунков и таинственных знаков. Поблизости поднимались к небу вкопанные в землю два с половиной тысячелетия назад величественные плиты гробниц степных богатырей. Найденного было достаточно, чтобы занять экспедицию делом на много месяцев, а то и лет. И если было сказано о бесперспективных поисках, то оттого, что на сей раз решалась задача, непривычная для археолога, — следовало попытаться доказать, что открытые памятники содержат в себе «астрономический аспект». Это значило бы, что древние сибиряки не уступали своим современникам на западе Европы в познании закономерностей движения небесных светил, а следовательно, и во всем, что стоит за таким исключительным по значимости фактом.

Все в конечном счете решилось, как порой бывает, просто. Однажды в ходе разведок внимание привлек длинный, далеко протянувшийся с запада на восток мыс

Девятого «сундука». Если бы вздумалось строить площадку для наблюдения за восходами Солнца и Луны, то, пожалуй, лучшего места, самой природой ориентированного «астрономически значимо», поблизости не найти. И все же трудно вообразить степень удивления, когда на гребне удалось выявить характерную конструкцию из плит. Теодолит, установленный над подковообразной «ловушкой», был тут же сориентирован на восток. Осталось обнаружить промежуточный визир, чтобы можно было выйти на астрономически значимую точку на горизонте. Такой визир был в самом деле найден в сотне метров от наблюдательной площадки. Там из земли торчали плитки, образующие миниатюрный четырехугольник.

Они, судя по всему, обозначили место, где в древности устанавливался деревянный визирный столб.

Так оно в действительности и было — линия, соединяющая этот визир с горизонтом, указала, с учетом необходимых поправок, на крайнюю к северу точку восхода низкой Луны.

Самое, однако, поразительное и неожиданное произошло потом, когда труба теодолита была направлена сначала на север, а затем на юг. Оказалось, что север определялся необычайным по остроумию использования визиром — едва торчащей из-за склона Восьмого «сундука» скальной вершиной горы, расположенной более чем в десяти километрах. Направление на юг определял один из трех скальных выступов самой высокой в южной части горизонта горы Кашкулак. Отклонения были ничтожными.

Эти своеобразные природные «мушки»-визирьы, отмечавшие при наблюдениях с искусственно созданной площадки точки юга и севера, означали, что человек бронзового века Сибири знал не только закономерности восходов Солнца и Луны. Он имел ясное представление... о небесном меридиане. Этот поистине взятый

визирами на «Мушку» небесный меридиан позволял древним астрономам следить как за верхними (на юге), так и за нижними (на севере) кульминациями светил. Отсюда следует, что люди бронзового века Сибири обладали прекрасно разработанным лунно-солнечным календарем и умели с исключительной точностью фиксировать время в течение суток, недель, месяцев и лет.

ГДЕ УМИРАЕТ СОЛНЦЕ

Известно, какую основополагающую роль сыграли в культуре человечества очень рано подмеченные самыми любознательными его представителями закономерности в жизни Солнца. Каждый день оно рождалось на востоке, а затем, достигнув зрелости в южной части небосклона (как раз у небесного меридиана!), умирало на западе. Люди давно заметили и другую замечательную особенность в жизни самого яркого из светил: чем ближе к северу в ходе смены сезонов оно восходит, тем животворнее становится его сила, тем пышнее расцветает Земля. И напротив, чем ближе к югу склоняется оно в восходах, тем более жестокие морозы сковывают природу.

Эти наблюдения стали не только основой календаря. Вместе со значительно более сложными закономерностями в жизни Луны ритмы Солнца, по-особому истолкованные первобытным жречеством, породили религиозные заблуждения, и в частности, сложные культы, связанные с рождением, жизнью и смертью человека. Если так оно и есть, то подобные отклонения древнего ума от реальности не могли не найти отражения в структуре погребальных сооружений. Именно такого рода рассуждения заставили по-иному взглянуть на высокие плиты, ограждающие гробницы богатырей бронзового века Хакасии.

Новый методический подход в оценке значимости

гробничных камней, попытки расшифровать заключенную в них информацию превзошли все ожидания. Небольшой могильник на западном склоне Пятого «сундука» был, как выяснилось, спланирован со строгим учетом ожидаемых в жизни Солнца и Луны явлений. Особая роль при этом придавалась сектору неба, где восходило и заходило декабрьское солнце в дни его максимальной «слабости» как светила, — в период зимнего солнцестояния, перед ожидаемым поворотом к весне и лету.

Для судеб умерших жизненную важность приобретала, оказывается, и та линия горизонта, где заходило сентябрьско-октябрьское и февральско-мартовское солнце. Можно догадаться почему, учитывая ежегодное осеннее умирание природы и весеннее ее возрождение. Люди бронзового века Хакасии, озабоченные судьбой ушедших в мир иной, оставили на могильниках и в сложных структурах связанных с ними ритуальных и наблюдательных площадок достаточно ясные указания на знание ими севера, юга, точки захода солнца в дни осеннего и весеннего равноденствия, а также в великий период летнего солнцестояния, после которого происходил поворот к осени и зиме. Получены также поддающиеся проверке сведения об особо трепетном отношении древнего человека к горам.

Что именно думали обо всем этом первобытные люди, помогут раскрыть тесно связанные с гробницами наскальные изображения святилищ «сундуков». Их «астрономический аспект» оказался не менее примечательным, и потому можно надеяться, что работа над художественным наследием первобытных жрецов и астрономов приобретет в недалеком будущем давно ожидаемую осмысленность. Это позволит археологам сделать главное — в должном свете представить предка в глазах его потомков.

АЧИНСКИЙ ФЕНОМЕН

Где следует искать истоки современной цивилизации?

Американский историк Самуэль Крамер, например, в своей книге «История начинается в Шумере» корни мировой науки возводит к достижениям древнего населения Двуречья, признанной колыбели культуры евроазиатских народов.

Между тем, как это ни покажется парадоксальным, одна из недавних находок археологов в Северной Азии дает основание усомниться в провозглашенной Крамером идее. Почему бы, опираясь на нее, не предположить, что история начинается... в Сибири?

...Порой археологам — искателям тех корней, что держат и до сей поры питают человеческое общество, — казалось, что они добрались наконец до истоков наук, в том числе таких сложных, таких точных и взаимосвязанных, как геометрия, астрономия. Ученых всегда поражали умопостроения и умозаключения мыслителей древних цивилизаций Африки и юга Азии. Именно здесь возникли первые «модели» вселенной со звездным небом, с Землей, окруженной водами первозданного океана и мрачным подземным миром, с преисподней, куда, как это думалось нашим предкам, после смерти отправлялись высокочтимые усопшие.

В мифах народов, населяющих эти земли, люди поднимались на орлах над планетой и возносились в космос.

Но — увы — до реализации этой мечты землянам оставалось прожить еще не менее тридцати тысяч лет!

А археологам, в какую-то пору считавшим, что они нашли наконец на Земле тот источник света и разума, что озаряет цивилизацию на протяжении многих веков — Африка и Южная Азия, — представлялись со-

вершенно удивительными познания египтян, шумерийцев, персов, индусов, китайцев в точных науках. Они оказались настолько значительными и такими тонкими, что объяснить их возникновение четыре-шесть тысяч лет назад в результате какого-то внезапного озарения просто невозможно. Представляется, что у результатов, полученных древними мыслителями этих народов, должна быть традиция, что они опирались на знания и опыт, возникшие еще раньше.

В частности, отдельные редчайшие небесные явления могли предсказываться шумерийскими жрецами лишь в том случае, если регулярные и точные наблюдения за Луной, Солнцем, планетами и звездами велся человеком на протяжении по крайней мере десятка тысяч лет. В прошлом веке, когда истории людей отводилось немногим более шести тысяч лет, такие выводы казались абсурдными.

Но когда к началу космической эры человечество благодаря новым находкам археологов значительно не только «повзрослело», но и отодвинуло свой «день рождения» за четыре миллиона лет, интеллектуальный мир нашего предка стал представляться совсем иным. В частности, во всей неприглядной обнаженности выяснилось, что расхожие представления о человеке древнекаменного века противоречат реальной картине формирования его культурной истории. Возникший в нашем сознании под воздействием далеко не полных данных образ неприкаянного, полудикого бродяги, набросившего на плечи лохматую шкуру, размахивающего с жутким уханьем дубинкой над головой заманенного в ловушку мамонта, никак не стыковался со своим потомком — человеком утонченных культур ранних цивилизаций. Да и о какой стыковке могла идти речь, если специалисты ранее считали, что голова предка была всегда занята только одной мыслью: как поплотнее набить желудок?

Из возникшей, как говорят космонавты, нештатной

ситуации следовало не очень приятное заключение: археологи, очевидно, ошиблись, не принимая в расчет достижения людей древнекаменного века в чисто интеллектуальной сфере.

Однако насколько просто заподозрить подобное, настолько сложно доказать его с помощью документальных свидетельств. А что, если принять в расчет загадочные косточки с насечками, рисунки которых опубликованы в 1857 году французом Буше де Пертом? Американский исследователь Александр Маршак, который работал над книгой о том, когда и как человечество начало готовиться к выходу в космос, задался целью «проиграть» невероятный сюжет с этими самыми черточками на костях. По существу, он принял как руководство к действию забытую (из-за ее невероятности!) идею французского археолога прошлого века Эдуарда Лартэ, что такие метки могли использоваться древними людьми «для счета временных периодов». Маршак оценил их как календарные по характеру записи лунных циклов. Результат оказался потрясающим: группировка черточек в блоках, которые отличались друг от друга по количеству знаков, соответствовала календарным тирам смены фазы Луны.

Значит, пещерные люди древнекаменного века десятки лет назад, уловив закономерности движения небесных тел, создали сравнительно точный лунный календарь.

Для своего времени это было величайшим общечеловеческим достижением. И совершенно не удивительно, что сходные по характеру «счетчики времени», изготовленные из кости и рога, впервые найденные более ста лет назад Буше де Пертом на крайнем западе Евразии в долине Соммы под Парижем, в двадцатые годы нашего века выдающийся советский палеоантрополог и археолог М. М. Герасимов привез из экспедиции, работавшей на востоке Сибири, в долине Ангары, около села Мальта.

Удалось ли, однако, предкам в столь давние времена создать целостную систему счисления времени, или дело ограничилось, как представляется Маршаку, суточными, месячными или в лучшем случае сезонными наблюдениями?

Ответить на подобный вопрос не удавалось из-за того, что среди находок в Европе отсутствовали образцы древнейших календарей с достаточно длинными «временными записями», которые позволяли бы усмотреть в них строго отработанную систему слежения за временем.

Но теперь такой образец обнаружен. Он стал достоянием археологов при раскопках Ачинского поселения древнекаменного века. Ему приблизительно восемнадцать тысяч лет.

На поверхности этой миниатюрной скульптуры, вырезанной из бивня мамонта, мастер эпохи палеолита умудрился разместить спиральный узор, составленный из 1065 различных по очертаниям лунок; змеевидные полосы их — самое наглядное и живое отражение в древних орнаментах идеи времени — прерывались ниже средней части выпуклым пояском кольца, обычным атрибутом священного жезла мудрецов Древнего Востока. Проще простого было объявить эти ленты микроточек «орнаментальными» и написать по такому поводу дежурно-расхожие слова о ювелирном мастерстве древнего скульптора, а также о тонком изяществе и удивительно уравновешенной ритмике, с какой опоясывал скульптуру извивающейся змеей спиральный узор.

Однако древний сибирский жезл с кольцом требовал не поверхностного суесловия, а самого кропотливого и системного изучения, объяснения тех загадочных знаков, которые древний мастер превратил в великолепный узор.

МУДРОСТЬ ЗМЕИ

Работа началась с кропотливого (с помощью микроскопа) осмотра и переноса на бумагу изображения лунок, продавленных разнофигурными каменными штампами. И тут обнаружилось, что спирали раесекаются на отдельные ленты, а те, в свою очередь, разделяются на извивающиеся зигзагами строчки. Строчки же состоят из определенного количества точечных вдавлений.

Самое же удивительное было в том, что числовые сочетания суммы этих вдавлений в каждой из лент составляли ряды, полные какого-то затаенного смысла.

В чем же все-таки этот смысл?

На этот вопрос ученым ответить еще предстояло. Но уже за самим явным присутствием смысла в этих скучных рядах чисел, оставленных рукой древнего человека, улавливается трепетное биение мысли.

И первое, что обращает на себя внимание, это кратность трем количества лунок в отдельных лентах спиралей. Такой закономерности не подчинены лишь ленты 173 и 187. Но у основания они совмещены, и общая сумма их лунок (360) все же подчинена этой закономерности.

Вторая особенность — количество лунок в лентах спиралей, если так можно выразиться, календарно по характеру. В самом деле: лента 45-я отражает продолжительность полутора лунных месяцев и восьмую часть солнечного года; 177-я — половину лунного года и количество суток от осеннего до весеннего равноденствия; 207-я — половину лунного года плюс 1 месяц; 173-я — половину так называемого драконического года, играющего особую роль при определении времени возможного затмения; 187-я — количество суток от весеннего до осеннего равноденствия; 273-я — 10 сидерических (звездных) лунных месяцев, или три четверти солнечного года; 3-я — три дня полная Луна наблюдается не-

вооруженным глазом без каких-либо признаков ущерба; в такой же календарный период, известный как новолуние, Луна может быть не видна на небосклоне; 1065 — общее количество лунок, выгравированных на поверхности скульптуры, составляет три лунных года плюс два дня.

Разумеется, все при желании можно объяснить случайностью. И все же трудно вообразить, что при гравировке специального орнамента древний художник и скульптор Сибири разметил лунки в лентах так, что их количество в каждой из лунок, помимо его воли и разума, оказалось кратным трем и столь же непреднамеренно отразило примечательные календарные блоки счета времени по Луне и Солнцу.

Этот вывод нашел затем дополнительное подтверждение при анализе календарных лунок в отдельных строчках, которые, змеевидно изгибаясь, образовывали «гравированное поле» каждой из лент спиралей. Пусть читатель поразмыслит сам, мог ли определить слепой случай подобную числовую ритмику:

Лента 45 состоит из строчек 11—11—11—12

Остальные ленты — 177: 43—44—44—46

— 207: 47—52—52—56

— 173: 57—58—58—56

— 187: 59—64—64

— 273: 65—68—70—70

— 3: 1—1—1.

Как можно без труда заметить, в этих числовых рядах обращают на себя внимание строчки лент, которые не отличаются друг от друга по количеству лунок. В первой и последней лентах они повторяются трижды: 11—11—11 и 1—1—1, а во всех остальных — дважды: 44—44; 52—52; 58—58; 64—64; 70—70. Кроме того, есть ленты, где близкие по количеству лунок строчки отличаются друг от друга всего лишь на единицу: 46—47; 56—57; 58—59; 64—65. Нельзя не заметить и того, что

количество лунок в строчках при переходе от ленты к ленте постепенно возрастает, как бы жестко диктуя направление и порядок переходов от строчки к строчке и от лент одной спирали к лентам другой:

11—11—11—12—43—44—44—46—47—52—
—52—56—57—58—58—59—64—64—
—65—68—70—70— 1— 1— 1.

Продуманность и преднамеренность такой числовой ритмики выглядит в особенности значительной, если обратить внимание на то, что в строчках лент просматривается примечательность не только математическая, но и календарная. В самом деле, все строчки, начиная с той, в которой размещено 43 лунки, и кончая той, где их 70, тоже календарные по характеру. Эти числа составляют блоки лунного календаря от полутора до двух и одной трети лунного месяца. Итак, если справедливо давно высказанное мнение, что спираль есть наиболее выразительное и емкое отражение в орнаментальном искусстве *идеи времени*, то узор из лунок на Ачинской скульптуре из бивня мамонта можно рассматривать как первое и уникальное для древнего мира подтверждение этой гениальной в прозорливости мысли. В свете сказанного представляется, что извивающиеся ленты спиралей не даром напоминают тела змей: ведь они в мировой мифологии всегда считались воплощением мудрости и хранительницами священных знаний.

Далее предлагается один из возможных вариантов подбора ключа к разгадке тайны древнего жезла.

Если направление и порядок переходов Луны от одной строчки лент одной спирали к строчкам и лентам другой понят и расшифрован правильно, то остается решить: с какой лунки и с какого конкретного дня начинал счет времени древний сибиряк? Ответ подсказывают ленты 177-я и 187-я, которые отражают календарные периоды от осеннего до весеннего равноденствия и наоборот. Поскольку эти ленты занимают совершенно

определенное место в числовом ряду, приведенном выше, то ясно, что на первую ленту 45 должно прийти лето, за которым как раз и следовали осенне-зимний сезон ленты 177, весенне-летний сезон — 207, осенне-зимний — 173 и т. д. Отсюда был сделан вывод, что первая лунка в ряду строчек 11—11—11—12 ленты 45 отражала сутки, близкие к летнему солнцестоянию 22 июня. Что касается того, какая это была фаза Луны, то было признано целесообразным считать, что ночное светило находилось тогда в состоянии полнолуния.

Наложение при проверках и экспериментах современного астрономического календаря на строчки лент спиралей показало, что при соблюдении вышеуказанных условий трехлетний лунный календарь древнего человека Сибири начинался с *трех дней полной Луны* ленты 45 в июне и через 1062 суток завершался в мае *тремя днями полной Луны*, которые приходились на ленту 3. Эффектности и остроумию древнейшего календаря сибиряков трудно не отдать должное!

Читатель, знакомый со сложностями структуры древних календарей, может задать каверзный вопрос: если спирали на скульптуре из Ачинска действительно представляют собой отражение не просто идеи времени, а точный, выверенный до суток трехлетний лунный календарь, то как практически велось счисление времени? Ясно же, что сам по себе лунный календарь не может долго использоваться, поскольку отставание его от солнечного вскоре окажется настолько губительным, что начнется непоправимая путаница с сезонами и стабильность систем счета времени разрушится до основания. Выход предлагается такой: после трех лунных лет к календарю следует добавить один дополнительный лунный месяц, но сделать это надо так, чтобы полная Луна вновь пришла на первую лунку ленты 45. Через 18 лет, то есть после шестикратного прохода Луны по «спиралям времени», следует добавить два лунных месяца и с тем же неизменным условием перевода ночи полной Луны на

первую лунку ленты 45. Это придаст календарю на скульптуре из бивня мамонта достаточную стабильность, и он приобретет характер вечного.

Предложенная расшифровка «орнамента» может, разумеется, вызвать яростный протест тех, кто, как и их предшественники сто лет назад, привык видеть в далеком предке людей всего лишь звероподобное существо. Но тут ничего не поделаешь — ведь речь здесь, в сущности, идет о разных оценках археологами кругозора древнейшего человека. Это он, как можно судить по сценам пещерного искусства, нарядился, как на маскараде, в шкуру бизона и коварно предложил цивилизованным потомкам решить поистине головоломную задачу — кто на самом деле замаскировался в этом живописном карнавальном костюме детства человечества?

ЛУННЫЕ ЗНАКИ

Сдвиг порога появления на Земле предков человека к 4 000 000 лет, а его предшественников из мира антропидов и того больше — к 12 000 000, произвел революционный переворот в представлениях о временных масштабах эволюции первобытного общества. «Постарение» человечества почти в три раза по сравнению с недавно принятым возрастом заставило часть археологов по-иному взглянуть на достижения древних людей в области духовной культуры.

У академика, математика и геолога Эли де Бомона, секретаря Французской академии наук, был почти двадцатилетний опыт отеческого (в ученом смысле слова) вразумления одержимого любителя археологии из городка Аббевиля Буше де Перта. Этот таможенный чиновник еще в 1837 году вознамерился ниспровергнуть ни больше ни меньше как тривиальную в простоте истину — человечество начало отсчет своей истории всего 6000 лет назад, то есть со времени последнего великого

потопа, документальный рассказ о чем сохранила священная Библия. Ему, видите ли, не представлялись убедительными и доводы о том же гениального творца теории природных катастроф, великого естествоиспытателя Жоржа Кювье. А все дело в том, что Буше де Перт нашел на многометровой глубине в речных отложениях Соммы какие-то подозрительного свойства камни и усмотрел на них следы искусственной обработки. Поскольку вместе с такими псевдоорудиями в том же слое встречались кости вымерших слонов и носорогов, тотامةжник пришел к заключению, что на них значительно раньше 6000 лет назад охотился некий «человек природы». В те времена, оказывается, на Земле жили, смешно сказать, «допотопные люди»!

Наставление академиком заблудшего в ересь любителя на путь истинный затянулось, однако, на годы. Порой изнемогающий от «вразумлений» Эли де Бомон шел скрепя сердце на компромисс. Ну, хорошо, пусть так называемые оббитые камни в самом деле не игра природы и действительно обработаны человеком. Но согласимся, что их могли оставить на берегах Соммы римские легионеры. Это они в славные времена Юлия Цезаря строили военные лагеря здесь, под Парижем, в холодных землях варваров — кельтов и их ужасных жрецов — друидов, которые любили приносить на алтари своих языческих богов человеческие жертвоприношения. Слонов же и (чего в старину не случалось) носорогов тоже могли привезти с собой воинственные римляне.

Все было тщетно. Более того, как показала вышедшая в 1857 году книга Буше де Перта «Кельтские допотопные древности», он не ограничился рассуждениями о грубо оббитых каменных орудиях «человека природы». Ниспровергатель истин объявил об открытии камней, которые были оценены им как скульптуры, то есть первозданные и невиданно древние образцы искусства. Дальше — больше, и час от часу не легче: в них Буше

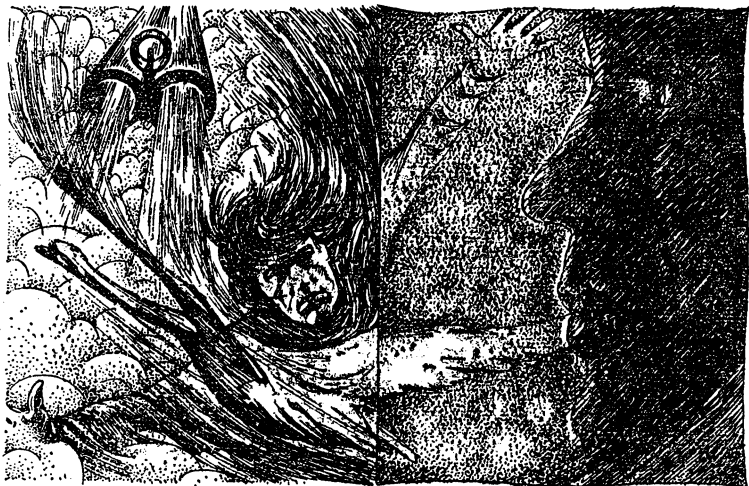
де Перт усмотрел отражение потребностей допотопного человека в сфере не материальной, а духовной. За образами художественного творчества «человека природы» ему грезились признаки существования у первобытных людей суеверий, религии и культов, «рожденных любовью или страхом». Дилетант от археологии осмелился даже определить, кто мог стать для них «предметом культа». Разумеется, не благостно чтимый рабами божьими всевышний, а разное подлое, низменно-языческое: то, что, как он писал, «можно было ощущать и воспринимать — Солнце, Луна, звезды, деревья, животные».

МЕТКИ НА ПАМЯТЬ

Что, однако, вынудило Эли де Бомона вознегодовать с особой яростью, так это уверения Буше де Перта о знании допотопным человеком счета, обладании им «инструментами для измерений», то есть, в сущности, убежденность в познании дикарями глубокой древности азов как арифметики, так и геометрии. Такой вывод позволили сделать ему несколько древних костей, на поверхности которых первобытный человек будто бы наносил насечки, составляющие группы от 20 до 50 меток. Оценивая назначение их, Буше де Перт писал, что они напоминают ему «метки на память, вроде тех, которыми пользуются наши булочники». Конечно, такие наивные сентенции только шокировали академика строгой науки, а количество черточек на костях могло даже навести его на бредовую мысль, что первобытный человек десятки тысячелетий назад знал десятичную систему счета. И все это, пардон, во времена, когда у Версаля бродили волосатые мамонты и свирепые шерстистые носороги?!

Такое нельзя было расценивать иначе как вызывающе дерзкое покушение на устои. И произошло невиданное — «двое несовместимых», академия и церковь, со

всеуничтожающей мощью своего авторитета вместе, но с разных сторон обрушились на крамольника. Святые отцы призвали поскорее запретить чтение зловредно-богохульных сочинений Буше де Перта как противоречащих духу священной Библии, а общество исследователей старины в Пикардии на конгрессе в Лионе объявило находки таможенника из Аббевиля «не имеющим ценности хламом». В свою очередь, потерявший наконец терпение и сдержанность Буше де Перт отвечал не

менее резко: «Я стою против огромной стены, против огромной одушевленной стены, имя которой академия...»

Победа противников его оказалась, однако, пирровой. Уже на следующий год после выхода в свет сочинения Буше де Перта, 26 августа 1858 года, на Сомму прибыли те, кого он позже возвышенно назвал «людьми науки и совести» — Чарлз Лайель, Джон Эванс и Хью

Фальконер. Поистине, нет пророка в своем отечестве — на заседании Британской ассоциации наук один из них так сформулировал мнение английских исследователей о камнях из Франции: «Находки на Сомме не составляют сомнений — человек был современником вымерших животных — мамонтов, носорогов, бизонов и северных оленей». Затем прошло еще три года, и особо удачливому в поисках древностей Франции мировому судье из департамента Жер Эдуарду Лартэ посчастливилось обнаружить предметы искусства древнекаменного века и кости с определенным образом сгруппированными зарубками, черточками и лунками. Лартэ оценил загадочные пиктограммы как знаки счета, нумераций и собственности, метки для распознавания и игры и даже (запомним это хорошенько!) «для счета временных периодов».

А как же академик Эли де Бомон? Обстоятельства вынудили его наконец иначе взглянуть на «домогательства» беспокойного Буше де Перта. Теперь, чтобы избавиться от малопочтенного клейма ретрограда, он при очередном открытии таможенника (речь шла о находке им человеческой челюсти), самолично поторопился объявить о таком выдающемся в науке событии. Публика, сразу же переметнувшаяся, естественно, в своих симпатиях к другому, могла оценить это как предложение академией мира тому, кого она на глазах у всех «вразумляла» почти четверть века. Но случилось так, что Эли де Бомон, к неописуемой своей досаде и стыдливому смущению коллег, вновь попал в курьезный переплет. Как вскоре выяснилось, челюсть та была не допотопная, а современная. Ее подбросили в раскоп добряки рабочие. Им, оказывается, очень хотелось порадовать безмерно увлеченного Буше де Перта, который постоянно говорил землекопам о мечте жизни — найти костные останки своего детища, «человека природы».

„Прошло сто лет, и случилось так, что однажды стало ясно — не ушли в небытие старые страсти. Они, оказывается, просто тлели под пеплом мнимого забвения, но были всегда готовы при благоприятном случае вспыхнуть яростным пожаром. Он в самом деле воспламенился, и виной тому стало, как это ни покажется парадоксальным, вступление человечества в космическую эру. Между тем ничего странного в том нет. Запуск первого спутника Земли, а затем и выход человека в космическое пространство поневоле обратили историков науки к размышлениям о том, как и когда земляне начали, не отдавая, разумеется, в том отчета, подготовку к самому великому из своих свершений. Иначе говоря, речь шла о выявлении истоков наук, о началах познания мира, окружающего Землю, об изучении неба.

Теперь же, обращаясь к перипетиям истории, события которой растянулись на сто лет, можно оценить ее не столько как примечательную, сколько нравоучительную. Почтение к предкам всегда утверждалось и ценилось человечеством. Что же касается деятеля интеллектуального труда, то он, выходит, должен чтить не просто предка, но уважительно относиться к нему как к коллеге-предшественнику.

КАМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

«Конь-камень» — загадка, и к ее разгадке мы приближаемся издалека. Эта гигантская глыба камня, известная в литературе более ста пятидесяти лет, стоит или, точнее, лежит на берегу излучины реки Красивая Меча.

А мы — это небольшая группа членов Географического и гео-астрономо-геодезического общества. Весь свой досуг мы посвятили сбору информации о стоячих камнях, группах стоячих камней в Московской и смежных с ней областях. Практически нас интересуют все стоячие и лежащие камни на территории центральной части Восточной Европы. Основные наши инструменты: мензулы, фотоаппараты, рулетки, транспортиры, компасы и т. п. Поначалу, а это было лет пять тому назад, мы пытались разыскать астрономически ориентированные отдельные мегалиты и мегалитические сооружения в центральной части Восточной Европы. Но вскоре выяснилось, что никаких таких сооружений нет, а возможно, и быть не может на этой территории. И мы стали просто заниматься сбором информации о стоячих и лежащих камнях.

Стоячих камней в мире много. Больше всего их найдено на территории Западной Европы, Азии.

А вот в центральной части Восточной Европы стоячих камней нет или о них попросту не упоминается в этнографической, археологической, исторической и краеведческой литературе, за исключением разве что Пермского стоячего камня.

Зато лежащих камней много. Можно сказать, что их больше чем достаточно. Это валуны — песчаниковые, гранитные, обломки гранитных и песчаниковых скал, гранитные и песчаниковые плиты. В большинстве случаев они настолько поросли грунтом, что их стараются

не тревожить со времени начала эпохи земледелия в центральной части Восточной Европы. Вес лежащих камней от нескольких центнеров до нескольких десятков тонн, как, к примеру, всем известный лежащий камень на берегу Плещеева озера в Переславле-Залесском. Неизвестно, какую информацию они несут, если даже расположены вдали от выходов песчаника, гранита. Находятся они на косогорах, холмах, в оврагах и лощинах. Принесены ли они туда людьми и ими же повалены, или извечно лежат там, где их оставил ледник — этот могучий, как нас уверяют археологи, и гляциологи, и геологи, сеятель камней?

Другое дело — стоячий камень. Если камень торчит из земли в вертикальном или наклонном положении, то в подавляющем большинстве случаев в его установке замешан человек. Назначение стоячих камней в древности — это тоже одна из загадок. Однако есть они или действительно их не существует на территории центральной части Восточной Европы?

...Первая находка стоячего камня была сделана нами на... всем известном Куликовом поле. Три года тому назад мы случайно набрали на два стоячих камня в овраге Рыбьем на Непрядве, возле села Монастырщина Кимовского района Тульской области.

Стоячими камнями оказались две крупных плиты песчаника, врезанные в землю миниатюрного амфитеатра на крутом склоне глубокого оврага. Одна из плит четко смотрелась врытым треугольником, светлеющим на фоне зелени травы; вторая, чуть пониже, производила впечатление грубо сработанной скульптуры лежащей коровы с головой, обращенной к треугольнику из камня.

Стоячие камни, скрытые от постороннего глаза в глухом овраге! Было от чего прийти в волнение. По приближении впечатление рассеялось. Про треугольник из старого песчаника (так и хочется сказать — замшелого) можно было сказать, и то глядя на него с севера, что это своеобразный треугольник, причем треуголь-

ник равнобедренный. Его высота — 0,85 метра, длина основания — 2,88 метра. Что же до второго камня, то это была бесформенная плита высотой в 2 метра и длиной 4,5 метра. В верхней части плиты — изображение, похожее на перевернутую рыбу. Северная сторона плиты заросла доверху или, возможно, была завалена до половины и уже заросла позже. Треугольная плита была ориентирована вдоль плоскости точно с запада на восток: овальная — на несколько градусов к югу. Это были первые стоячие камни на исхоженном вдоль и поперек Куликовом поле. Сколько сотен лет тому назад вкопаны были эти камни, мы сказать не могли: под ногами лежал слой земли не меньше метра, а быть может, больше, тогда как на крутом овражном склоне, чуть выше, сквозь траву просвечивала глина.

Начались эксперименты. Способ экспериментов с макетом треугольника плиты на Солнце был выбран нами правильно. Треугольная плита оврага оказалась при проверке указателем тени «вечных» каменных солнечных часов типа треугольника, если бы, конечно, точка восхода не двигалась медленно, но неуклонно в результате прецессии земной оси с периодом в 25 920 лет. При наблюдении над макетом нам удалось также понять, откуда на Руси такие низкие кровли в отличие от западных — высоких; почему в торцах крыш изб прорезалась круглая дырка, а иногда и в орнаментировке розеток в виде шести- и восьмиугольников, так называемых «громовых знаков»*. Затем нами были сконструированы протославянские, славянские, славяно-русские солнечные треугольные часы, какими они были тысячу лет тому назад. Описание к солнечным треугольным деревянным русским часам XVII века мы разыскали в описаниях русского астрономического общества. Это были русские деревянные треугольные солнечные часы с подвижной шкалой времени, с круглой большой дыр-

* См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.

кой в середине, маленькой — в одном из ребер, с нитью и гирькой отвеса. Калибровка часов производилась по высоте Солнца в полдень дней равноденствия для данной местности. Свое конечное воплощение русские деревянные солнечные часы нашли в солнечных часах академика Глазенапа — «солнечном треугольнике», в «солнечном кольце».

И все же треугольная плита оврага Рыбий оставалась камнем с загадочными свойствами. Дело в том, что в камне был воплощен равнобедренный треугольник с углом в 120° при вершине и 30° при основании. Кто же не знает, что треугольники подобного вида легко делятся на два прямоугольных треугольника, в каждом из которых сторона, противолежащая углу в 30° , равна половине гипотенузы? Две плиты типа треугольной равнобедренной плиты оврага Рыбий давали ромб, когда их сдвигали основаниями. Правильный ромб. Три плиты, составленные между собой основаниями, образовывали шестиугольник, как «громовый знак» или «знак Солнца» со вписанным в него равносторонним треугольником! Кто, когда и зачем с таким педантизмом упражнялся в геометрии на Куликовом поле? Ведь шестиугольник как определитель направлений на солнцевосходы и солнцезаходы в особенные дни относится к девятому тысячелетию. А треугольник с тупым углом в 120° может быть еще и указателем пределов угла между точками восходов солнца в дни зимних и летних солнцестояний! Кто вел если не систематическую геометрическую запись, то спорадическую (то есть время от времени) и почему вдруг прекращал ее? Можно спросить, а как, к примеру, было в Стоунхендже в Англии и в Силезии на горе Собутка? Ведь и там точно так же начинали как будто с вдохновением: тащили и перетаскивали с места на место гигантские глыбы песчаника, тасали их, ставили; одни валили прочь, оставляя здесь же, другие перемещали; не достраивали до конца, бросали, начинали снова.

Временами казалось, что мы стоим на пороге открытия неизвестной и миру и науке какой-то древнейшей солнечной астрономической обсерватории в самом центре Восточной Европы. Кто из посещавших Куликово поле удалялся к востоку от памятника воинам, павшим в Куликовской битве на полтора-два километра, чтобы взглянуть на каменную свалку в ложине бывшего ручья Курцы*? Мы обследовали и раз, и два раза каменную свалку вдоль берега бывшего ручья Курцы, уходя по его течению все дальше. И наткнулись на камень еще более загадочный, про который сказать, какой он, лежащий или стоячий, было трудно. Местные жители зовут его «Цыганским». По внешнему виду это лежащий камень тонн на двадцать. Первое впечатление — на пологом склоне ложины бывшего ручья Курцы лежит белый череп гигантской лошади. Череп из песчаника. Отличает его от всех прочих в мире камней, стоячих и лежащих, сквозное конусообразное отверстие. Можно головой влезть в такой «окуляр»! Головой! При этом видишь отверстие объектива, подобно широко раскрытому глазу птицы, на расстоянии в шестьдесят сантиметров от собственного глаза. «Глаз» ярко-голубой. А опустил голову чуть ниже, этот «глаз» сузится до аналога равнобедренной треугольной плиты оврага Рыбий на Непрядве. Теперь вводи в тупой верхний угол треугольного «объектива» «телескопа» край восходяще-заходящего Солнца, Луны, звезд, неподвижный участок звездного неба...

Камень странный, что и говорить. Был смысл искать треугольные плиты в вывале камней вдоль течения бывшего ручья. Пусть не с загадочным в 120° углом, но с любым. И они были найдены в небольшом количестве. То были плиты и камни и с углами в 112° ,

* Курцы — не латинское, не немецкое, не финское, а славянское. Курцы — это поперечные лыка на обушке лаптя. В лапте 10 курцев. Перетираются в первую очередь курцы. Потому и бытовала поговорка: «В дорогу идти — пятеро лаптей плести».

и в 108° и меньше. Теперь странные упражнения в каменной геометрии стали очевидными и здесь, в долине Курцы. Нашлись не только солнечные часы с указателем типа вертикального стержня, вставленного в скважину на камне рядом с углублением для уровня воды, но и наклонные, или «полярные», часы с указателем тени — стержнем, направленным на полюс мира. Оставалось лишь найти шаблон, по которому приготавливались треугольные плиты, хотя бы такие, как в овраге Рыбий на Непрядве, и с помощью которого сначала расчерчивались, а потом вырубались треугольники из камня. Нашли мастерскую. Шаблон был круговой, как казалось, незавершенная плита с концентрическим круговым вырубом в геометрическом центре сколотой плиты. По дну неширокого, в два пальца шириной и глубиной выруба шли мелкие поперечные насечки, принятые нами поначалу за веревочный орнамент, тот самый орнамент, которым украшены многие керамические сосуды неолита.

Диаметр кольцевого выруба был в шесть раз меньше диаметра незавершенной круговой плиты. Приближение к удвоенному числу два «пи» было поразительным для эпохи, отодвинутой от нас на несколько тысячелетий. Плита насчитывала три хордовых среза. Один из срезов, параллельный большему и отмеченный треугольными зарубками и пошлифованный когда-то, давал сторону уже не шести-, а восьмиугольника, как «знака Солнца», более раннего, чем шестиугольник. А длина кольцевого выруба оказалась одной шестой частью окружности круговой незавершенной плиты. Эта дуга была как бы вырвана из окружности, закольцована, уложена в геометрическом центре, а затем вырублена. И нужно ли говорить, что веревка толщиной в полпальца, трижды закольцованная в вырубе на плите, затем встряхнутая и предложенная как новый радиус, выполняла роль пантографа по расчерчиванию треугольных плит.

Были обнаружены и остатки мастерской. Круг каменных нетрадиционных инструментариев по слежению за восходом Солнца в дни солнцестояний, равноденствий расширялся. Исключить треугольные плиты уже было невозможно. А камень, находящийся на две трети в земле, тот самый, в отверстие которого можно было заглянуть и увидеть в нем кусочек неба, оказался не лежащим, а стоячим. Создавалась его модель из пластилина. Миниатюрная модель.

Миниатюрная модель «каменный телескоп», приготовленная из пластилина, почти точная копия камня со сквозным отверстием и весом в сорок тонн, вела себя как телескоп. Она легко разворачивалась вокруг вертикальной оси и еще легче — вокруг горизонтальной от легкого нажима концом спички. Английский Стоунхендж потускнел. Там — гигантские трилиты, неуклюжие, вкопанные в землю. Здесь — каменные инструментарии, самым совершенным из которых был «телескоп», как фантастика в каменной реальности. Однако с помощью этого «телескопа», по-видимому, был обнаружен неподвижный участок в небе, которое раньше казалось сложным и текучим. Был найден полюс мира. Невидимая земная ось прошла сквозь Куликово поле. Небо упорядочилось и закружилось вокруг невидимой оси.

На Куликовом поле было обнаружено три каменных инструментария: треугольные плиты, «телескоп», круговая незавершенная плита. Но зачем? Зачем в столь отдаленную эпоху так были важны точные сведения, где восходит солнце и где оно заходит с точностью до градуса?

1. КЛАСС ТОЧНОСТИ

Наиболее исследованный каменный комплекс — это, конечно, Стоунхендж. Ни для кого теперь не загадка, с какой целью было построено это сооружение: для

определения азимутов восходов Солнца в день летнего солнцестояния. Чтобы определить азимут Солнца в день летнего солнцестояния, необходимо по крайней мере знать, где находится точка севера, если мы говорим об азимуте в современном понимании. Строители Стоунхенджа знали или не знали, где у них север и где юг? Вот вопрос, который невольно задаешь, когда читаешь теперь уже бесчисленную литературу о восьмом чуде света. Ни предшественники профессора Хокинса, ни Д. Вуд, ни Р. С. Ньюэлл, ни С. А. Ньюэм ничего не говорят нам о часах-полудниках, очевидно, уже существовавших в неолите. Или в 1800 году до н. э. в древней Великобритании не было солнечных часов, люди не умели находить полуденную линию, время полудня? Правда, Дж. Хокинс в схему всех направлений, найденных в Стоунхендже I, включает найденные равноденственные линии для Солнца. Но если к тому, что строители Стоунхенджа не имели понятия о простейших солнечных часах, добавить, что центр Стоунхенджа вообще никогда не раскапывался, по общему признанию его исследователей, и неизвестно, есть там лунка от камня или нет, то как можно говорить и писать о Стоунхендже как астрономической обсерватории? Камень, стоящий в центре, делает невозможным направление на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния. Кто читал работы английских археоастрономов или археологов о Стоунхендже, очевидно, обратил внимание на то обстоятельство, что вход в первоначальный Стоунхендж был несколько левее так называемого Пяточного камня. Ряд лунок от столбов типа А говорит о том, что впервые строители Стоунхенджа I уже «запрограммировали» эту лабораторию на несколько тысячелетий вперед и, очевидно, пользовались направлениями на точки восходов Солнца в день летнего солнцестояния задолго до того, как был установлен Пяточный камень, находящийся на прямой с лунками типа А. Возможно, что этот гигантский камень и переносился

вправо по мере того, как точка восходов Солнца медленно сдвигалась вправо. Каковы размеры лунок типа А, в работах о Стоунхендже не сообщается. Если же в центре Стоунхенджа стоял камень, а, по-видимому, все же камень там стоял, причем тот самый, на который все исследователи Стоунхенджа обращают внимание как на особенный — с вкраплениями слюды, делающими этот камень сверкающим на солнце (разумеется, после предварительной его очистки), то... можно попросту стать спиной к тому камню, провести серию тех же наблюдений, которые сделали Дж. Хокинс и другие. Но тогда вновь и вновь возникает назойливый вопрос «зачем?». Зачем нужна была такая точность? Спасаясь от ответа на вопрос «зачем?», Дж. Хокинс высказывает соображения, что «солнечнолунные направления в Стоунхендже были установлены и отмечены по двум, возможно, по трем причинам: они служили календарем, особенно полезным для предсказания времени начала сева; они способствовали установлению и сохранению власти жрецов, так как позволяли жрецам устраивать театрализованные представления по наблюдению восходов и заходов Солнца и Луны, особенно восхода Солнца над Пяточным камнем в день летнего солнцестояния и захода Солнца в арке большого трилита в день зимнего солнцестояния; возможно, они служили также для чисто интеллектуальных упражнений». И все же зачем такая точность наблюдений до 1°?

Профессор Аткинсон, Ф. Хойл, Дж. Вуд как могли сгладили «метод грубой силы», который Дж. Хокинс применил в отношении доказательств значимых направлений в Стоунхендже, снизили, если можно так сказать, класс точности, но запутались в календаре. Календарь, к примеру, Дж. Вуда не выдерживает критики. Принятие календаря Дж. Вуда только повышает класс точности. Между прочим, из каждого астрономического ежегодника следует, что Солнце в дни летнего солнце-

стояния, как и в дни зимнего, восходит и заходит при одном и том же азимуте. И если исключить 18 дней, когда Солнце «топчется» при одном и том же азимуте восходов и заходов летом, и 23 дня — зимой из счета дней в календаре солнцепоклонников вообще, «действительных» останется только 324 дня вместо 365 «наших». А, по-видимому, так оно и было. Если божество стоит или топчется на одном и том же месте, словно готовясь к новому прыжку, разве может протекать время? Да его, времени, нет в солнечных обсерваториях Великобритании. По крайней мере, мы не знаем, были ли там вообще какие-либо солнечные часы, или их вовсе не было.

Однако общему умолчанию археоастрономов о простейших солнечных часах-полудниках противоречит захоронение неандертальцев в направлении запад-восток, которое может быть получено лишь с помощью слежения за тенью от вертикального стержня.

И все же, почему было такое пристрастие древних к столь высокой точности при определении точек восходов и заходов Солнца?

Астрономы Куликова поля, имея в распоряжении каменные инструментарины, отличные от каменных инструментаринов древних британцев, также стремились к точности установлений — в какой точке горизонта восходит и заходит Солнце в особенные дни — и, по-видимому, применяли для этого большое количество солнечных часов, плит и даже «телескоп», позволяющий улавливать склонение Солнца с точностью до 1° , загоняя при этом солнечный диск или звезду в тупой угол треугольника — «объектива». Зачем был нужен столь высокий класс точности в наблюдениях за Солнцем, звездами, планетами, Луной людям, жившим тысячи и десятки тысяч лет тому назад?

2. НАЧАЛО ЯЙЦЕКЛАДКИ

Теперь нам предстоит очень далеко отойти от всех без исключения камней, стоячих и лежачих, в том числе от Стоунхенджа и каменных инструментариев солнечно-звездной астрономической обсерватории на Куликовом поле, чтобы ближе подойти к разрешению вопроса «зачем?».

Воспользовавшись работами членов ВГО В. Д. Херувимова и И. И. Херувимовой, мы установили, что начало яйцекладки птицами, гнездящимися в Тамбовской области — а это совсем недалеко от Куликова поля, — подчинено таблице. Из этой таблицы следовало, что каждый вид птиц, гнездящихся на определенной широте, имеет свои более или менее приближенные даты, когда следует откладывать яйца, а когда выводить потомство. Начинали таблицу ворон и сизый голубь — 14 марта, а закончил ее зеленый пересмешник — 19 июня. Оказалось, что различные виды птиц откладывают яйца на протяжении трех с половиной месяцев. Если точно знать, когда каждый вид птиц их откладывает, то можно пользоваться свежими яйцами, начиная с 6—9 марта по день летнего солнцестояния — 22 июня и даже протянуть до первого июля. Из других источников мы узнали, что на определенной широте каждый вид съедобных ягод тоже имеет вполне определенные календарные сроки созревания. То же относится и к плодам деревьев. Черника созревает 2 июля, малина — 23 июля, ягоды боярышника — 13 августа. А грибы? Подберезовики в изобилии появляются с 28 мая до половины июля, маслята — с 29 мая весь июнь (их последний срок 1 октября). Белый гриб появляется 10 июня и встречается до сентября. Подосиновик — с 21 июля по октябрь. Лисички — с июля по октябрь. Рыжики — в сентябре — октябре. Грузди — с 30 июля до 12 сентября. Опенок осенний вызревает в первой половине сентября. А лесной орех? А лох, кото-

рый становится съедобным, когда ударят морозы, завьюжат метели? А рябина? А облепиха?

Далее мы попытались разделить историю человечества (в окрестностях Куликова поля) на четыре эпохи. Первую эпоху мы назвали эпохой собирательства. Эта эпоха была столь продолжительной, что архантропы и палеантропы — люди этой эпохи — не могли не обратить внимания на Солнце и на собственную тень, которую замечают все высокоразвитые млекопитающие и птицы. Мы приняли как допущение, что зимний холод и снег заставили человека также обратить внимание на то обстоятельство, что птиц можно приручить, что самки кабанов, коз отдают молоко на воспитание потомства. Началась эпоха приручения животных, зверей, птиц. Теперь необходимыми для людей стали даты выхода птенцов из гнезд, появления потомства у зверей, животных. К этому периоду развивающееся человечество жило в экологическом равновесии со средой — мы имели в виду птиц — и уже не разоряло гнезда, а берегло их и не выхватывало всех яиц из гнезд, а выбирало. С такой же очевидностью можно сказать, что подобным образом люди стали жить и с окружавшим их животным миром, используя прирученных птиц против птиц и зверей; зверей против животных, примером чему являются изображения собак на камнях. Далее мы предположили, что за эпохой приручения животных пришла эпоха скотоводства, а тот же долгий голодный зимний период заставил людей сеять злаки на прокорм животных. Наступила эпоха земледелия. Земля покрывалась посевными площадями.

3. СЕМЬ ЗЕМЛЯНЫХ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ МЕЖ КАК РАДИУСЫ КРУГА

Пока все наше свободное время было отдано расшифровке и экспериментам на Солнце с круговой незавершенной плитой, найденной на дне оврага Сабуров,

о месте каждого каменного инструментария в системе разрушенного каменного комплекса солнечно-звездной обсерватории на Куликовом поле думать было некогда. Плита, что и говорить, орешек крепкий. Среди отдельных мегалитов и мегалитических сооружений нужно было найти хоть какие-нибудь аналоги Сабуровской плиты, чтобы понять, что это такое. К счастью, аналоги были найдены. Это были Ахнабрекская плита в Великобритании и Мецаморская плита в Армении. Обе плиты не были, конечно, круговыми, но на них имелись концентрически-кольцевые вырубь с числом от двух до четырех. Зачем? Предположив по количеству нанесенных колец и наличию чашевидных углублений, что Сабуровская плита старше Ахнабрекской плиты и Мецаморской, мы попытались отыскать, какое место Сабуровская плита занимает в воздействии на формы предметов быта. Дуга, равная шестой части длины окружности, вырваная или вынутая из окружности, закольцованная и уложенная в центре плиты, почему-то ассоциировалась с поздней библейской легендой о происхождении Евы из ребра Адама. Когда мы убедились, что перед нами шестиугольник, овеященный в камне, причем не просто шестиугольник, а шестиугольник, от которого как бы отторгнут равнобедренный треугольник с растворов бедер треугольника оврага Рыбий, мы попытались путем раскроя шестиугольника и усечений треугольников воссоздать формы некоторых известных нам мегалитов, мегалитических сооружений и предметов быта. Самые распространенные стоящие отдельно камни на Кавказе, в Забайкалье, Туве, Монголии — это стелы. Форма стелы соответствует форме каменного треугольника оврага Рыбий, закопанного острым углом.

Получили мы чертежи и дольменов — домиков из плит с круглым отверстием входа, — сооружений, широко распространенных на Северном Кавказе, в Средиземноморье, в Испании и Португалии. Нашли мы объяснение конфигурации торцевых сторон протосла-

вянских и славянских кровель, круглое отверстие в крышах которых служило для прохождения солнечного луча, а в дни зимнего солнцестояния — фиксации пятна на торцевой стене сеней избы. Появление яркого круглого солнечного пятнышка на торцевой стене сеней говорило владельцу дома о том, что «солнце пошло на лето, зима — на мороз», а высокие западноевропейские кровли, в том числе и высокие шатры православных церквей и католических соборов, были поначалу не чем иным, как солнечными меридиональными календарями: стоило повертеть дырку в стороне шатра, обращенной к меридиану (на юге), как внутри шатра ровно в полдень появлялся солнечный луч, с помощью которого можно было создать календарь.

Правда, поначалу этот календарь был примитивным, но все же он вполне удовлетворял оседлые земледельческие народы, вплоть до создания католического календаря и православных святцев. Что же касается разнообразных предметов культа и быта славян-солнцепоклонников, то достаточно было знать немного о пластике, чтобы путем рассечения различными линиями шестиугольника как солнечного знака получить эскизы круглодонной неолитической керамики, бочек, ковшей, обручей, колес со спицами, туесков, корзин, ведербадеек, чашек, ложек, чаш, ступок, веретен, ромбического орнамента — волнистого, треугольного, чугунов, ухватов к чугунам, лодок и корыт-долбленок, как и долбленок-лодок. Все эти и другие воспроизведенные предметы высокой культуры имели «солнечное» происхождение.

Из незавершенной каменной круговой плиты был найден шаблон по расчерчиванию равнобедренных треугольников. Но как была получена сама эта незавершенная круговая плита? Надо было снова обращаться к Солнцу. Каким бы ни было смещение точек восхода и захода Солнца вдоль черты горизонта в дни солнцестояний в течение тысячелетий, как бы ни смещались

точки восхода и захода Солнца в равноденственные дни, как бы, наконец, ни смещался полюс мира среди звезд, для людей, овладевших способом узнавания полудня, полуденной линии, стран рассвета с помощью установленного строго вертикально в землю стержня, север был всегда на севере, а юг — на юге.

Ну а если взять стержень, равный диаметру кольцевого вырубка на плите, а вокруг него начертить две окружности: одну, равную диаметру кольцевого вырубка, а другую в шесть раз большую? Что покажет и о чем расскажет конец тени стержня? И конец тени стержня показал: дважды в год — 13 марта и 26 сентября, — только в эти дни, конец тени стержня рассекает прямой большой внешний круг. В остальные дни года вычерчиваемые концом стержня линии будут кривыми. Из проделанных экспериментов на Солнце с макетом Сабуровской плиты и стержнем на нем следовал непреложный факт: древние астрономы Куликова поля не придавали особого значения точкам горизонта, в которых Солнце не восходит и не заходит; — точкам севера и юга.

Севера и юга в нашем понимании они не знали, хотя и имели вполне определенные понятия о полудне как половине дня, полуденной линии как направлении в то место, где Солнце никогда не появляется. Главными направлениями для них были запад и восток и восток — запад. Это было новым в сравнении ориентаций захоронений в неолите, когда хоронили в направлении на солнцевосходы и на солнцезакаты в дни солнцестояний. Помощь вновь пришла со стороны. Со стороны специалистов по древнему искусству и религии. Подавляющее большинство неандертальцев было захоронено в направлении запад — восток или в направлении, ему противоположном. Астрономическая обсерватория на Куликовом поле в камне сохраняла память о временах более ранних, чем память о шестиугольнике как солнечном знаке. И вдруг новая находка, но уже вне камней стоя-

чих и лежачих. Дело в том, что еще первый серьезный исследователь места Куликовской битвы — тульский писатель И. Афремов, побывавший на вершине Красного холма еще до начала строительных работ для воздвижения колонны, видел, а затем случайно в книжке «Куликово поле» обронил, что «по самому темю вершины, — цитируем по книжке, — Красного холма проходят семь земляных владельческих меж как радиусы круга в разные стороны». Что это, новая загадка? Помещики, владельцы земель в окрестностях Красного холма, решили поделить между собой вершину Красного холма, а вместе с ней и славу задолго до приезда туда тульского писателя? И уж чтобы никогда не враждовать, разделили поровну? Но вот перед нами документ землемера Витовтова, который заверяет, что землями Куликова поля в окрестностях Красного холма владеют пять помещиков, и называет их поименно. Где же еще два помещика? Еще два помещика — церковь с государством? Ничего подобного! Нет документов, что недостающие помещики — это церковь с государством. А быть может, «земляные межи» уже проходили по вершине Красного холма, прежде чем сюда были переселены крестьяне, а затем прибыли помещики? Вопрос о месте Куликовской битвы на Куликовом поле за рекой Непрядвой был поднят вскоре после изгнания Наполеона из России. Значимость Куликова поля стала неуклонно подниматься, появились первые версии о месте битвы. Инициатива в этом трудоемком деле принадлежит помещику С. Нечаеву, декабристу, владевшему землями теперешнего совхоза «Куликово поле». В 1821 году в журнале «Вестник Европы» появляется его первая статья о месте битвы, за ней несколько статей с описанием находок, обнаруженных на Куликовом поле — на пространстве от реки Непрядвы до реки Красивая Меча. Лично С. Нечаеву принадлежало и село Ивановка, и лощина Курцы, где расположены обнаруженные нами каменные инструментариин. Что это?

Либо помещики уже ко времени изгнания Наполеона устроили между собой дележ вершины Красного холма (однако документов этого дележа не найдено)? Или И. Афремов видел то, что и по сей день можно видеть в Мексике, — колесо с семью спицами, между которыми были еще семь едва заметных земляных «спиц»? Или семиугольник, или четырнадцатиугольник как знак Солнца, предшествующий шестиугольнику?

Итак, семь земляных владельческих меж как радиусы круга в разные стороны!

Так же как соотносятся между собой каменные инструменты Куликова поля?

Таким был этот вопрос, заданный нами Куликову полю. Но прежде чем мы как-то попытались ответить на этот вопрос, нас подстерегла и порадовала новая находка. Она относилась к камням — лежачим и стоячим. Дело в том, что, выезжая с Куликова поля автобусами межрайонных сообщений, мы невольно обращали внимание на два странных, на наш взгляд, сооружения. Одно — кольцеобразная с рвом насыпь на вершине какого-то пригорка, где-то вверх по Дону от Непрядвы (по сей день не можем установить, где ее видели, но только не на правобережье Дона, а на левобережье). И другое — светлые камни справа от дороги между Епифанью и Кимовском. Дело, как всегда, происходило после захода солнца. Камни едва-едва брезжили в двухстах метрах от дороги и на небольшом возвышении среди болотца с такими заросшими травой рвами и буграми, что сама мысль вылезти из автобуса и остаться, чтобы осмотреть, что это за камни, повергала в уныние: машины ходят редко, придется проситься на ночь в какой-нибудь дом, а кто рад ночному непрошеному гостю?

А вот когда в нашем экспедиционном распоряжении оказалась легковая машина «Жигули» с водителем-охотником, но платным бензином, я вспомнил о камнях под Епифанью и сделал все возможное, чтобы мы не

попали на Куликово поле через Богородицк, а попали через Кимовск — Епифань. Что собой представляют стоячие и лежащие камни, мы тогда еще не подозревали. Но давняя затаенная мечта — как бы это приблизить наших археологов к Куликову полю, заставить их поверить, что именно здесь, на Куликовом поле, истоки протославянской культуры, а может быть, и истоки культуры культур — не давала покоя. А чтобы археологи поверили, что на Куликовом поле что-то найдется для них интересное, нужны более веские аргументы, чем расчеты: необходимы явные следы пребывания человека. Что значит для археолога камень, пусть даже и стоячий, если возле камня нет захоронения, по которому можно было хоть как-нибудь датировать камень, его установку? Большинство stel Монголии и Забайкалья не поддаются датировке, потому что вокруг них обычно нет захоронений, а если и есть, то более позднего времени и говорить всерьез о неолите не приходится.

...С большим волнением пересекали мы густо заросшие травой ухабы, чтобы взглянуть на Белоозерские лежащие камни, один из которых как будто бы обозначился стоячим. Велика была наша радость, ведь мы шли вооруженные тремя фотоаппаратами. Мы и прежде никогда не приезжали второй раз, не поработав основательно над фотографиями, не воссоздав макеты лежащих камней, не протаскив их сквозь горнило всевидящего Солнца. На небольшом, слегка вытянутом в длину бугре зарастали землей штук пятнадцать-восемнадцать песчаниковых плит.

Плиты располагались в северо-западной и юго-восточной частях бугорка. В северо-восточной оконечности бугра возвышался... стоячий камень. Особенно он был рельефен с южной стороны и сверху. «Ростом» в 1,8—1,9 метра от земли, в длину 1,7 метра и в ширину в 0,7 метра, этот стоячий камень с северной стороны был срезан почти у основания. Шлифованная плоскость

шла под углом в 45°. Мы бросились к плитам, выискивая на них скважины для постановки стержней, углубления для воды. И вдруг находка — до зеркального блеска отшлифованная поверхность плиты едва ли не в ладонь величиной, а вокруг уже кто-то давно поорудовал каким-то инструментом, откалывая шлифы «на память». Я тоже было вытянул зубило. Но от двух ударов молотком зубило затупилось. На камне остались едва-едва заметные белые следы.

Поняв, что нам не удастся отколоть от камня участок шлифа на боковой поверхности плиты (я не предполагал, что песчаник шлифуется до зеркального блеска, как гранит), мы покинули «сборище» лежащих плит со стоячим камнем во главе, назвав его и вписав как Белоозерский. Сели в машину. И помчались к Куликову полю. На этот раз была новая задача. Выяснить, как глубоко уходят в землю все три каменных инструментария, не представляют ли они собою колоссов, у которых видна лишь макушка. Нет. Не представляют. Правда, плиты оврага Рыбий на Непрядве «подскочили» до высоты 3,5 метра. Они были установлены прямо в песок. Сабуровская плита диаметром в 1,37 метра, оказалась толщиной в 0,5 метра. Она опирается на несколько рельефных песчаниковых, уходящих глубоко в землю плит. Высота «телескопа» увеличилась от 0,9 метра до 2,3 метра. У него на восточном фасе был обнаружен высеченный равнобедренный треугольник. Одна из граней треугольника выпуклая, как грань треугольника оврага Рыбий, как грани прочих треугольных плит, найденных вдоль течения ручья Курцы, другая — плоская.

Можно было промерять расстояния, чертить планы, расставлять «фигуры». Но в какую сторону «смотрел» первый луч четырнадцати-семиугольника? «Смотрел» ли он на солнечный север или «смотрел» строго на запад или на восток? По карте Куликова поля разошлись семь лучей, затем их число было увеличено до четырнадцати.

Камни, обнаруженные нами и на Куликовом поле, разместились на лучах. Прямые, соединившие вершину Красного холма с треугольным камнем оврага Рыбий, «телескопом», устьем Непрядвы и Сабуровской плитой, давали половинные углы семиугольника. Расстояние до устья Непрядвы от вершины Красного холма определилось в семь верст. Мы начертили семиугольник на плане Куликова поля и... не знали, что и подумать по поводу тщательно произведенных промеров на местности с помощью мензулы, магнитного компаса, бинокля и рулеток.

Наша фантазия ограничилась тем, что, взяв расстояние от устья Непрядвы до Красного холма за единственный радиус, мы получили последовательно какие-то круги Земли, Венеры, Марса и Меркурия. Причем, если принимать круги, начертанные нами, за реальность, то все излишние накопления на Куликовом поле укладывались «на круги своя»: Ясная Поляна и станция Лев Толстой лежали на кругу Сатурна, круг Юпитера захватывал город Тулу, а круг Солнца — почти всю центральную часть Восточной Европы. Мистика была налицо.

Может быть, Белоозерский камень стоял в стороне от «столбовой дороги»? Ничего подобного. Он тоже оказался «на луче». Впрочем, тенденциозные лучи вовсе не наша выдумка, а фантазии некоторых английских археоастрономов, пытающихся соединить древние солнечные и лунные астрономические обсерватории в какую-то цельную систему, в которой был бы смысл.

Мы надолго приостановили чертежно-проекционные работы, в том числе и по «путешествию» оси мира, по созвездиям и звездам с тем, чтобы знать наверняка, какой астрономический период времени отделяет восьмиугольник как знак Солнца от шестиугольника. Какой во всем этом прок, если нет более или менее твердой рабочей гипотезы о стоячих и лежащих камнях, о совокупности тех и других, объединенных в «хенджи», эл-

липсы, яйцеобразные фигуры и ряды? А у кого из ведущих археоастрономов, археологов палеолита, неолита она есть?

4. В ПОГОНЮ ЗА КОРРЕСПОНДЕНЦИЕЙ ИЗ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

И. Афремов, тульский литератор, больше нам помочь не мог. Оставался тульский археолог Н. И. Троицкий. С 1884 по 1887 год он исследовал берега реки Непрядвы. Высшим авторитетом в области древней истории Руси для него служил историк Иловайский. Иловайский, в свою очередь, был сторонником одной из гипотез движения славян с берегов Дуная на Днепр, а затем в междуречье Волги и Оки. Пространство между Волгой и Окой и ниже, конечно, было занято здешними аборигенами — финнами, мордвой, мари, но больше финнами. Финские племена жили не только по Оке, но и по Упе, Непрядве и дальше, вниз по Дону, может быть, даже за Красивой Мечей. «Кровожадные славяне» (а в действительности было все, по-видимому, наоборот) теснили «нелюдимых, хмурых» финнов к северу и дальше. Особенными в деле финно-угорского теснения оказались вятичи. Откуда пришли вятичи, с приднестровья ли, с Дуная ли, — все это тонуло во мраке неизвестности. Но что именно к югу от Оки проживали финны, оставившие здесь много своих названий рекам, долам и озерам, — этот факт был непреложным для историков XIX века. Оставалось выяснить, как вятичи гнали и теснили финнов и как затем отцы-монахи, миссионеры греческой православной церкви, христианизировали и вятичей и финнов с тем, чтобы те и другие молились богу, жили в мире и согласии и, просвещаясь, богатели.

Немного находок обнаружил Н. И. Троицкий, но и те предметы, что были им найдены и приобретены, были сданы в тульское епархиальное древнехранилище,

где, по-видимому, подверглись анафеме и экзекуции. Н. И. Троицкий не зарисовал курганов, городищ, не измерил их. Однако он обратил внимание на камни и первым назвал их «легендарными». Один из них нашел в лошине Дубика (у Непрядвы три лошины Дубика), несколько других — на вершине второго Красного холма на Куликовом поле, у истоков реки Непрядвы. Описал Н. И. Троицкий и камни с древним названием «кони-камни». Один из них он осмотрел в селе Козьем на излучине реки Красивая Меча. Три других, оговорившись, что теперь эти камни непохожи на коней из камня, какими они были в древности, Н. И. Троицкий нашел в деревнях Малый и Большой Конь в Тульской губернии, Чернском уезде, а одного — возле Коневского монастыря на Ладожском озере. Ну а если ладожский «конь-камень» — гигантская глыба — находится в пределах финской территории — древней, то «кони-камни» меньшего размера тоже принадлежали солнцепоклонникам финнам.

Мы подготовили к повторному эксперименту на Солнце макеты Сабуровской плиты, когда нашу работу неожиданно прервала корреспонденция в газете «Правда»: «Конь-камень» под охраной», за подписью нештатного корреспондента газеты Н. Г. Махаринца. В корреспонденции из Тулы сообщалось, что Тульский облисполком принял под охрану живописные природные образования, расположенные на территории области, в том числе «конь-камень», о котором сообщал И. П. Сахаров в 1851 году, а затем и Н. И. Троицкий.

То, что «конь-камень» рукотворен, как рукотворны каменные инструментари Куликова поля, об этом мы догадались, но сказать наверное, не увидев песчаниковой глыбы, конечно, не могли. Ведь до сих пор большинство археологов твердо убеждены, что где-где, а на Куликовом поле, которое они исходили вдоль и поперек, нет камней, каких бы касалась рука человека, а если есть, то ледниковые.

Корреспонденция в «Правде» подстегнула нас. Если островная территория Англии буквально засеяна астрономическими обсерваториями типа «хенджей», то как могло случиться, что в центральной части Восточной Европы была лишь одна — на Куликовом поле? И какая — из камней, в лощинах. Исключение составлял, конечно, камень-«телескоп». Мы назвали его девятым чудом света. Но как трудно доказать нашим соотечественникам, что еще на заре жизни их предки уже изобрели телескоп и пользовались им! Не только изобрели его, но и приспособили звездное небо в качестве средства ориентации в пространстве. Получилось слишком много: Солнце, звездное небо и свободная ориентация в пространстве! Не в том ли самом нас уверяют археоастрономы — англичане и американцы. Небо небом, а земля землей. Правда, они оговариваются. Чтобы переместить сотни тонн камня, нужен труд сотен людей, причем не подневольных, а свободных, заинтересованных людей. Рабы, может быть, и могут воздвигнуть пирамиды и сады Семирамиды, но Стоунхендж едва ли. И уж тем более каменные инструментарии Куликова поля. Откуда в Англии и тем более на Куликовом поле — «поле чисте», по уверениям русских летописцев, — находилось столько людей, желающих поработать с камнем? Ведь Стоунхендж после работ Аткинсона, Хойла, Хокинса, Вуда, профессора Тома и др. стал еще большей загадкой, так как непонятно, зачем строители Стоунхенджа и других «хенджей» стремились достигнуть точности измерений, предельных для каменных инструментариев своей эпохи? Трудно было отказаться от навязчивой мысли, что Стоунхендж — это детище труда братских равноплеменных групп или, по крайней мере, представителей разнородных племенных групп, прекративших на время междоусобные распри и взаимные набеги. Стоунхендж был нужен всем, и появился Стоунхендж.

Нам запомнились слова — «нужен всем». Но они,

к сожалению, не подтверждались неопровержимыми фактами. Что было делать?

И тогда был принят план «каменной одиссеи» — вояжа по местам, описанным Н. И. Троицким в его книге «Берега реки Непрядвы», вышедший почти сто лет тому назад.

5. КАМЕННАЯ ОДИССЕЯ

Волово Тульской области. Красный холм, склон которого оседлал колхоз имени В. В. Куйбышева. Со стороны Воронежского шоссе — ничего необыкновенного. Овражная глубокая лощина. Водонапорная башня. Близ водонапорной башни — рывина для уток и свиней. «Несколько легендарных камней, с которыми связаны предания о Кудеяре и Мамае и др.», по-видимому, давно уже употреблены на отделку погребов. А может быть, Н. И. Троицкий писал, как и И. П. Сахаров, понаслышке о легендарных камнях в окрестностях этого Красного холма? Сделали крюк. Обошли вершину. Нет. Там Красный холм. Если бы не лесополосы на восточной стороне горизонта, то, возможно, в ясную погоду и в бинокль можно было бы увидеть памятник на Красном холме Куликова поля. Из Волова направляемся в Ефремов той же Тульской области. Делаем крюк к западу, «где лежат синие растущие камни» (по описанию Н. И. Троицкого). Если на Куликовом поле — просто «растущие», то здесь «растущие синие камни». Растущие так растущие. Синие так синие. Едем без особой надежды, сомневаясь в беспрепятственном возвращении назад автотранспортом межрайонных сообщений. Налегке. Без инструментов. О чем позже сожалеем. Не два десятка «синих камней» греются на косогоре под деревней Остряково, а более ста пятидесяти песчаниковых плит, многие из которых треугольные. Камни вот-вот окончательно зарастут землей, окажутся самопогребенными навеки во главе с круговой плитой,

оттесненной к северо-востоку, в край непаханого выгона. Кочковатая земля, по которой ступать надо точно-точно как по пути к Белоозерскому каменному комплексу... Но почему же непременно к каменному комплексу? А не просто к камням? Лежащим камням? Ведь все камни здесь, на Остряковском косогоре, только лишь лежащие. Лежащие камни — вот и все. Многие из них, как мы и подозревали, треугольные. На многих из них имеются цилиндрические скважины. И плита. Ну и что из этого? Не совсем, конечно, круговая. Ее диаметр на два сантиметра больше диаметра Сабуровской незавершенной плиты. Здесь плита не только завершена, но в одном месте как бы еще и прибавлен тупоугольный треугольник. Там отнят, здесь прибавлен.

Из-под Острякова возвращаемся в Ефремов. Хороший, почти южный город. В двадцати километрах от него к северо-западу лежит круговая остряковская плита и зарастает потихоньку. Кажется, потревожили ее только строители высоковольтной линии, но не перевернули. Не плита — кругляш с конусом-указателем. Конус тупой. Камни — от вершины косогора к северо-западу и юго-западу. А может быть, все просто? Каменный какой-то календарь из лежащих камней. А движок, круговая плита, — это ключ к календарю. Воображение загромодили плиты, как льдины во время ледостава. И плоские, как льдины. Если календарь, то кто повалил, зачем? Что тяжелые — понятно, чтобы не сдвинули, не повалили. Но их все же повалили. Особенный какой-то календарь. Ведь если рассчитать, то получается: каменный круг — это имитатор Солнца. Только солнца рукотворного, которое можно передвигать или перекатывать в ненастное утро, когда точку, где восходит Солнце, нельзя увидеть на горизонте. Чашеобразное углубление в центре каменного круга — это для репейного масла, конопляного. Если бросить в него шар из пакли, шар загорится и заменит Солнце

в ненастное утро. Ну а чтобы добиться большей точности визирования на предполагаемое Солнце, вот в эту, сверху развальцованную, окважину вставлялся стержень с горящим шаром на конце, по-видимому, меньшего размера. Шар над шаром. Большой огненный внизу и меньший огненный — над ним. А за ними, дальше, невидимое Солнце. Оно уже взошло. Зачем нужна такая точность? Да ведь это календарь каких-то нужд, а вовсе не для счета дней, как это предполагают археологи.

Нет. Это просто свалка камней. Вторая свалка, не считая третьей — в ложине бывшего ручья Курцы. Первая — к северу от Красного холма на Куликовом поле и устья реки Непрядвы, при деревне Белоозеро. Но там во главе со стоячим камнем.

В Ефремове перебираем в памяти все ранее нами прочитанное о стоячих камнях Забайкалья, Монголии, Тувы: стелах, стоящих, как правило, в «окружении набросок» — камней на земле возле стел в беспорядке, в виде квадратов, кругов, эллипсов, каменных кругах без стел; наконец, стелах с набросками камней у дольменов на Северном Кавказе. Весь этот весьма обширный класс отдельных мегалитов и мегалитических сооружений не укладывается в одно слово, способное заменить их. Но ясным становится одно, что это комплексы — каменные комплексы, еще в глубокой древности поставленные на службу человеку, но отнюдь не астрономические обсерватории. Но если не астрономические обсерватории, то что же? Мало накоплено фотодокументов по комплексам лежащих и стоячих камней на территории центральной части Восточной Европы. Фотодокументы только у нас. Во всех прочих публикациях — рисунки, схемы, одна-две фотографии, не больше. С одной стороны. С другой — наше полное неведение об эпохах собирательства, приручения животных, скотоводства, земледелия. Календарь мы представляем как календарь поздних эпох — скотоводства,

земледелия. Что же, спрашивается, до эпохи скотоводства с частичным земледелием и собственно в эпоху земледелия люди обходились без календаря хозяйственных нужд, хозяйственных циклов?

Если предположить, что более поздние собиратели не обходились без календаря, то каким был их календарь? Ну а если календарь, то это и есть нечто более низшее, чем собственно обсерватории, которые и по сей день призваны обеспечивать стабильность календаря для определенного промежутка времени.

Одним словом, какая-то «каменная одиссея», и больше ничего не скажешь.

Но мы уже многое сказали, а главное, мы уже начали подозревать, что все измеренное и открытое на Куликовом поле — это то, чем надо было венчать, а отнюдь не то, с чего надо было начинать. Однако так получается всегда, когда начинаешь действовать в духе времени, идешь на поводу у зарубежных астрономов и археоастрономов, пусть даже английских, американских, французских.

Наконец, мы определили, что именно нашли на Куликовом поле, и под Епифанью, и под Остряковым, — солнечные каменные календари хозяйственных нужд людей эпохи собирательства, а точнее — останки таких каменных календарей, перепластованных и еще раз перепластованных владельцами этих календарей, но только уже в более поздние эпохи, вплоть до тех времен, когда некоторые из каменных солнечных календарей былых хозяйственных нужд и хозяйственных циклов превратились в каменных идолов.

Какими же они были, эти первые солнечные каменные календари? Конечно, примитивными. Пять-семь камней. Меньше. Больше. Для собирателей яиц они могли составлять несколько десятков камней, по числу видов птиц, свивающих себе гнезда на территории обитания какого-либо первобытного человеческого рода.

Два камня, направленных на две разные точки захода Солнца или его восхода, означали цикл времени по Солнцу, когда пора было выбирать яйца из гнезд определенных видов птиц, находясь с ними в экологическом равновесии. А уж факт — факт питания за счет большей яйценоскости птиц, характеризовал довольно высокую степень развития первобытного человеческого рода. При неоднократной полной выборке яиц из всех птичьих гнезд птицы, лишенные потомства, по-видимому, просто покидали место своего прежнего обитания, а люди (кто это были — предки архантропов или архантропы) были вынуждены следовать за миграцией птиц на юг для обеспечения продовольствием и себя, и своего потомства.

6. НА ВСТРЕЧУ С «КОНЕМ-КАМНЕМ»

«Конь-камень» — это загадка. Теперь еще большая загадка, и мы приближаемся к нему на автобусе. Автобус — глубоко внизу, а «конь-камень» — наверху. Мы видим прикорнувшего как бы на мгновение гигантского темно-серого каменного тушканчика с длинным, загнутым вперед хвостом. Приближаемся. Однако это не отдельная каменная глыба, а глыба среди камней. Есть и свободная площадка, причем свободная площадка справа? Или мы так стихийно приближаемся?

Про «конь-камень», как про «телескоп», не скажешь издали, какой он: стоячий или лежащий? К счастью, здесь вовсе не нужна лопата, и она может быть поставлена в цилиндрическое отверстие на боку камня. Лопата установлена. Она торчит нелепо, как бы указывая прежнее «обитание» полюса мира на звездном небе. А вот внизу камня чудеса: камень-то не лежащий, а стоячий. Установлен тремя шишкообразными выступами на три каменных основания. И, если добраться сквозь культурный слой до основания камней-опор,

опорных плит, «конь-камень» «подпрыгнет» на полтора метра вверх и будет высотой в 4,5—5 метров. Раздвоен «конь-камень» сверху. Со стороны юго-востока раздвоение вверху камня кажется искусственным. Это «прицел». Не отдельно стоящая глыба на берегу реки Красивая Меча, а комплекс камней. Камни, окружающие «конь-камень», тесно сомкнуты, расположены подковой. Да это же тоже солнечный каменный календарь!

Солнечный каменный календарь хозяйственных нужд и, быть может, собирателей! В нем каждой хозяйственной нужде и хозяйственному циклу соответственно устроен камень как по направлению на точку восхода, так и на точку захода солнца!

Как же трудно и сложно рождается рабочая гипотеза! Но как легко становится на душе, когда уже наполовину знаешь ответ на вопрос, зачем нужно, необходимо время от времени знать, знать довольно точно, где восходит солнце и где оно заходит. Двести-пятьсот лет почти не дают ошибки. Но три тысячи лет? И вдруг перестают действовать каменные календари. Хозяйственные циклы накладываются друг на друга. И тогда...

...И тогда возникает всеобщая необходимость в уточнении в таких, быть может, солнечных обсерваториях, как Стоунхендж, как обсерватория на горе Собутка в Силезии и, конечно, в обсерваториях более высшего типа, как солнечно-звездная астрономическая обсерватория на Куликовом поле, в распоряжении которой находился каменный «телескоп» и где невидимая земная ось прошла сквозь земную твердь, а вокруг этой оси закружилось величественное звездное небо.

А «хенджи» — это тоже солнечные каменные календари хозяйственных нужд, в которые время от времени нужно было вводить поправки, как и теперь мы вводим поправки в свой более точный календарь.

И нужно ли говорить, что заставляло людей забыть

межплеменные распри, объединиться, чтобы вновь четко заработали тысячи и тысячи календарей, календарных систем. И это еще в самую древнюю эпоху, эпоху собирателей.

Не все, конечно, календари сохранились. Первые календари служили и другим эпохам.

А потому они выглядят так, как будто бы их не пощадило ни время, ни человеческие руки.

ГДЕ НАЧАЛО «ГАЛЕРЕИ ЗНАНИЙ»?

Грандиозная катастрофа, случившаяся с Землей 13,5 тысячи лет назад, опустила занавес на предшествовавшую историю человечества. Между тем есть основания предполагать, что ею была сметена развитая цивилизация.

Поток научной информации, идущий к нам из глубин тысячелетий, поражает своим высоким уровнем.

Халдейские источники трехтысячелетней давности, например, утверждают, что радиус земного шара — 6310,5 километра. По последним данным он равен 6371,03 километра. (Незначительная разница объяснима сегодня гипотезой о расширении Земли.) Шесть тысячелетий назад протоиндийцы называли непосредственной причиной болезней невидимые глазу бактерии, микромир же стал доступен нам лишь после изобретения микроскопа. Разделяя пространство на 360 градусов, а время на 60 минут и секунд, мы продолжаем традицию Шумера (III—IV тысячелетие до н. э.), в основе которой концепция о единстве времени и пространства. Египтяне 6 тысяч лет назад имели точные знания о магнитных полюсах планеты...

Сколь ни углубляемся мы в историю ранних цивилизаций, мы сталкиваемся во многих случаях с одним и тем же феноменом: знания высокого уровня присутствуют везде в некоем законченном, «готовом» виде, без намека на то, что мы называем доказательствами. Похоже, что эти «готовые» знания были рождены в какие-то другие времена, в других условиях.

Когда и кем? Одна из наиболее модных концепций наделяет эти знания внеземным происхождением. Иными словами, они были привнесены на Землю космиче-

скими пришельцами. Попыткой иного объяснения стала гипотеза киевского исследователя, доктора экономических наук, профессора Юрия Каныгина.

По его мнению, научная информация, дошедшая до нас через учения античных мыслителей, через камень древних пирамид и иносказания мифов, не что иное, как «осколки» высокого интеллектуального потенциала «протоцивилизации», существовавшей на Земле до катастрофы.

ГРЕЧЕСКИЙ ПАРАДОКС

Неожиданным импульсом к этой гипотезе стал парадокс Древней Греции. Греческое «чудо» — необычайный взлет научной мысли в I тысячелетии до нашей эры, занявший всего несколько столетий, поражает воображение одним уже тем, что в нем мы находим истоки почти всех современных наук.

Даже при самом поверхностном взгляде многое из того, что мы считаем сегодня новым, оказывается «хорошо забытым старым», и мы непременно обнаруживаем это, заглянув в античную Элладу.

Современные представления о строении материи на самом глубинном ее уровне очень близки по своей сути к теории Демокрита, датирующейся V веком до н. э. Сегодняшние взгляды на бесконечность и дискретность пространства и времени были сформулированы Эпикуром в IV веке до н. э. Современник Эпикура Теофраст говорил о химической войне и химической взаимопомощи растений. Мы же поняли это лишь в 30-х годах XX века, после открытия фитонцидов. У Эмпедокла (V в. до н. э.) мы узнаем, что существовал отдельный генезис флоры и фауны, а учение Галена о происхождении человека от человекообразных обезьян на два тысячелетия предвосхитило Дарвина...

В чем же парадокс? В том, что вопреки всякой логике самые глубокие и верные с точки зрения сегодняш-

ней науки знания и теории принадлежат не позднейшим мыслителям (Птолемей, Аристотель и др.), а их ранним предшественникам — Фалесу, Солону, Анаксагору, Гераклиту, Пифагору...

По мнению Юрия Каныгина, то, что именно они дали мощный импульс зарождению греческой науки, объясняется их приобщенностью к эзотерическим (тайным) знаниям, полученным ими в Древнем Египте, Персии, Вавилоне — государствах, интеллектуальный потенциал которых по сей день остается во многом загадочным.

Действительно, все свои открытия в астрономии и математике первый корифей греческой науки Фалес Милетский сделал после посещения Египта и Месопотамии. То же самое можно сказать о Демокрите, изучавшем астрономию у египетских жрецов и вавилонян, а медицину у индийских йогов. Гераклит, проведя несколько лет в Персии, первым сформулировал нам диалектическое миропонимание, сказав, что в основе всего — непрерывная борьба противоположностей, образующих высшее единство — гармонию мира. Что же касается загадочной даже для его современников фигуры Пифагора, принесшего грекам учение о числе как о скрытой сути вещей, то он не только объездил многие страны Востока, но, проведя 22 года в Египте, был принят в касту жрецов, пройдя для посвящения невероятные испытания воли.

Посвященные... Они возвращались из своих странствий с готовой доктриной, теорией, системой. Вполне возможно, что многие новые доктрины, мысли, концепции были созданы и развиты под влиянием эзотерических знаний. Глубину мысли древних начали постигать в XIX—XX веках.

«ГАЛЕРЕЯ» ЗНАНИЙ

Все попытки проследить ход возникновения того или иного знания в древнем мире, по мнению Ю. Каныгина, приводят к тому, что мы можем разглядеть лишь вер-

шину «древа познания», в лучшем случае — крону, но не видим ствола и корней.

Одна из загадок египетской истории, например, состоит в том, что эта цивилизация никогда не была «молодой». Ко времени первых династий (3200 г. до н. э.) — это уже цивилизация высокой культуры и зрелости. Знания высокого уровня представлены в ней в «готовом» виде, как конечные выводы, и зафиксированы в виде наставлений.

Когда Европа едва считала по пальцам, народы Двуречья уже владели поместной и позиционной системой нумерации, позволявшей оперировать бесконечно большими величинами. В Вавилоне она была известна 7 тысяч лет назад. Еще раньше жрецы Шумера пользовались в своих вычислениях секстильоном. Кубические, биквадратные уравнения, отрицательные и трансцендентные числа, системы неопределенных уравнений, кривые третьего и четвертого порядков и т. п. — все это было известно в Двуречье, Индии и Китае за тысячи лет до греков...

Элементы вычислительной математики, кодирования информации, познание которых лишь в середине XX века привело к развитию кибернетики, существовали в Шумере 4—5 тысяч лет назад, а так называемое хаусчисление египтян и вавилонская алгебра и сегодня поражают специалистов своей красотой и сложностью. Египтянам было хорошо известно не только, что Земля — шар, но и что она вращается в пространстве, подчиняясь тем же законам, что и другие планеты солнечной системы. А открытый Уильямом Гарвеем в XVII веке закон кровообращения был им известен более 6 тысяч лет назад так же, как функции сердца и мозга.

И конечно же, говоря о феномене древнего знания, нельзя не сказать о его каменном олицетворении — великой пирамиде в Гизе. Помните ее «сюрпризы»?

Периметр, деленный на две высоты, дает трансцендентное число «пи» (3,142...). Высота, помноженная на миллиард, — это расстояние от Земли до Солнца. Другие измерения указывают вес Земли, точную ориентацию по сторонам света и т. д. Из галереи же, ведущей к «царской камере», открывается вид прямо на Полярную звезду...

Ну а какой вид открывается нам сквозь эту толщу тысячелетий? Куда ведет «галерея» знаний? К инопланетным демиургам? К сметенной катастрофой «проточивизации»?

Но сначала — об «информационном взрыве» древнейших народов в обозримый период нескольких тысячелетий. Каныгин полагает, что обусловлен он был на редкость благоприятным стечением климато-географических факторов и противоречием, в них содержавшимся.

«Прежде всего, — говорит он, — качественный скачок — скачок в цивилизацию — произошел в VII—VI тысячелетии до н. э. в узко локализованных местах: долинах крупных рек — Нила, Евфрата, Тигра, Инда, Хуанхэ. И пружиной этого взлета явилась технология «бассейнового земледелия».

Теплый климат, регулярные обильные паводки, плодородные илистые наносы — все то, что обеспечивало фантастическую урожайность, имело и «оборотную сторону медали»: паводки начисто уничтожали урожай в долинах рек. Чтобы выжить, надо было создать технологию бассейнового земледелия. Следовало познать гидрологический режим рек (а это система вековых специальных наблюдений, отбор и анализ данных), научиться пользоваться ночным небом как точным механизмом, дать количественную оценку небесным феноменам, разработать сложные календарные системы, позволявшие на много лет вперед предсказывать время наступления паводков, перемены климата, изменения длительности времен года, солнечные и лунные затмения... Иными словами, надо было создать астрономию и астрометрию, за-

ложить основы метеорологии, геодезии, математики. Накопление этих знаний шло сотни лет, но в масштабе истории этот процесс сжался до «мига». И тем удивительнее выглядит он сейчас — яркой вспышкой в темном туннеле тысячелетий. Мы знаем, что хранителями этого информационного потенциала во всех древних цивилизациях были касты жрецов. Знания сохранялись ими в глубокой тайне и передавались из поколения в поколение лишь избранному кругу «посвященных».

И все же не странно ли все это? Можно познать законы разлива рек и периодичность небесных феноменов, можно создать геометрию и наблюдательную астрономию, но можно ли, глядя в ночное небо, увидеть, что Земля — шар, вычислить ее радиус или орбиты других планет и небесных тел?

Если обучавшие греков египтяне, вавилоняне или персы сами были лишь прилежными учениками, «вызубрившими» данные им постулаты, то кто же были их учителя?

НЕУНИЧТОЖИМАЯ УЛИКА

В VI веке до н. э. египетские жрецы говорили Солону: «О, Солон, вы, греки, как дети... вам ничего не известно о древних временах, о седых знаниях прошлого...»

В хрониках, о которых сообщили Солону жрецы Древнего Египта, рассказывалось, что многие тысячелетия назад страна была оккупирована армией могущественного островного государства атлантов...

Легенды приписывают загадочной Атлантиде необычайно высокий уровень знаний и техники. Если так, то не была ли именно она, исчезнувшая в пучине Мирового океана, единственно различимой макушкой айсберга «протоцивилизации»? А может быть, таких «оазисов» на Земле было несколько?

Как далеко в прошлое ведет нас «эстафета» готовых знаний?

Жрецы в Мемфисе рассказывали Геродоту, что у них есть записи истории за 11 тысяч лет. В другом источнике речь идет о 17 тысячелетиях. История же, записанная египетским жрецом Манефоном в VI веке до н. э., ведет хронологию от 30 627 года до н. э. Шумерские, вавилонские и другие источники, содержащие «готовые» знания о числе, о мироздании, о «сути вещей», все ссылаются на еще более древние книги, которые не сохранились.

...Как бы то ни было, Каныгин убежден, что суперцивилизация — факт, имевший место в истории человечества. И логика его проста.

Если гомо сапиенс, точно такой же, как и мы, в физиологическом смысле, существовал на Земле уже около 50—70 тысяч лет назад, то разве не могло человечество за такой срок достичь уже однажды того (или хотя бы миниатюрного подобия), что удалось нам за какие-то 5—7 тысяч лет «писаной» истории?

Мы ищем материальные, «вещественные» следы «протоцивилизации» и не находим их. Неудивительно: стихия и время могли обратить их в прах. Между тем единственным нестираемым следом, свидетельством, неподвластным времени, может быть только знание. Информация, передающаяся из памяти одного поколения в память другого на протяжении всей истории человечества. И то, что передача и хранение знания было окружено строгой секретностью и доверялось лишь избранным, — свидетельство того, что и в древнем мире оно было бесценным достоянием. Люди понимали и тогда: в зависимости от целей знание может служить как добру, так и злу.

Тот факт, что с самого же начала мы находим у древних «готовые» знания, по мнению Каныгина, веская «улика» в пользу протоцивилизации.

Календари древнейших народов мира, к примеру, египтян, ассирийцев и более поздних майя указыва-

ют дату катастрофы — 11 542 год, начиная с нее свое летосчисление.

Что было ее причиной, неизвестно. По мнению одних, Земля «захватила» Луну; другие считают, что наша планета столкнулась с небесным телом, третьи — что речь идет о катастрофическом усилении активности Солнца. Что же произошло в результате? Изменилась орбита Земли? Сместились полюсы? Планета замедлила свое вращение? (Кстати, 290 дней древнейшего календаря инков наводят на мысль, что до катастрофы Земля в 1,25 раза быстрее обращалась вокруг Солнца...) Резкое изменение климата. Всемирный потоп. Ужасающие землетрясения. Процессы горообразования... Могла ли сохраниться в таком аду какая-либо, пусть даже суперразвитая, цивилизация?

Пыль и газы, поднявшиеся в атмосферу, закрыли Солнце на сотню лет. Уцелевшие люди рассеялись по всей Земле, унося с собой самое ценное — детей и знания... Человечеству надо было начинать сначала...

Из пепла рождался новый мир. И, как мы уже знаем, скачок в цивилизацию человечество совершило в бассейнах крупнейших рек. Создавая бассейновое земледелие, люди нуждались в точных знаниях. В этих условиях, говорит Каныгин, те группы людей, что составляли «осколки» некогда цветущей протоцивилизации, могли сыграть роль катализатора. Не они, конечно, создавали могущественные государства в долинах рек, но, храня «готовые» знания, были способны стать своего рода «пусковым механизмом» нового витка истории.

Да, вероятно, знания их были обрывочны. Но это были точные знания, и они несли черты одного и того же происхождения. Не случайно так схожи между собой космогонические мифы у самых разных народов мира. Не случайно одни и те же числа — 3, 7, 9, 11, 13, 24, 27, 36... — считались священными в различных уголках Земли. Сегодня уже частично раскрыта их информационная составляющая — число планет Солнечной системы,

ритмы активности Солнца, биоритмы... Это лишь первые шаги, считает Ю. Каныгин. Не исключено, что они могут быть и информационными кодами определенных мировых констант...

Сопоставляя современные научные и технические достижения с размытыми временем и мифами знаниями и умениями древних, мы, естественно, чувствуем себя гигантами, стоящими на плечах карликов. Сравнение каменной «обсерватории» Стоунхенджа с обсерваторией Бюракана или радиотелескопом в Аресибо всегда будет вызывать у нас улыбку превосходства, так же как глиняные клинописные послания Шумера в сравнении с дальней космической связью.

Однако допустим на миг, что гипотеза о протоцивилизации, существовавшей до катастрофы, справедлива. Предположим, нашлись доказательства. Сможем ли мы тогда с прежней уверенностью утверждать, что наука никогда прежде не достигала технологических вершин?

Можно вспомнить, например, о порошковой металлургии, которая, как теперь выясняется, были известна protoиндийцам 10 тысяч лет назад, а для нас новейшая технология. Можно задаться вопросом, как был получен 85-процентный алюминиевый сплав, из которого выполнен орнамент гробницы китайского военачальника III — IV веков нашей эры, если алюминий был впервые получен электролизом в 1808 году. Можно вспомнить также санскритский источник «Самарангана Сутрадхара», подробно описывающий устройство и применение летательных аппаратов. О них же рассказывается в тибетских текстах и кельтских преданиях. А в легендах эскимосов говорится о гигантских железных птицах, на которых прибыли на север их далекие предки. В канонической конфуцианской «Книге установлений» рассказывается, что в III тысячелетии до нашей эры в горах Китая появилось множество загадочных «повозок-сосудов». Сверкающие серебристым металлом, они могли передвигаться по сильно пересеченной местности «сами по себе».

Возникают и другие вопросы. И один из них: не находим ли мы следы «скрытых» знаний и в более поздние времена?

Существует легенда о том, что индийский император Ашока основал в III веке до нашей эры «Общество девяти неизвестных», целью которого было засекречивание опасных для человечества знаний. Полагают, что оно просуществовало вплоть до XIX века. В 1927 году в книге некоего Тэлбота Манди, прослужившего четверть века в британской полиции в Индии, подробно рассказывалось об «Обществе девяти неизвестных» и о тех знаниях, которыми оно располагало. Среди них, в частности, упоминаются микробиология (кстати, еще в древнеиндийских «Ведах» можно прочесть детальное описание прививки), исследования о средствах коммуникации — земных и внеземных, секреты гравитации, трансмутации металлов, знания законов вселенной, свойств света и т. д.

Контакты Общества с внешним миром малоизвестны, но существовала версия, по которой многие удивительные научные и технические достижения в различные периоды средневековья, например, были связаны с «утечкой» информации из этого общества.

Так, например, в связях с ним подозревался в X веке папа Сильвестр II. Созданный им автомат в виде бронзовой человеческой головы, выполнявший простейшую двузначную операцию, появился на свет после того, как Сильвестр (еще до избрания папой) провел ряд лет в Индии. В 1954 году журнал «Компьютер энд аутомэйшн» писал, что для создания этой машины Сильвестр должен был обладать незаурядными знаниями и еще большим механическим искусством...

Конечно, можно отмахнуться от всей этой не слишком достоверной истории об Обществе, хранящем эзотерические знания вот уже две тысячи лет, подобно Гобсеку. Но на существование некоего «банка знаний» намекают и другие довольно странные факты.

Какие источники натолкнули в XIII веке английского монаха и философа Роджера Бэкона (кстати, он был осужден за приверженность эзотерическим знаниям) на предсказание, что наука (вновь?) изобретет телескоп, самолет, автомобиль, телефон? Могли ли быть лишь ослепительными догадками (исторически неправомерными для своей эпохи) идеи Леонардо о вертолете, подводной лодке, шарикоподшипниках, гусеничном ходе и т. п., осуществленные только в XX веке? Или в лице этого универсального гения мы вновь сталкиваемся с преемственностью эзотерических знаний, пусть хотя бы в виде сырой идеи?

В 1636 году не известный никому автор Швенгер написал работу об исследовании принципа электрического телеграфа и возможности коммуникации двух людей между собой посредством «магнитного луча».

Другой неустановленный автор из Монтеборга в 1729 году опубликовал описание процесса черно-белой и цветной (!) фотографии. Из его работы следует, что автор, получая фотоизображение, пользуется готовым «рецептом» технологии, не зная ни физического принципа действия, ни состава химических соединений проявителя и закрепителя. Нет упоминаний и о самом аппарате. Однако автор подчеркивает, что необходимо исследовать действие света на субстанцию, которой покрыт лист, и то, каким образом она «перехватывает и удерживает изображение».

Какими источниками пользовался Джонатан Свифт, рассказав о двух спутниках Марса за 156 лет до их открытия? О методах постройки домов с крыш («изобретение» нашего времени)? Что натолкнуло его на идею «летающего острова» лапутян, который может подниматься, опускаться и перемещаться в пространстве с помощью гигантского магнита?

Где Данте Алигьери почерпнул описание созвездия Южного Креста (данное им в «Божественной комедии»)

за 200 лет до того, как о нем стало известно европейцам?

...Да, наука нашей цивилизации на необычайно высоком витке спирали. Мы можем понять то, что невозможно представить. Скажем, бесконечность вселенной. Но ведь и «они» когда-то уже смогли это.

Конечно, прогресс науки — объективный закон познания и развития. Но очевидно и то: чтобы знать будущее нашего мира, надо знать его прошлое. Каким оно было? Каким было Начало?

Человечество задавало себе этот вопрос во все времена.

Сегодня мы уже манипулируем с генетическим кодом, но происхождение жизни для нас такая же неразгаданная тайна, как и для тех, кто жил многие тысячи лет назад. Рано или поздно наука, несомненно, разгадает ее, ибо это знание необходимо человечеству.

А может быть, это уже случилось когда-то? Что, если ответ на этот вопрос где-то совсем рядом — зашифрован в камнях пирамид или иносказаниях мифов? И нужно лишь взглянуть на них иным, более пристальным взглядом?

РУСЬ И ЭТРУСКИ

1. ДЕШИФРОВКА ДРЕВНЕЙШЕЙ В ЕВРОПЕ
ПИСЬМЕННОСТИ НА ДНЕПРЕ

Участники Всемирного конгресса славистов в Киеве, который проходил в сентябре 1983 года, заинтересовались памятниками древнейшей письменности на Днестре (IV—III тысячелетия до н. э.). Привлекли внимание труды выдающегося киевского ученого библиографа-языковеда Н. З. Суслопарова, дешифровавшего надписи трипольской археологической культуры, срубной культуры и письменности на Руси, существовавшей задолго до христианства. В 1982 году журнал «Москва» (№ 3) в статье «Утро творения» * сообщил о работах ученого. Результаты Н. З. Суслопарова можно сравнить с археологическими результатами Г. Шлимана, раскопавшего Трою, или с результатами Шампольона, прочитавшего египетские иероглифы. Работам Суслопарова в упомянутой статье посвящено немного строк в связи с Лаврской библиотекой XI века — 1718 года. Поэтому я и привожу этот абзац полностью.

«Суслопаров не был прожектором. Те, кто хорошо его знал, отзываются о Николае Захаровиче как о талантливейшем ученом. Он занимался дешифровкой древних письмен, сумел прочитать то, что не удавалось сделать крупным ученым, таким, как Френ, Магнусен, Гаркави, Геденов. Он дал свою интерпретацию Лемносской надписи, критскому линейному письму «А», протолатинским надписям, которые долгое время принимали за асимметричный орнамент, и другим.

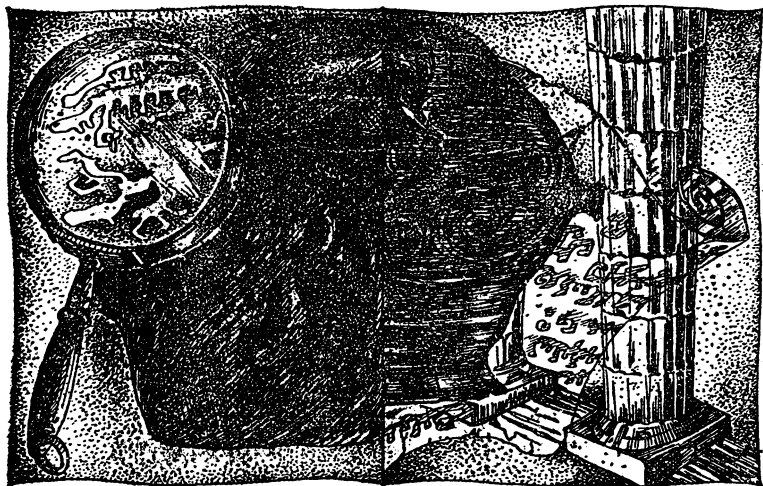
Суслопаров разработал специальную научную методику дешифровки. Интересны его разыскания в области украинской культуры XVIII века. Сам этот человек,

* Белоконь И. Утро творения. — «Москва», 1982, № 3, с. 153.

его незаурядное творчество заслуживают монографического исследования.

Приходит время, ученый редкого таланта умирает. После него остается бесценный архив, незавершенные работы, письма.

Где он, этот архив Николая Захаровича Суслопарова? Он не сохранился. Часть его пошла в модную нынче

макулатуру, остальное разошлось по рукам. Гибель личных архивов приносит огромный урон нашей культуре.

Потери. Потери. Потери. Когда же этому придет конец?»

Прочитав приведенные строки, автор настоящей статьи решил предпринять еще одну попытку для спасения некоторых работ, еще сохранившихся после смерти Н. З. Суслопарова.

Я лично знал Николая Захаровича как ученого и со-трудничал с ним в последние годы его жизни, начиная с конца 60-х годов вплоть до его внезапной смерти 21 сентября 1974 года.

Николай Захарович любил рассказывать, что родился он на Холмщине (1901) и что все его деды и прадеды варили пиво и носили фамилию по прозвищу Суслопара.

Ему выдали паспорт, «исправив» фамилию на Суслопаров, чем он был недоволен. По окончании физико-математического факультета Каменец-Подольского педагогического института, где его настойчиво уговаривали остаться на научную работу, он занялся библиографией и языками сначала в библиотеке Каменца, а с 1927 года в Киеве, в библиотеке АН УССР. Затем он работал в архиве древних актов и в Институте Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК КП(б)У, где готовил украинское издание сочинений В. И. Ленина. Во время войны он был в партизанском отряде капитана Рыбакова с июля 1941 года и принимал участие в боях. Таская на себе тяжелый пулемет в оврагах и болотах под огнем, он неизлечимо повредил позвоночник и мог ходить только в стальном «каркасе».

После войны Н. З. Суслопаров заведовал Подольским филиалом Центральной научной библиотеки АН УССР, где сосредоточены все старые издания, а в 1962 году ушел на пенсию, чтобы продолжать работать над дешифровкой древней письменности на Днепре.

Познакомились мы с Николаем Захаровичем в публичной библиотеке АН УССР, где наши места в читальном зале оказались рядом. Мы оба были пенсионерами, по образованию естественниками, оба работали над проблемами истории отечественной культуры. Я изучал этнокультурные процессы на территории УССР периода IV тысячелетия до н. э., язычество Руси как достижение высокой древней цивилизации Восточного Средиземноморья. Николай Захарович как библиограф уже знал некоторые мои работы. Ему понравилась моя дешиф-

ровка имени Рус (в эпоху Геродота) словом «пахари»¹ (Rus — turis, guaris, ar — orare — орати — пахать). Николай Захарович был полностью согласен со мной, что со времени публикаций академика Н. Я. Марра трипольское население следует считать пелазгами Гомера, скифов — славяноязычными этрускоидами. Я тогда уже много слышал о работах Николая Захаровича.

Каково же было мое изумление, когда я собственными глазами увидел более двух с половиной десятков фундаментальных исследований (неизданных!), среди которых были такие, как: «Надпись на диске из Феста», «Дешифровка трипольских надписей», «Лемноская надпись», «Надпись на сосуде из Днепропетровского музея (№ 40721-ДИМ-284)» и другие, в том числе надписи эпохи Киевской Руси семью алфавитами.

Дешифровка была выполнена так виртуозно и так убедительно аргументирована, что не находила возражений у известных советских ученых. Однако и ученых — специалистов по дешифровке древней письменности эпохи трипольской или срубной археологических культур у нас еще не было.

Огромное количество надписей, собранных за 200 лет, — и ни одной темы по их дешифровке в АН СССР и УССР!

Наше сотрудничество сразу выразилось в том, что Николай Захарович давал мне ценнейшую библиографию в области античных источников, а я ему — материал по этническим процессам на территории УССР и достижениям древней цивилизации в области астрономии, металлургии, сельского хозяйства, обычаев, обрядов, традиций, фольклора.

Я направлял некоторые работы Николая Захаровича в АН СССР и УССР с целью содействия их изданию,

¹ Знойко О. Про походження назви Русь. — «Народна творчість та етнографія». Київ, 1962, № 1.

иногда переводил на русский язык, так как Николай Захарович все писал по-украински, что затрудняло публикацию работ.

Многие его статьи не были даже напечатаны на машинке и имелись в одном экземпляре.

Я посодействовал размножению его текстов и изготовлению рисунков за счет Киевской городской организации общества охраны памятников истории и культуры.

Из этих работ один экземпляр оставался в архиве общества, один посылался на отзывы в АН (например, в Институт археологии СССР, Институт археологии УССР и др.).

Некоторые рукописи Николай Захарович дал мне с просьбой подавать их в редакции после его смерти, что я неукоснительно выполнял. Как математик Николай Захарович хорошо знал историю великого Эвариста Галуа, который перед внезапной смертью просил товарища подавать его работы в Академию наук через каждые пять лет. Только в третью подачу гениальные работы были признаны Французской академией наук равными работам Ньютона и сейчас известны всему миру.

В 1982 году я снова подал в институты АН СССР работы Николая Захаровича по дешифровке Лемноской надписи и трипольской письменности вместе со своей работой, показывающей, что предшественниками Руси были пеласги (трипольцы) и этруски, двигавшиеся с Поднестровья в Италию после Троянской войны.

В настоящей статье я даю три маленьких сообщения Николая Захаровича: «О пеласгском алфавите», «Надпись на баночном сосуде» и «Трипольская надпись на киевском пряслице», а также предлагаю читателям свою работу «Русь и этруски».

Текст сообщений Николая Захаровича и записка о трипольском—пеласгийском алфавите подается без изменений. Не касаясь прекрасных, лаконичных и ясных текстов его сообщений, позволяю себе рассказать о не-

которых штрихах из последних лет жизни Николая Захаровича, когда мне довелось его знать.

Он жил строго регламентированной жизнью, которую сознательно принес на алтарь науки и Отечества. Он жил одиноко, вставал всегда в 3—4 часа утра и два-три часа с большими усилиями и героизмом надевал и прилаживал стальной каркас на позвоночник, поврежденный в боях Великой Отечественной войны. Потом он завтракал приготовленной с вечера пищей и брал с собой большое количество орехов для белок. Орехи он собирал, ему приносили друзья летом, и орехами было заполнено все пространство под кроватью. Редчайшие книги по специальности, собственные переводы некоторых книг и великолепные по содержанию и изложению конспекты, картотеки, схемы дешифровок и памятников, фототеки и рукописи научных работ, да еще орехи для белок — таково было все имущество Николая Захаровича. За час до открытия библиотеки он уже был в Шевченковском парке против университета и кормил белок, ожидавших его независимо от погоды. Все белки сбегались в этот час. Любовь была взаимной. Николай Захарович называл зверьков вывирками по-украински, их изворотливость оправдывала это древнее летописное имя. Ровно в 9 часов утра Николай Захарович уже сидел на своем неизменном месте в читальном зале. Заканчивал он работу в 13 часов и шел обедать в диетическую столовую на углу Владимирской и Прорезной улиц. Иногда мы шли обедать вместе и обсуждали его работы.

Однажды (в 1973 году) я пригласил Николая Захаровича на доклад Н. М. Шмаглия — руководителя раскопок трипольского протогорода в селе Майданецком на Черкасщине. Перед этим Н. М. Шмаглий прочитал рукопись Николая Захаровича «Дешифровка трипольской письменности», которая его заинтересовала.

Я договорился с Николаем Захаровичем о его выступлении по докладу и предварительно просил об этом председателя А. И. Тереножкина. Однако на заседании

получилось иначе. Для выступления по вопросам языка и письменности трипольцев и киммерийцев времени Николаю Захаровичу не осталось. Он переживал этот случай. Вскоре был получен положительный отзыв из АН СССР на работу Николая Захаровича по дешифровке трипольской письменности, но уже 21 сентября 1974 он скоропостижно скончался.

Незадолго до смерти Николай Захарович передал мне список своих работ по дешифровке древних надписей.

Ниже приведены без изменений тексты сообщений Николая Захаровича Суслопарова о пеласгском алфавите и о дешифровке однословных трипольской и срубной надписей*.

2. О ПЕЛАСГСКОМ АЛФАВИТЕ

Имея задачей прочтение трипольских надписей и считая, что трипольцами были пеласги—этруски или (по Марру — лазги и пеласги) лелеги, сородичи этрусков, — мы должны рассмотреть историю пеласгско-этруского алфавита. Выясним, что известно об алфавитах этрусков, лелегов и пеласгов, принимая даты античной традиции как весьма приблизительные хронологические вехи.

В литературных источниках находим указание, что лидийцы появились в Италии за 1300 лет до н. э.¹, то есть в XIV столетии до н. э., или на рубеже XIV—XIII веков. Удивляться такому проникновению в Италию лидийцев в XIV столетии до н. э. морским путем не приходится, так как, по исследованию Дж. Патрони, доисторические времена передвижения и миграции чаще осу-

* Переводы с украинского статей Н. З. Суслопарова «О пеласгском алфавите», «Надпись на баночном сосуде», «Трипольская надпись на киевском пряслице» сделаны А. Знойко.

¹ Чертков А. Пеласго-фракийские племена, населившие Италию. М., 1853, с. 48.

ществлялись водными путями, чем сухопутными: «Повозка принадлежит истории, а лодка доистории»².

За 60 лет до взятия Трои, традиционной датой которого является 1184 год до н. э.³, в Италию прибыли во главе с Эвандром аркадские пеласги⁴. Таким образом, событие это относится к середине XIII века до н. э. С этим событием связывается появление у туземцев алфавитного фонетического письма (пеласгического), так как прибывшие с Эвандром аркадские пеласги были одного происхождения с жившими уже в Италии пеласгами. Диодор эту древнейшую азбуку называет пеласгической (Diodor III. 66).

Об этом же событии сообщает Тацит (Annal. XI, 14, 388).

Разъяснение этого места у Тацита дает А. Чертков:

«Видимо, Тацит говорит о двух разных азбуках, именно Демарат первый привез в 660 до Р. Х. в Италию греческие буквы; а Евандр с пеласгами аркадскими за 650 лет до Демарата уже водворил грамотность и буквы пеласгические, то есть те, которые мы называем этрусскими»⁵.

В данном толковании сообщения Тацита появление азбуки у туземцев Италии относится к концу XIV века до н. э., что несколько расходится с ранее указанной датой (середина XIII в. до н. э.), которую дает Дионисий Галикарнасский. Так или иначе, первая половина XIII века до н. э., по-видимому, является эпохой, когда аборигены Италии усвоили алфавитное фонетическое письмо, именовавшееся у древних авторов пеласгическим, а нами называемое этрусским.

² Общее и индоевропейское языкознание. Обзор литературы. Пер. с нем. М., Изд-во «ИЛ», 1956, с. 283.

³ Древняя Греция. М., 1956, с. 64. (Ин-т ист. АН СССР).

⁴ Павсания. Описание Эллады. С.-ПБ., 1887—1889, с. 666 (VIII.43.2).

⁵ Чертков А. Пеласго-фракийские племена, населившие Италию. М., 1853, с. 53.

Алфавит, приписываемый Демарату, как относящийся к VII веку до н. э., для нас не представляет интереса. Он должен учитываться при дешифровке этрусских надписей Италии.

Переходим к лелегам и их алфавиту. Древние греки называли догреческое население страны пеласгами, карийцами или лелегами.

Академик Н. Я. Марр считал пеласгов и лелегов соотечественниками этрусов⁶. Эти племена заселяли Эгеиду с периода неолита. Кария была расположена на юго-западе Малой Азии. Алфавит карийцев (лелегов) сохранился. Этот алфавит почти не отличается от алфавита этрусского (пеласгического)⁷.

Несколько слов необходимо сказать о древнейшем греческом алфавите, так как допускается получение его греками от пеласгов⁸.

У цитированного уже нами Тацита происхождению греческого алфавита посвящены следующие строки (XI, XIV):

«Первые фигурами животных египтяне изображали мысль ума: те древнейшие памятники человеческой мысли обнаруживаются вырезанными на скалах; говорят, что именно они были изобретателями букв, что затем финикийцы, потому что они были весьма сильными на море, принесли в Грецию и приобрели славу, как будто бы они изобрели то, что получили. Почему существует молва, что Кадм, привезенный флотом финикийцев, был виновником этого самого искусства у все еще необразованных народов греков. Рассказывают, что какой-то Кекроп Афинянин или Лин Фиванец и в троянские времена Па-

⁶ Марр Н. Я. К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги». — Зап.-вост. отд. рус. археологич. об-ва, т. XXV (1917—1920). Пб., 1921, с. 330.

⁷ Лоукотка Ч. Развитие письма. Пер. с чешск. М., 1950, с. 149, табл. 23.

⁸ Соболевский А. И. Русско-скифские этюды. — Известия ОРЯ и С РАН, т. XXVII. Л., 1924, с. 308.

ламед Аргивец изобрел шестнадцать форм букв, затем другие, и в особенности Симонид, — прочие (формы букв).

Анализ сообщения Тацита в связи с новейшими открытиями в области дешифровки «Линейного письма В» приводит к таким выводам:

1. Ахейцы — носители Микенской культуры — пользовались «линейным письмом Б», известным в XV—XVII веках до н. э.⁹ на рубеже II и I тысячелетий до н. э. эта письменность исчезает.

2. На XIII век до н. э. (его вторую половину) приходится переселение дорян¹⁰. К ним в первую очередь должно быть отнесено сообщение о доставлении алфавита финикийцами и об устройении его различными деятелями греков.

3. Устройство алфавита или, может быть, внедрение его занимает длительный период, начало которого относится к дотроянским временам, то есть к XIII веку до н. э.

4. У Тацита речь идет об алфавитном фонетическом письме, так как слоговое письмо грекам-ахейцам известно было помимо финикийцев.

5. Привезенный флотом финикийцев Кадм познакомил дорийцев скорее всего с алфавитом народа «пелесет» (филистимлян, пеласгов), который с острова Крит переселился¹¹ в Палестину и, как аркадские пеласги с Эвандром во главе в Италию, увез свой алфавит в места нового жительства.

6. Сравнение показывает, что древнейшим греческим буквенно-звуковым алфавитом был алфавит паласгский, что полностью согласуется с высказыванием античных писателей.

Историк второй половины I века до н. э. — Диодор

⁹ Древняя Греция. М., 1956, с. 55—56. (Ин-т ист. АН СССР.)

¹⁰ Там же, с. 64.

¹¹ Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 102.

Сицилийский определенно говорит, что «хотя вообще эти буквы называют финикийскими, потому что их привезли (речь идет о том же Кадме) к эллинам из страны финикийцев, они могли бы носить название пеласгических, так как пеласги пользовались ими» (8. 67. 1).

Из всего вышеизложенного ясным станет теперь, что алфавит этрусков в Италии, и алфавит карийцев (лелегов) в Малой Азии, и, наконец, древнейший алфавит греков в своей основе являются алфавитом пеласгов, то есть того народа, который некогда обитал на Украине и в первой половине II тысячелетия до н. э. вынужден был покинуть территорию Украины в силу невыясненных пока исторических событий. Трипольские надписи следует пытаться дешифровать с помощью этого пеласгского алфавита — алфавита этрусков в Италии, карийцев (лелегов) в Малой Азии и древнейшего греческого алфавита.

3. НАДПИСЬ НА БАНОЧНОМ СОСУДЕ (№ 40721-ДИМ-284) ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (ИЗ СЕЛА ПОПАСНОГО ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Далее приводим результат исследования Н. З. Суслопарова: текст его неопубликованного сообщения подается без каких-либо изменений.

«В статье А. А. Формозова о загадочных знаках на сосудах срубной культуры¹ под № 16 описан сосуд Днепропетровского исторического музея. «Сосуд Днепропетровского музея (№ 40721) — банка с незамкнутым рядом знаков, прочерченных под венцами». Любезно переданные мне сведения о сосуде № 40721 Днепропетровским историческим музеем значительно дополняют описание А. А. Формозова. Привожу полностью сведения о сосуде с инвентарным номером 40721-ДИМ-284.

¹ Формозов А. А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками. В. Д. И. 1953, № 1, с. 195.

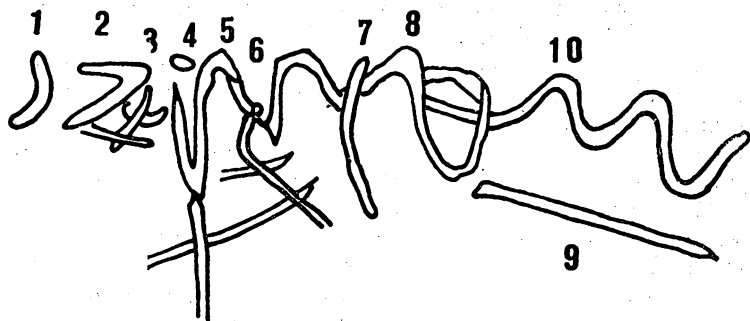
«Фрагмент баночного сосуда срубной культуры с загадочными знаками найден в 1903 г. в селе Попасном Новомосковского уезда Екатеринославской губернии во время раскопок захоронений, которые производил профессор Яворницкий.

Материал — черная глина, сосуд склеен из двух кусков, дна нет. Сосуд реставрирован VIII. 1953 г. Реставратор — главный хранитель фондов Иосиков.

Размеры — 90 мм × 120 мм»².

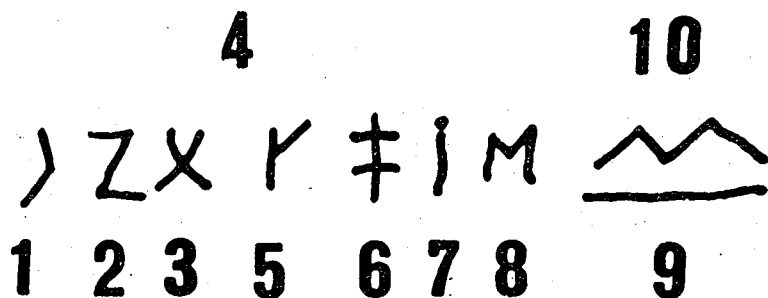
Наглядное представление о загадочных знаках на упомянутом выше сосуде дает рисунок (копия), который также передан мне ДИМ. После рассмотрения знаков на рисунке убеждаемся, что не было последовательного написания знаков слева направо или справа налево. Автор надписи, вероятно, хотел изобразить надпись на той площади сосуда, которая открывалась его глазам. Поэтому прежде всего он написал знаки 1-й и 10-й, потом знаки — 8, 5, 3 и 2-й; затем — знаки 6-й, 7-й и закончил написанием титл — знаков 4-го и 9-го.

Ниже надпись из села Попасного подается в развернутом виде вместе с нумерацией знаков.

² За переданные мне сведения о сосуде № 40721 приношу благодарность научной сотруднице Днепропетровского государственного исторического музея тов. Ковалевой.

Таким образом, надпись на сосуде Днепропетровского исторического музея (№ 40721-ДИМ-284) состоит из десяти знаков. Анализ знаков надписи на сосуде приводит нас к заключению, что допустимо отождествление этих знаков с буквами трипольского алфавита¹.

Исследование надписи на баночном сосуде срубной культуры в бассейне Нижнего Днестра привело к выводу, что надпись сделана трипольским алфавитом. Вполне естественным будет применение метода расшифровки трипольских надписей и для прочтения надписи на баночном сосуде срубной культуры.

При расшифровке трипольских надписей сравнение трипольских знаков производится с буквами алфавитов: фалисского, этрусского и старогреческого. Произведем также сравнение знаков исследуемой надписи с буквами фалисского, этрусского и старогреческого алфавитов.

Новыми, отсутствующими в трипольском алфавите, оказались знаки № 3, 5, 8 и 10. Сделаем несколько замечаний относительно этих знаков. Знак № 3 представляет собой начертание, которое, используя название букв греческого алфавита, может быть признано либо каппою, либо пи. Произносится знак № 3 может либо как

¹ Имеем в виду алфавит, который восстановлен после расшифровки трипольских надписей.

«к», либо как «кг (ch)». Знак № 8 — это несомненно «М», а знак № 10 возможно «с» конечное.

Транскрибируя надпись буквами латинского алфавита и раскрыв титла, мы получим:

U	S	K	[Δ]	t	Z	i	M	[Δ]	S
---	---	---	-----	---	---	---	---	-----	---

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----

или

U	S	Kh	[Δ]	t	Z	i	M	[Δ]	S
---	---	----	-----	---	---	---	---	-----	---

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----

Остается выяснить смысловое значение полученной надписи, для чего следует обратиться к языкам — латинскому, греческому, литовскому и армянскому (именно с помощью этих языков удалось расшифровать трипольские надписи).

Вспомним, что уже расшифрованные прежде надписи на сосудах трипольской и срубной археологических культур дали возможность получить представление о содержании этих сосудов: 1. Дрожжи винные. 2. Янтарики красноватые. 3. Жидкость лилейная. 4. Смола терновая.

Возможно, что и в сосуде Днепропетровского исторического музея находилось близкое к упомянутым по ценности и редкости вещество.

Обратимся к словарям. В словаре латинского языка находим с начальным слогом «us» только одно подходящее слово: Usta, al, f — красная краска киноварь, Vitv, Plin¹. Хотя это слово чересчур кратко, но значение его — «киноварь» заставляет насторожиться.

¹ Ананьев, Яснецкой и Лебединский. Полный латинский словарь. М. 1862, с. 877.

НОМЕР ЗНАКОВ
НАДПИСИ ПО ПОРЯДКУ 1 2 3 4 5 6 7 8 9-10

ЗНАКИ НАДПИСИ НА СОСУДЕ									
ЗНАКИ АЛФАВИТА	ТРИПОЛЬСКОГО								
	ЭТРУСКОГО								
ТРАНСКРИПЦИЯ ЛАТИНСКИМИ БУКВАМИ		v	s	kh	[a]	t	z	l	m
СМЫСЛОВЫЕ СОПОВЕЩЕНИЯ	ПО ЛАТЫНИ	v	s			t			m
	ПО ЛИТОВСКИ	v	z	k	al	t		i	m
	ПО РУССКИ	к	ра	ск	а				

Известно, что до революции наиболее богатое месторождение киновари на Украине находилось возле села Никитовка Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Это всего в 200 километрах от села Попасного, где найден сосуд Днепропетровского музея. В словаре литовского языка находим слово *Uzkaitimas*² — «краска». При сравнении литовского слова со словом, начерченным на сосуде ДИМ, вскрывается поразительное сходство:

по-литовски
ужкайтимас

на сосуде
ускатзимас

Из этого вытекает, что не будет ничего невероятно-го в допущении, что в баночном сосуде ДИМ находилась краска киноварь.

В своем сообщении музею о результатах расшифровки надписи я высказал мысль, что если бы удалось химическим анализом доказать нахождение в сосуде киновари, это было бы блестящим подтверждением правильности расшифровки (прочтения) надписи.

² Лемхенас Х. Русско-литовский словарь. Изд. 2-е. Вильнюс, 1955, с. 266.

В октябре 1957 года я получил письменное уведомление от научной сотрудницы музея тов. Ковалевой, что в лаборатории неорганической химии Днепропетровского университета, куда был передан сосуд для исследования, «первичный анализ установил наличие следов ртути (киновари)».

Это короткое сообщение полностью подтверждает правильность прочтения надписи на баночном сосуде Днепропетровского музея и дает основания утверждать, что в эпоху срубной культуры в бассейне Нижнего Днепра на Левобережье проживали предки современных литовцев. Древние литовцы — обитатели Днепропетровщины умели читать и писать уже за 3000 лет до нашего времени и применяли в быту киноварь за 1000 лет до н. э., опередив в этом отношении на целых 500 лет древних египтян».

НОМЕР РИСУНКА	ПРЯСЛЕНЬ
1	
2	<div> <div> ^ ^ ^ F</div> <div>1 2 3 4 5</div> </div>

4. ТРИПОЛЬСКАЯ НАДПИСЬ НА КИЕВСКОМ ПРЯСЛИЦЕ (2100—1700 гг. до н. э.)¹

От времени позднего этапа Триполья (2100—1700 гг. до н. э.) в киевских землянках сохранилось пряслице², на котором рядами углублений сделана надпись.

Анализируя знаки на предметах трипольской культуры и знаки на предметах срубной культуры бассейна Нижнего Днепра и сравнивая их, приходим к выводу, что эти знаки оказываются тождественными. Расшифровка надписи на баночном сосуде Днепропетровского исторического музея (№ 40721-ДИМ-284) была подтверждена результатами исследования содержания указанного сосуда в лаборатории неорганической химии Днепропетровского университета. И расшифровка надписи, и химическое исследование содержания сосуда дали тождественные результаты³. Таким образом, естественно заключить, что и на баночном сосуде срубной культуры, и на предметах трипольской культуры мы имеем знаки письма.

Для расшифровки надписи сравним ее знаки с алфавитами: 1. Трипольским. 2. Архаичным латинским. 3. Архаичным греческим. 4. Фаллиским. 5. Этруским. Результаты этой работы представлены на таблице.

На киевском пряслице времени трипольской культуры читается слово *Elules*, очевидно, имя собственника пряслица в родительном падеже.

В латинском языке к этому слову ближе всех слово

¹ В настоящее время датировка принимается более древней (до III тысячелетия до н. э.).

² Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетие до н. э.) М.—Л., 1949, с. 186, рис. 95,3 и с. 188—189, рис. 98. Киев-кирилловские землянки, 13. Материалы и исследования по археологии СССР, № 10.

³ Сулопаров Н. З. Надпись на сосуде (№ 40721-ДИМ-284) Днепропетровского исторического музея из села Попасное Днепропетровской области.

ЗНАКИ	1	2	3	4	5
АЛФАВИТ		∩	∧	∩	Ǝ
ТРИПОЛЬСКИЙ	Ǝ	1	∧	∩	Э
ЛАТИНСКИЙ		∪	∧	∪	E
ГРЕЧЕСКИЙ		1	∧	1	Ǝ
ФАЛЬСКИЙ		1	∧	1	Э
ЭТРУСКИЙ		λ	✓	λ	Ǝ
ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ	E	e	u	e	c ² (ae)

Ulula, f, «сова». Такое имя собственницы пряслица — «сова» — имеем на пряслице времени Киевской Руси⁴ — «совин пряслень».

Однако на киевском пряслице времени трипольской культуры написано имя Elulae.

Это требует пояснения. Можно допустить, что слово Ulula во времена Трипольской культуры выговаривалось как Ulula, но это будет бездоказательное пока что допущение.

Анализируя слово Elula, приходим к заключению, что оно может состоять из двух частей: корень слова El и суффикс ula. Суффиксы ulus, a, um употребляются в латинском языке для образования уменьши-

⁴ Суслопаров Н. З. Надпись бустрофедоном на пряслице из древнего русского города Воинь. Рукопись.

тельных слов⁵. Таким образом, имя собственницы киевского пряслица могло быть Ela=Эля.

В мифологической литературе античного времени существует имя Елла (дор.) — Гелла, которое напоминает киевское женское имя Ela⁶, однако делать из этого какое-либо допущение нет оснований.

Пока что надпись на пряслице из киевских землянок (III тысячелетие до н. э.) является единственной киевской надписью, известной нам со времен трипольской культуры (прочитаны многие трипольские надписи, найденные за пределами Киева).

Учитывая огромные трипольские поселения на территории города, этого достаточно, чтобы в работах по истории Киева вспоминать о древнейшем населении города — пеласагах и о существовании в Киеве буквенно-звукового письма за 2000 лет до н. э.

Теперь пеласги не являются загадочным народом. Определение оставленных ими надписей и расшифровка их раскрыли, что пеласги были предками латинян (римлян)⁷.

5. РУСЬ И ЭТРУСКИ

Когда мне довелось в предвоенные годы участвовать в Московской полярнографической выставке, организованной академиком В. И. Вернадским, я в разговоре узнал о его теории этноса и этногенеза как функции геозаконов биосферы.

Чернопорская Русь этнически была продуктом юга. Об этом свидетельствуют традиции. Празднование рождества и пасхи ночью было в Двуречье у поклон-

⁵ Соболевский С. Н. Грамматика латинского языка. М., 1938, с. 116.

⁶ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь, т. 1. М., 1958, с. 516.

⁷ Суслопаров Н. З. Лемноская надпись. К., 1958. Рукопись.

ников месяца. Когда в Двуречье, Индии толпы народа погружались в Тигр, Евфрат, Ганг, в этот день и на Руси окунались в проруби. Без меховой шапки (хоть в руке) даже в жару не выходили на улицу. Шапка — символ власти у пастухов древнейшей археологической культуры.

Русь — древнейшее детище юга, то есть Восточного Средиземноморья — родня этрускам.

В 1961 году мне пришлось докладывать в АН СССР о Руси во времена Геродота, мое сообщение вызвало тогда недоумение.

И все же еще в тяжелые годы Великой Отечественной войны (1944) академик Н. А. Державин выступил со своей книгой «Происхождение русского народа». В этой книге он писал, что имя Русь-Рос связано с этнонимом «этруски» — именем народа выдающейся древнейшей цивилизации Восточного Средиземноморья¹. В беседах с автором настоящей статьи Николай Афанасьевич, считавший себя не только историком, но и украинским этнографом, подробно развивал опубликованное в той же книге утверждение, что алазоны Геродота — это по имени и существу современные галичане. Греки не выговаривали звук «ч» и обозначали его буквой «z».

В последующие годы нами был собран и обобщен большой комплексный материал в области этнокультурных и этногенетических связей Древней Руси с протолатинянами — пелазгами и этрусками.

Удалось показать, что имя Русь-Рос — одного корня с глаголом агаге — орати — пахать. Оратай — пахарь. Rus-ruris (род) — guaris. Корень аг — агаге — орати — пахать.

Оказалось, что во времена Геродота (V в. до н. э.) в Скифии проживали не только галичане, но и племена, носившие имена Русь и Поляне. Эти имена Геродот только перевел на греческий и по-гречески назвал па-

¹ Державин Н. А. Происхождение русского народа. М., 1944, с. 14.

харями и земледельцами. Об этом автором было доложено в академических институтах и на республиканской ономастической конференции в Киеве в 1959 году. Результаты исследования были, наконец, опубликованы в издании АН УССР².

Этнокультурные и этногенетические связи Руси с протолатинянами были очевидны. На это обращали внимание исследователи прошлого века³, глубоко и всесторонне использовавшие античные сообщения в отличие от последующих авторов.

Более 30 лет исследуя происхождение Руси и славян в ареале Восточного Средиземноморья с IV тысячелетия до н. э., автор, в частности, изучил язычество Руси, которое оказалось астральным культом древних цивилизаций, почти тождественным верованиям этрусков. Сравнительное изучение язычества, народных традиций, языка и быта следовало бы считать основным научным направлением при решении вопросов происхождения народов. Это положение выдвинул 2000 лет тому назад изучавший происхождение этрусков уроженец Малой Азии, живший в Риме в конце I века до н. э. Дионисий Галикарнасский. Он возражал Геродоту, который на пять столетий раньше (и впервые) сообщил, что этруски пришли в Италию из Лидии (Малая Азия). Если бы это было так, возражал Дионисий Галикарнасский, то у этрусков и лидийцев были бы общие боги, общие элементы языка, традиций и быта. Однако этого не было. Такую точку зрения разделяют и современные ученые⁴.

² Знойко. О. Про походження назви Русь. — Народна творчість та етнографія. Київ, 1962, № 1.

³ Гудца Венелин Ю. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1841; Суrowецкий Л. Исследование начала народов славянских. М., 1846; Чертков А. Д. О языке пелазгов, населявших Италию, и сравнение его с древнеславянским. М., 1855; Чертков А. Д. Пелазго-фракийские племена, населявшие Италию. М., 1853.

⁴ Кондратов А. Этруски — загадка № 1. М., 1977, с. 12, 13.

Вопрос был настолько важным, что автором было предпринято специальное исследование.

Оказалось, что были правы оба великих ученых древности в том смысле, что этруски пришли из Лидии, но ничего общего не имели с лидийцами в эпоху Дионисия Галикарнасского.

Дело в том, что у лидийского царя было два сына: Тиррен и Лид, возглавлявших две группы племен. Лид руководил племенами, оставшимися в Лидии, а Тиррен — племенами, родственными троянцам, фригийцам, битынам, венедам, ханаанеям. Племена, ушедшие в Италию, были родственными славянам и Руси. Фригийцы и битыны жили прежде в Подунавье (бригги и стримоны). Венеды — это те же славяне, а ханаанеи, по Гаркави, славяне и язык их славянский. Покинули Лидию племена, руководимые Тирреном, во главе с ним. Много столетий они по суше продвигались через Подунавье, Поднепровье, Моравию, Австрию и проникли в Италию с севера. Лид с группой племен остался в Лидии, которая только в будущем стала называться его именем — Лидией, а народ — лидийцами. Перемена имени народами и странами — обычное явление с древнейших времен. Так было, например, с племенами балканских пеласгов, которых до Троянской войны завоевал царь Данай и приказал народу называться данаями. Благодаря этому факту мы можем судить, что Одиссей был пеласгом (дары данаев), а Эней, покинувший разрушенную Трою, основавший в Альба-Лонге (Лациум), предок Ромула и Рема — основателей Рима, был этруском.

В настоящее время стало бесспорным, что только данные сравнительной исторической этнографии вместе с данными других наук позволяют решать вопросы происхождения народов. Мы уже знаем, что боги, обряды, верования, традиции и обычаи междуречья Днепра — Днестра — Дуная — это верования и обычаи населения трипольской и срубной археологических культур (IV—II тысячелетия до н. э.). Готовящиеся к публикации ра-

боты по дешифровке и прочтению трипольской и киммерийской (срубная археологическая культура) письменностей на Днепре Н. З. Суслопарова *, окончательно раскрыли тайну этих народов. Трипольцы оказались пелазгами, и киммерийцы — гето-фракийцами — этрускоидами и протославянами.

Правы оказались ученые, считавшие большинство скифских племен не ираноязычными, а этрускоидами и протославянами.

Поразительно, что языческие обряды, праздники рождества (25 декабря), Нового года (Щедрый вечер), Купала и другие, сохранившиеся на Днепре до наших дней, исполнялись неизменно еще в Трое, Фригии, у этрусков Италии, а многие были унаследованы Римом.

Более пяти тысяч лет на Руси сохраняются пословицы, поговорки и национальные черты быта пелазгов и этрусков. Этих пережитков так много, что их перечисление составило бы целую книгу.

Назовем такие общеизвестные традиции, как «рассыпать соль — к ссоре», если человек чихнул, нужно сказать «будь здоров» — обычаи пелазгов (Снегирев). Борщ, колбаса, поджаренные бобы были и римскими национальными блюдами, заимствованными у общих с Русью указанных предшественников.

Главные языческие боги Руси и славян: Сварог, Перун, Стрибог, Месяц, Лада, Купала и др. были и главными богами этрусков. Одинаковые были обряды и ритуалы. Этрусский праздник бога лунного неба — Янус⁵, который был тождественным празднику рождения

* Белоконь И. А. Утро творения. — «Москва», 1982, № 3, с. 153.

⁵ Обычно принято считать, что Янус — римский бог врат и дверей. Это произошло потому, как показало специальное исследование автора, что Янус был богом Вавилона, а Бибило́н в переводе означает «небесные врата». Это был бог лунного неба в Двуречье — Ан. Ан у этрусков перешло в Ян, как и у славян абло́ко — яблоко, агнец — ягня. Суффикс «ус» также чисто славянский, сохранившийся на Руси до XIX в. (Сын — сынус, Тана — Танаис.)

Месяца на Днепре (праздник Щедрый вечер), стал при Юлии Цезаре в 46 году до н. э. началом нового года по новому календарю (1 января). Народ в Риме, как и на Руси до наших дней, хранил традицию, что всякое дело, начатое в праздник рождения Месяца (Щедрый вечер), будет успешно завершено. Глубокого изучения обрядов рождества и Щедрого вечера на Руси было бы достаточно, чтобы воскликнуть, подобно А. Д. Черткову, написавшему 150 лет тому назад: «Этрусский — это русский»⁶. А. Д. Чертков пришел к такому выводу, даже не изучая мифологии и исторической этнографии, а занимаясь главным образом языками пелазгов и древнеславянским. Это возмутило А. М. Кондратова, написавшего, что это выглядит «совершенно юмористически, пародийно»⁷.

Главный бог Руси и славян — Перун — был и богом этрусков. Бог грома и молнии у этрусков назывался Стри — Satres, а на Руси почитался под именем Стрибог.

Видные современные итальянские этрускологи Де Санктис и Паретти считали, что этруски пришли в Италию сушей с севера, а не морем, как это предполагалось прежде. Бугге и Карл Паули, классики дешифровки этрусских надписей, по-разному относились к этимологическому методу. Когда Бугге читал какую-нибудь надпись, используя данные латинского языка, Карл Паули читал ту же надпись совершенно иначе с помощью литовского. Он был противником «голой этимологии». Однако в конце жизни он признал необходимость пользоваться и этимологией. Он доказал, что троянцы называли себя тросес (troses), что тождественно имени «этруск». С другой стороны, имя славянских народов (до VI в.) — венеды (венеты) связывает славян с Троей; согласно Всемирной истории Помпея Трога в обработке

⁶ Чертков А. Д. Указ. соч.

⁷ Кондратов А. М. Указ. соч.

Юстина «венеды были изгнаны Атенором из Трои». Таким образом, современные ученые-этрускологи делают выводы, что троянцы были этрусками, а античные авторы сообщают, что венеды были троянцами. Известно, что ни те, ни другие утверждения не нашли еще всеобщего признания, но обратим внимание на то, что две величины, порознь равные третьей, равны между собой, то есть венеды — это этруски, но венеды в наше время называются славянами!

Действительно, этруски, выведенные Тирреном из Лидии (по Геродоту), были близки (этнографически) троянцам, а венеды, по данным скандинавских хронистов и славянской этнографии, были связаны с Фригией и Троей. Карпаты назывались Венедскими горами, и на Руси имели свою родину богини: Тана — Tanais, Лада — Latona, Артемида — Artemis.

Этруски называли себя расены (Дионисий Галикарнасский); по Геродоту, эту территорию занимало племя тирса-гетов, но тирса — *tirsenoi* — это греческое название этрусков. Геродот писал о племени гетов (фракийцев) — этрусков по происхождению. Изучая историю и этнографию этрусков, мы все время фактически соприкасаемся с Русью и славянами. Неудивительно, что еще в прошлом веке Ю. Гуца Венелин разработал гипотезу о славянском компоненте в этносе этрусков. Мы считаем, что можно говорить о близких этнических связях этрусков с Русью. Об этом говорит Тит Ливий: «Альпийские жители, преимущественно словене (реты), одного с этрусками племени и происхождения, но в горах они так адаптировались, что из всего прежнего сохранили только свой язык, однако не без искажений»⁸. Ошибки в этом сообщении быть не может, так как Тит Ливий был родом из Падуи в Словении и хорошо знал словен (ретов). Юстин писал, что галлы заставили этрусков во главе с Ретом переселиться в Альпы, где они «распростра-

⁸ Гуца Венелин Ю. Древние и нынешние болгары..., с. 13.

нились под названием ретских народов». Об этом сообщает и Плиний, а Страбон указывает, что словене — реты — в начале новой эры простирались к реке Подо Вероны и Лаго. Другие источники свидетельствуют, что реты в древности простирались и за реку По и известны были тогда под именем этрусков. Порабощенные римлянами, они ассимилировались.

Вся Северная Италия именовалась Этрурией, а не одно только Тосканское герцогство, как позднее. Совершенно безоговорочно этруски названы словенским племенем в словаре Стефана Византийского⁹.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что некоторые племена потомков этрусков, уцелевшие до XIX века, жили прежде под именами этрусков — расены — русины, венеды — словены — реты (восточные анты), тирсагеты (tirseni — tirsenoï).

Следует признать, что многочисленные усилия энтузиастов-одиночек в последние годы возбудили наконец большой интерес советских ученых к этнокультурным связям Руси с этрусками¹⁰.

Изложим теперь в связи с проблемой Русь — этруски некоторые результаты последней работы автора о пантеоне Киевской Руси¹¹.

Решая проблему происхождения Руси и славян, обратимся к вопросам цивилизации и культуры: язычество, многоэтажные древние города III тысячелетия до н. э. и сельское хозяйство на Днепре, металлургия, пути сообщения, письменность (с III тысячелетия до н. э.). Достижения древней культуры в Причерноморье и на Днепре, когда Вавилона, Греции и Рима еще не суще-

⁹ Цит. по: Гуца Венелин Ю. Указ. соч., с. 76, 77.

¹⁰ Марченко Г. Етруски в Галиччї? — «Жовтень». Львів, 1982, № 2; Нудьга Г. Промінь у таємницю. — «Жовтень». Львів, 1979, № 10.

¹¹ Знойко А. П. Мифологія астрального культу на Русі. — «Людина світ». Київ, 1980, № 5; Знойко О. Самбатас. — «Дніпро». Київ, 1980, № 7.

ствовало, позволили автору сформулировать концепцию из трех пунктов.

1. Язычество Руси было наследием великих древних цивилизаций.

2. Предшественники Руси и Русь обладали общностью достижений восточно-средиземноморского культа природы, когда небесные тела считались богами.

3. Если боги той эпохи были созвездиями, то названия созвездий были именами богов.

Исследование древних народных названий созвездий на Днепре поставило вопрос об астральной природе язычества Руси и одновременно многие вопросы этнокультурных связей Руси с пелазгами, кельтами, Малой Азией и этрусками. Автором были собраны древние астронимы, исследованы, датированы и нанесены на звездную карту неба. Оказалось, что названия созвездий относятся к V—III тысячелетиям до н. э. и эпохам более древним. Все боги киевского пантеона князя Владимира были созвездиями или небесными телами.

Интересно, что языческие обряды календарных праздников соответствуют движениям созвездий и небесных тел, а также данным летописей и фольклора. Есть смысл говорить о возникновении новых научных направлений — астроэтнографии, астрофольклористике, астроархеологии; они позволили вскрыть древнейшие культурные связи Киевской Руси. Из пятнадцати главных астральных богов Руси (их разноэтнических названий еще больше — 25) рассмотрим подробнее трех: это Волос, Перун и Стрибог. Рассмотрение этрусского Януса — Мисяць (укр.), Артемида (фрак.) и общих этому божеству обрядов потребовало бы особой статьи.

Волосом (Велес и Тур «Слово о полку Игореве») народ на территории Украины называет зодиакальное созвездие Тельца, а Телец со скоплением звезд Плеяд носит имя Волосожар, то есть Жар Волоса — Небо Волоса. Однако в древнем Киеве существовало и другое название этого созвездия (астрального божества Ру-

си) — Тур (Taurus). Вспомним величальное «Яр Туре Всеволоде («Слово о полку Игореве»), что означает «Солнце (Ярыло) созвездия Тур Всеволоде»! В княжеском Киеве на Подоле была и Турья божница. Название Волос, по-видимому, готского происхождения, так как им требовалось пояснение имени Вол словом ass (бог). Вол + ass (Вол + бог) — Волос. Это имя произошло подобно тому, как на Руси из средиземноморского Да (Солнце) с пояснением бог образовалось Даж-бог. Образование летописного Даж-бога было и непосредственным заимствованием имени Солнца у пелазгов (трипольцев). — предшественников Руси на Днепре и влиянием тех же готов, у которых имя божества было Dags. Суффикс «гс» у протославян перешел в «ж». Таким же пояснением — бог — снабдили имя этрусского бога грома и молнии Стри (Satres), который в Киеве стал Стри-богом. Этот важный факт единого главного божества у Руси и этрусков (Перун = Стри-бог) мы подробно рассмотрим.

Имя Вол — чисто славянское (протославянское) название зодиакального созвездия Телец (Taurus), но, как уже говорилось, в Киеве существовало и другое имя этого божества — Тур. Исследования выдающегося советского лингвиста, археолога, этнографа академика Н. Марра показали, что имя Тур, распространенное и сейчас на Украине, было именем божества неба у этрусков в Причерноморье. Эти племена этрусков, двигаясь на запад, соединились с племенами этрусков, у которых главное божество неба носило имя Ан (лунное небо Двуречья). Божество неба приобрело двойное имя Тур + Ан = Туран (Небо + Небо). Имя божества Тур (созвездие Телец) этруски передали римлянам, которые и сохранили это этруское и киевское имя Тур (Taurus), подобно нашим предкам, сохранившим имя Тур до наших дней.

Вот откуда наше величальное обращение в «Слове о полку Игореве» — «Яр Туре Всеволоде!». Вот откуда Турья божница в Киеве на Подоле. Это свидетельство глубоких и многовековых этнокультурных связей двух

родственных народов — Руси и этрусков. Оба имени — Тур и Вол хронологически уходят в эпоху энеолита и связаны общей космогонией, мифологией и предисторией народов.

Имя созвездия Телец на Руси — Вол относится к эпохе, когда в этом созвездии наступало весеннее равноденствие и созвездие было главным божеством древних цивилизаций (V—III тысячелетие до н. э.).

Имя Вол (Телец) отражено в пеласгийских мифах (трипольских мифах), сохраненных греками, о том, что титан Кронос (бык) сверг бога неба Урана, а затем был сам свергнут Зевсом (Небо) и, кастрированный, бежал в Италию, где принял имя Сатурна. Оскопленный Кронос (Вол) уступил главенство Перуну (Стрельцу) — Сатрес (этрусск.) и стал Сатурном (Сатр + Туран = Сатурн).

Согласно мифам в Италии в ту эпоху был один бог Янус (бог лунного неба), культ и обряды которого у этрусков и на Днепре были тождественны. Имя Волос (Вол бог кастрированный Тур = Кронос) сохраняет древнейшую мифологию пелазгов, этрусков, Руси эпохи лунного зодиака.

На территории Днепра — Днестра — Дуная после разрушения Трои этруски по суше долго распространялись на запад и пришли в Италию не ранее VII века до н. э. История астрономии, мифологии, историческая этнография и лингвистика дают особенно много материала для решения вопросов этногенеза Руси и этрусков. Многочисленны общие понятия, представления, термины древней астрономии, мифологии. Например, одни и те же божества, праздник рождения Месяца — Щедрый вечер на Украине и праздник Януса у этрусков. Обряды этого праздника, жертвенные лепленные пироги и гадание по внутренностям животных, которые были распространены только в народе Киевской Руси и у этрусков.

Обращают на себя внимание и общие элементы бы-

близость с этрусками Руси изучение автором главных богов этих народов: Перуна и Стри-бога, воплощающих древнейшее божественное созвездие зодиака — Стрельца.

Перун, как главный бог Руси и, как мы покажем ниже, главный бог этрусов — бог грома и молнии — Сатрес (Satres), известный на Руси под именем Стри-бога, стал в последние годы объектом многочисленных исследований (укажем работы В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Б. А. Рыбакова, Я. Е. Боровского и другие).

Таким образом, астральная (астрономическая) природа языческих богов на Руси¹² позволяет вскрыть глубокую древность Перуна и его тождество со Стри-богом киевского пантеона — богом этрусов — Стри — Сатрес. Следует считать, что созвездие Стрелец — Перун — Стри-бог Руси и этрусов было божеством грома и молнии с эпохи, когда весеннее равноденствие приходилось на это созвездие, то есть с позднего палеолита — около 20 тысяч лет до н. э. (эпоха Мадлен).

Чрезвычайная древность Перуна Руси, о которой Проконий писал в VI веке, что «славяне веруют в единого бога творца перунов, владыки всего мира», следует из факта, что это божество под разными именами было известно многим народам.

Так, Перун соответствует Пейраму (зендс) — небесный огонь созвездия лунного зодиака (палеолит). Это Гиперион (греч.) — один из двенадцати титанов, до эпохи эллинских богов, отец Солнца, Луны и Зари. Это Парджанья (санск.), Перында (алб.) Perkunas (лит.), Percunis (др. пр.), Percuons (латыш.). Все это бог грозы с аналогичными функциями Тора (скан.), Тараниса (кельт.) и т. д.

Рассмотрим теперь астральное содержание бога Перуна, его соответствие Стри-богу и созвездию Стрелец на Руси.

Из истории астрономии известно, что главным боже-

¹² Знойко А. П. Мифология астрального культу...

ством древних народов Восточного Средиземноморья было то или иное созвездие зодиака. Раз в год, когда новолуние приходилось на это созвездие, устраивали празднество. Водили символическое животное, посвященное божеству; фракийцы в Афинах и фракийском городе Мендессе во время торжеств водили козу. Об этом свидетельствовали Платон и Тит Ливий. Коза означала и животное и Месяц (Луну) у одних племен или звезду Козу (современную Капелу — α созвездия Возничего) у других. На Днепре с древнейших времен и до наших дней водят козу в праздник новолуния, в зимнее солнцестояние в созвездии Стрельца.

Выходит, что зодиакальное божество наших предшественников, созвездие Стрелец, это и есть главный бог Руси — Перун. Это следует подтвердить. Обратим внимание на то, что, по мифологии Руси, в зимнее солнцестояние в созвездии Стрельца рождается Солнце. Это младенец на голове богини Лады (воплощенный свет) или яблоко в руке¹³. Эллины сохранили мифы и обряды, по которым отец Солнца, Гиперион, — один из двенадцати титанов — созвездий зодиака — титан зимнего солнцестояния, то есть Стрелец. О том, что Перун отец Солнца, свидетельствует на Руси обряд на праздник рождения — колоть кабана — вепря (укр.), жертвенное животное, посвященное Солнцу за плодородие. По внутренностям вепря — жертвенной Рохи еще недавно на Руси происходило гадание, как у этрусков (Гаруспиции)¹⁴.

В Киевской Руси производилась символическая церемония: в священный дуб (Перун — дубовый бог) вделывались челюсти молодого вепря — символ рожденного

¹³ Головацкий Я. Старославянское баснословие или мифология. Львов, I, с. 25.

¹⁴ Коробка Н. К изучению малорусских колядок. — Известия отделения рус. яз. и словесн. Имп. Ак. Наук. Спб., 1902, т. VII, с. 248.

Солнца. Такие священные дубы найдены археологами на Днепре.

Рассмотрим теперь этимологию и семантику имен: Перун, Стрибог — Стрелец. По-украински, по-русски, по-белорусски Перун значит «молния». По-польски *piogun* — молния. По-словацки *ragot* — молния. Анализ имени Стри-бог показывает, что это тот же бог грома и молнии. Имя состоит из двух частей имени бога — Стри и пояснения, что это бог. Значение слов с корнем *стри* известно в славянских языках. По-болгарски «стрекам» означает «трещать, греметь». Сербохорватское «стријека» — трещина, полоса. Словацкое «стрела» означает «молния», чешское «стрела» — молния, а русское «стризовый» — ярко-красный.

На славянских языках Стри-бог — это Перун Руси, а Стрелец — это тот же бог, обладающий свойством грома и молнии. Какой же народ в результате длительных этнокультурных процессов передал Руси имя Стрибога? В рассматриваемую далекую эпоху племена часто носили имена богов, а реки приобретали названия племен. Иногда реки носили два названия, протекая по двум племенным территориям¹⁵. Во многих случаях названия эти (этнонимы, гидронимы, топонимы) сохранились до наших дней.

Проследим имя — Стри от Нижнего И — стра и Днестра — Дана — Стра на юго-запад. Следы ведут через Украину, Моравию, Чехословакию, Австрию в Италию. Мы знаем племя истры, давшее имя Истру (Дунаю), племя сатры, племя стримоны, жившее в Битынии и Трое, а также по реке Стрима в нынешней Болгарии. Имеем множество гидронимов: Стривигор, Струга, Стронавки, Стронне, Стришавка и др.¹⁶. Эти гидронимы и топонимы распространяются до Полесья, Припяти и на Волини.

¹⁵ Петров В. П. Этногенез славян. Киев, 1972, с. 81.

¹⁶ Петров В. П. Указ. соч., с. 82—88.

Несомненно, это тот этнический район, где некогда обитали племена с главным божеством Стри.

Следы идут на запад. В Чехословакии: Банска Быстрица, Острава, Стршнбро и др. В Австрии: Штраубинг (Страубинг). Наконец, в Италии опять следы этого бога.

Археологи нашли в Пьяченце бронзовую печень, служившую для гаруспиций с именем главного бога этрусков Сатра — Satrus. Имя Сатрес этимологически тождественно имени Стри-бог. То, что Стри-бог — Сатр — это созвездие Стрелец, подтверждается латинским названием этого созвездия — Sagittarius, которое этимологически и семантически тождественно Стри и Сатр. Sagittarius по латыни значит «Кующий (посылающий) стрелы — молнии». Для названия созвездия римляне сохранили имя бога этрусков, как и имя созвездия Тур (Taurus).

Мы видим, что пелазги и этруски — предшественники и близкие родичи Киевской Руси. С этой точки зрения заслуживают внимательного сравнительного изучения языки: украинский, моравский (диалект XVIII в.), сербский, хорватский, пелазгийский, этрусский.

Особый интерес представляют этимология и древняя семантика слов «стрес», «стрела», «стрий», «сестра», «страва», «струмок», «быстрый» и др.

В результате вышеизложенного становятся понятными сообщения автора «Слова о полку Игореве» о ветрах — «стрибожьих внуках», веющих с моря стрелами-молниями. Прав оказался Нестор, говоря о начале славян в «Илюрике». Нестор поставил в затруднительное положение ученых, особенно лингвистов. Он не мог предполагать узкой специализации, ограничивающей эрудицию. Нестор назвал древнейшее имя родины наших предков, а с другой стороны, современное ему их имя — словены, что и вызвало затруднения. Известно, что Иллирия была населена племенами тирренов, то есть этрусков, а последние, по словарю Стеф. Византийского, были словенского племени.

Судя по всему, такие центры древней цивилизации, как Киев, Рим, Ольбия Албания (балканская) и Албания (каспийская), были созданы (синхронно) выдающимися народами древнего мира — пелазгами и этрусками в VII веке до н. э.

В Трипольскую эпоху пелазги — лелеги двигались на запад вдоль Северного Причерноморья. Лелеги (лелеки) были восточными сородичами этрусков и предшественниками эллинов. В догреческих Афинах ими была построена священная стена Пеларгикон с изображениями аистов — священной птицы и тотема этого народа. Главным астральным божеством лелегов — этрусков была звезда, которую символизировал аист. На Украине эта птица сохранила название звезда — гайстер (укр.), а также название по племени — лелека и по другому племени или антропониму Бус — бусол — бусько — сын Буса (укр.). Эта птица до сих пор считается священной и неприкосновенной на Украине. Король антов Бус («Слово о полку Игореве») или Бож (более поздняя литературная форма) потерпел жестокое поражение в борьбе с готами и был распят вместе с 70 старейшими. Это произошло в доисторическом Киеве в 375 г.

ОТЗЫВЫ СПЕЦИАЛИСТОВ

Работы А. П. Знойко — результат многолетних трудов. Они интересны тем, что, исследуя язычество Древней Руси, А. П. Знойко рассматривает его на широком историческом фоне, охватывая период жизни индоевропейских народов с эпохи Триполья до наших дней. Автором используется комплексный метод исследования: привлекаются, кроме истории, археология, этнография, этимология, лингвистика, астрономия. Язычество Древней Руси А. П. Знойко сопоставляет с верованиями предков древних славян, древних греков и других народов, живших на берегах Средиземного моря.

Такой подход дает автору возможность доказать, что языческие боги Древней Руси являлись созвездиями или небесными телами и их названия были известны народам Присредиземноморья и Причерноморья задолго до нашей эры. В результате исследования, проведенного А. П. Знойко, вырисовывается совершенно новое представление как о язычестве Древней Руси и ее культуре, так и о культуре Средиземноморья.

О. Державина, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького
АН СССР, доктор филологических наук

Большой заслугой А. П. Знойко является то, что он в результате многолетнего труда, широко используя научную литературу и восточнославянское устное народное творчество (к сожалению, почти отсутствуют ссылки на белорусский фольклор), показал тесную связь дохристианской (языческой) религии с астрономией, космогоническими представлениями о вселенной.

Широкое использование фольклорных, лингвистических, этнографических и астрономических данных дало возможность автору выдвинуть целый ряд гипотез, предположений, интересных догадок о связи дохристианской религии древних славян с астрономическими явлениями. Именно в этом состоит основная ценность исследования А. П. Знойко.

Г. Сергиенко, заведующий отделом истории феодализма
Института истории АН УССР, доктор исторических наук;

И. Шекера, старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Евгений Гуляковский
ШОРОХ ПРИБОЯ
5

Тихон Непомнящий
БУМЕРАНГ ЗОРИЧА
101

Сергей Плеханов
ОСТРОВ ПУРПУРНОЙ ЯЩЕРИЦЫ
135

Алексей Минеев
МОНАСТЫРЬ У ТЕПЛОЙ РЕКИ
146

Владимир Михановский
ЭЛЫ
158

Игорь Андреев
КОШКА ГРИФФИНА
183

Роман Романов
«ЗАЯЦ»
191

Владислав Ксионжек
РЕТРО-2081
199

В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ФАНТАСТА

Виталий Ларичев
НАХОДКИ В СИБИРИ
204

Александр Левин
КАМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ
225

Владимир Кючарьянц
ГДЕ НАЧАЛО «ГАЛЕРЕИ ЗНАНИЙ»?
255

Александр Знойко
РУСЬ И ЭТРУСКИ
267

ИБ № 3883

ОСТРОВ ПУРПУРНОЙ ЯЩЕРИЦЫ

Рецензент **Л. Михайлова**
Редактор **В. Фалеев**
Художник **В. Роганов**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **В. Пилкова**
Корректоры **Н. Самойлова, И. Ларина**

Сдано в набор 02.02.84. Подписано в печать 06.07.84. А00747.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,3. Усл.
кр.-отт. 13,65. Учетно-изд. л. 13,8. Тираж 100 000 экз. Це-
на 1 руб. Заказ 2266.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сушчевская 21,

1 руб.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

